Вестник
Московского государственного областного университета
Серия «ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ»
№ 3 Выходит 5 раз в год 2013

Научный журнал основан в 1998 г.

«Вестник МГОУ» (все его серии) включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии (См.: Список журналов в редакции от 25.05.2012 г. на сайте ВАК) по наукам, соответствующим названию серии.

Учредитель журнала:
Московский государственный областной университет

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru)

Адрес Отдела по изданию научного журнала «Вестник МГОУ»
г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98
тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
Сайт: www.vestnik-mgou.ru

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника МГОУ» обязательна. Воспроизведение материалов в печатных, электронных или иных изданиях, без разрешения редакции, запрещено. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии серии может не совпадать с точкой зрения автора. Рукописи не возвращаются.

The academic journal is established in 1998

«Bulletin of the Moscow State Regional University» (all its series) is included by the Supreme Certifying Commission into the List of the leading reviewed academic journals and periodicals, in which the basic research results of Ph.D. and Doctorate's academic degree thesis should be published (See: the List of journals edited 25.05.2012 at the site of the Supreme Certifying Commission) in corresponding series.

The founder of journal:
The Moscow State Regional University

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), as well as at the site of the Moscow State Regional University (www.vestnik-mgou.ru)

The Editorial Board address:
Moscow State Regional University
10a Radio st., office 98
Moscow, Russia
Phones: (499) 261-43-41; (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
Site: www.vestnik-mgou.ru

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow State Regional University» is obligatory. The reproduction of materials in printed, electronic or other editions without the Editorial Board permission, is forbidden. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

№ 3 Issued 5 times a year 2013
Series «History and Political Sciences»
Bulletin of the
Moscow State Regional University

Редакционно-издательский совет «Вестника МГОУ»
Publishing council «Bulletin of the MSRU»

Хроменков П.Н. – к.фил.н., проф., ректор МГОУ (председатель совета)
Левченко М.Н. – д.фил.н., проф., проректор по научной работе МГОУ (*зам. председателя совета*)
Абрамов А.В. – к.пол.н., доц., нач. отдела по изданию журнала «Вестник МГОУ»
Асмолов А.Г. – академик РАО, д.психол.н., проф. МГУ им. М.В. Ломоносова
Белозеров В.Е. – д.ф-м.н., проф. Днепропетровского национального университета (Украина)
Боголюбов Л.Н. – академик РАО, д.пед.н., проф.
Клычников В.М. – к.ю.н., к.и.н., проф., проректор по учебной работе и международному сотрудничеству МГОУ
Затулин К.Ф. – директор Института диаспоры и интеграции (Института стран СНГ)
Коничев А.С. – д.б.н., проф. МГОУ
Лекант П.А. – д.фил.н., проф. МГОУ
Марченко М.Н. – д.ю.н., проф. МГУ им. М.В. Ломоносова
Нелюбин Л.Л. – д.фил.н., профессор МГОУ
Ницевич В.Ф. – д.пол.н., проф., ректор Орловского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
Пасечник В.В. – д.п.н., проф. МГОУ
Поляков Ю.М. - канд. фил. н., гл.ред. «Литературной газеты»
Пусько В.С. – д.ф.н, проф. МГТУ им. Н.Э. Баумана
Трайтак С.Д. – к.ф-м.н., проф. МГГУ им. М.Л. Шолохова
Троич К. Г. – доктор, проф. Кобленц-Ландау Университета (Германия)
Ху Гумин – д.фил.н., проф., Институт иностранных языков Уханьского университета (Китай)

P.N. Khromenkov – Ph. D. in Philology, Professor, Principal of the MSRU (*Chairman of the Council*)
M.N. Levchenko – Doctor of Philology, Professor, Vice-Principal for scientific work of the MSRU (*Deputy Chairman of the Council*)
A.V. Abramov – Ph.D. in Political Sciences, Associate Professor, the Head of the editorial department of the Bulletin of the Moscow State Regional University
A.G. Asmolov – Member of Russian Academy of Education, Doctor of Psychology, Professor of Moscow State University
B.E. Belozerov – Doctor of Physics and Mathematics, Professor of Dnepropetrovsk National University (Ukraine)
L.N. Bogolyubov – member of Russian Academy of Education,Doctor of Pedagogics, Professor
V.M. Klychnikov – Ph.D. in Law, Ph. D. in History, Professor, Vice-Principal for academic work and international cooperation of the MSRU
K.F. Zatulin – the Head of Institute for Diaspora and Integration (Institute of the CIS Countries)
A.S. Konichev – Doctor of Biology, Professor of the MSRU
P.A. Lekant – Doctor of Philology, Professor of the MSRU
M.N. Marchenko – Doctor of Law, Professor of Moscow State University
L.L. Nelyubin – Doctor of Philology, Professor of the MSRU
V. F. Nitsevich – Doctor of Politics, Professor, the Principal of the Oryol Brunch Russian Academy of National Economy and Public Administration
V.V. Pasechnik – Doctor of Pedagogics., Professor of the MSRU
Yu. M. Polyakov – Ph.D. in Philology, editor-in-chief of "Literaturnaya Gazeta"
V.S. Pus'ko – Doctor of Philosophy, Professor of the Bauman Moscow State Technical University
S.D. Traytak – Ph.D. in Physics and Mathematics, Professor of the Sholokhov Moscow State University for the humanities
Klaus G. Troitzsch – Doctor, Professor of Koblenz-Landau University (Germany)
Hu Gumin – Doctor of Philology, Professor, Institute of Foreign Languages of Ukhan University (China)

Редакционная коллегия серии «История и политические науки»
Series editorial board «History and Political Sciences »

Ответственный редактор серии:
Смоленский Н.И. – доктор исторических наук, профессор
Заместитель ответственного редактора серии:
Волобуев О.В. – доктор исторических наук, профессор.
Ответственный секретарь серии:
Насонова С.А. – кандидат исторических наук.
Члены редакционной коллегии серии:
Журавлев В.В. – д.и.н., проф.**; Захаров В.Н.** – д.и.н., проф.**; Фукс А.Н.** – д.и.н., проф.; **Абрамов А.В.** – к. полит. н., доц.; **Дж. Гонзалес,** доктор наук, университет Воллонгонг (Австралия); **Могильницкий Б.Г.** – д.и.н., проф. (ТГУ, Томск)**; Протасов Л.Г**. – д.и.н., проф. (ТГУ, Тамбов)**; Наталици М.** – доктор наук (университет Сиена, Италия); **Воронин С.А**. – д.и.н., проф. (РУДН, Москва)

Editor-in-chief **:**
N.I. Smolensky – Doctor of History, Professor
Deputy editor-in-chief:
O.V. Volobuyev – Doctor of History, Professor
Executive secretary of the series: **S.A. Nasonova** – Ph.D. in History
Members of Editorial Board: **V.V. Zhuravlev** – Doctor of History, Professor; **V.N. Zakharov** – Doctor of History, Professor; **A.N. Fuks** – Ph.D. in History, Professor; **A.V. Abramov** – Ph. D. in Political Sciences, Associate Professor; **J. González** – Doctor of Science (University of Wollongong, Australia); **B.G. Mogilnitsky** – Doctor of History, Professor (Tomsk State University; Tomsk); **L.G. Protasov** – Doctor of History, Professor (Tambov State University; Tambov); **M. Natalici** – Doctor of Science (University of Siena, Italy); **S. Voronin** – Doctor of History, Professor (People's Friendship University of Russia).

ISSN 2072-8360

Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». – 2013. – № 3. – М.: Изд-во МГОУ. – 118 с.

Журнал «Вестник МГОУ» серия «История и политические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство **ПИ № ФС77-26139**

Индекс серии «История и политические науки» по каталогу агентства «Роспечать» **36765**

© МГОУ, 2013.
© Издательство МГОУ, 2013.

ISSN 2072-8360

Bulletin of the MSRU. Series «History and Political Sciences». – 2013. – № 3. – M.: MSRU Publishing house. – 118 p.

The series « History and Political Sciences» of the Bulletin of the Moscow State Regional University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate **ПИ № ФС77-26139**

Index series «History and Political Sciences» under "Rospechat" agency catalog **36765**

© MSRU, 2013.
© MSRU Publishing house, 2013.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I.
ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Мегем М.Е. СЮЖЕТЫ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЛИТОВСКОЙ ИСТОРИИ И ПОЛИТИКА КОНСТРУИРОВАНИЯ ПРОШЛОГО В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 7
Скрипченко Н.А. ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СУДЬЯ ВАСИЛИЙ ЛЕОНТЬЕВИЧ КОЧУБЕЙ (1640–1708 гг.) В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ И УКРАИНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 16
Разумов С.А. ПИСЦОВЫЕ И МЕТРИЧЕСКИЕ КНИГИ: ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ГЕНЕАЛОГИИ ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА В XVIII – НАЧАЛЕ XX вв. 21
Сызранов А.В. ГОСУДАРСТВО И ИСЛАМ В ПОВОЛЖЬЕ В 1991–2008 гг. (ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА) 26

РАЗДЕЛ II.
ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

История Древнего мира, средних веков и нового времени

Сафронов А.В. НЕЗАМЕЧЕННОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО ЕГИПЕТСКО-УГАРИТСКИХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ КОНТАКТОВ ПЕРИОДА ПРАВЛЕНИЯ СЕТИ II 31
Воронина Т.Е. СОЛОМОНОВО ВРЕМЯ ИЗРАИЛЯ (ПРОБЛЕМЫ РЕЛИГИОЗНОГО КУЛЬТА) ..36
Гребенюк В.С. МИССИЯ УОЛША И БРИТАНСКАЯ ЭКСПАНСИЯ В ИНДИИ, 1759 г. 40

Новейшая история

Балуев А.Ю. ЭСКАЛАЦИЯ НАПРЯЖЁННОСТИ В ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ США И ГВАТЕМАЛОЙ В ПЕРИОД БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ РЕФОРМ Х.Х. АРЕВАЛО 44
Шатилов Д.О. ХИППИ: ФЕНОМЕН НЕПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТЕСТА 60-х XX в. В США ...49
Печищева Л.А. ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУ ГЕРМАНИЕЙ И ПАКИСТАНОМ В НАЧАЛЕ 2000-х гг. 54

РАЗДЕЛ III.
ИСТОРИЯ РОССИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ И НОВОГО ВРЕМЕНИ

Ларюшкин О.В. НЕМЕЦКАЯ СЛОБОДА МОСКВЫ: СТАТИСТИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ (СЕРЕДИНА XVII – СЕРЕДИНА XVIII вв.) 58
Назаров А.А. ЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ДЕЛАМИ ПРОТЕСТАНТСКИХ ЦЕРКВЕЙ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в. 65
Лучникова Е.А. ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ОБОЗРЕНИЯ ТОЛСТОВЦЕВ КАК ОДИН ИЗ ПУТЕЙ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИДЕЙ МИРНОГО ХРИСТИАНСКОГО АНАРХИЗМА НА РУБЕЖЕ XIX-XX вв. 70
Короткова А.В. МОСКОВСКИЙ СОВЕТ ПРИСЯЖНЫХ ПОВЕРЕННЫХ И ПРОБЛЕМА СОЗДАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КАССЫ ВЗАИМОПОМОЩИ В НАЧАЛЕ XX в. 74
Нестеров И.А. РАЗВИТИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ В МОСКВЕ И ОТСТАВКА ГОРОДСКОГО ГОЛОВЫ КНЯЗЯ В.М. ГОЛИЦЫНА (ЯНВАРЬ – НОЯБРЬ 1905 г.) 79

РАЗДЕЛ IV.
НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

Суханова Н.И. ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАСТРОЕНИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В УСЛОВИЯХ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПЕРЕМЕН 1917–1918 гг. 84
Мараев В.Р. ДЕЛЕГАЦИЯ ЛЬВА ЧИКАЛЕНКО И АЛЕКСАНДРА САЛИКОВСКОГО ВО ВСЕВЕЛИКОЕ ВОЙСКО ДОНСКОЕ (НОЯБРЬ 1919 г.) 90
Децюк А.Р. БОЕВОЕ КРАСНОЕ ЗНАМЯ: АСПЕКТЫ БЫТОВАНИЯ 94
Королев С.В. ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОЛОДЕЖНЫХ ДВИЖЕНИЙ В СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ (90-е гг. XX в.) 99
Тополев А.Ю. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РОССИИ С ГОСУДАРСТВАМИ ЮЖНОГО КАВКАЗА И СРЕДНЕЙ АЗИИ В 1992–1999 гг.: ЗАПАДНЫЕ ОЦЕНКИ 104

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Политаев П.П., Политаев В.И. О КОНЦЕПЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТОЛОГИИ 111
УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ МОСКОВСКОГО ОБЛАСТНОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ПОЛИТОЛОГОВ..... 114

НАШИ АВТОРЫ 116

CONTENTS

SECTION I.
HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDY

M. Megem. MEDIEVAL LITHUANIAN HISTORY SUBJECTS AND THE POLICY OF CONSTRUCTING HISTORY IN SOVIET HISTORIOGRAPHY 7
N. Skrypchenko. GENERAL JUDGE VASILIY LEONTIEVICH KOCHUBEY (1640–1708) IN THE CONTEMPORARY UKRAINIAN AND RUSSIAN HISTORIOGRAPHY 16
S. Razumov. CADASTERS AND METRIC BOOKS: THE MAIN SOURCES OF THE GENEALOGY OF THE ORTHODOX CLERGY IN THE XVIII-BEGINNING OF XX CENTURIES 21
A. Syzranov. THE STATE AND ISLAM IN THE VOLGA REGION IN 1991-2008 (THE HISTORIOGRAPHY OF THE PROBLEM) 26

SECTION II.
GENERAL HISTORY

History of the Ancient and Middle Ages

A. Safronov. AN UNNOTICED EVIDENCE OF EGYPTIAN-UGARITIC DIPLOMATIC CONTACTS IN THE REIGN OF SETHOS II 31
T. Voronina. THE TIME OF SOLOMON OF ISRAEL (THE PROBLEMS OF THE RELIGIOUS CULT) 36
V. Grebenyuk. WALSH'S MISSION AND THE BRITISH EXPANSION IN INDIA, 1759 40

Contemporary history

A. Baluev. ESCALATION OF TENSION IN RELATIONS BETWEEN THE USA AND GUATEMALA IN THE PERIOD OF H.H. AREVALO'S BOURGEOIS-DEMOCRATIC REFORMS 44
D. Shatilov. HIPPIES: THE PHENOMENON OF NON-POLITICAL PROTEST IN THE USA IN THE 60-S 49
L. Pechishcheva. THE FEATURES OF THE GERMAN-PAKISTANI INTERREACTION AT THE BEGINNING OF THE 2000S 54

SECTION III.
HISTORY OF RUSSIA THE MIDDLE AGES AND NEW TIME

O. Laryushkin. THE GERMAN QUARTER IN MOSCOW: THE STATISTICAL-DEMOGRAPHIC ANALYSIS (THE MID 17TH CENTURY – THE MID 18TH CENTURY) 58
A. Nazarov. CENTRALIZATION STAGES OF THE ADMINISTRATION OF PROTESTANT CHURCHES IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE FIRST HALF OF THE XIXTH CENTURY 65
E. Luchnikova. TOLSTOYANS' PERIODIC REVIEWS AS ONE OF THE WAYS OF SPREADING THE IDEAS OF PEACEFUL CHRISTIAN ANARCHISM IN THE XIX-XX CENTURIES 70

A. Korotkova. THE MOSCOW COUNCIL OF JURYMEN AND THE PROBLEM OF CREATION OF PROFESSIONAL LOAN-SOCIETY AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY 74
I. Nesterov. DEVELOPMENT OF REVOLUTIONARY EVENTS IN MOSCOW AND RESIGNATION OF THE MAYOR OF THE PRINCE V.M. GOLITSYN (JANUARY – NOVEMBER, 1905) 79

SECTION IV.
CONTEMPORARY HISTORY OF RUSSIA

N. Sukhanova. PUBLIC SENTIMENTS IN THE NORTHERN CAUCASUS DURING THE REVOLUTIONARY CHANGES OF 1917–1918 84
V. Marayev. DELEGATION OF LEV CHYKALENKO AND ALEXANDER SALIKOVSKIY TO THE GREAT TROOPS OF THE DON COSSACK STATE (NOVEMBER 1919) 90
A. Detsyuk. THE RED COMBAT BANNER: ASPECTS OF BEING 94
S. Korolyov. ON THE HISTORY OF CREATION AND ACTIVITIES OF YOUTH MOVEMENTS IN SMOLENSK REGION (THE NINETEEN NINETIES) 99
A. Topolev. THE RELATIONS BETWEEN RUSSIA AND THE STATES OF THE SOUTH CAUCASUS AND CENTRAL ASIA (1992–1999): WESTERN ASSESSMENTS 104

SCIENTIFIC LIFE

P. Politaev, V. Politaev. POLITICAL SYSTEM CONCEPTS AT MODERN POLITICAL MARKET OF RUSSIA 111
CONSTITUENT MEETING OF THE MOSCOW REGIONAL BRANCH OF THE RUSSIAN SOCIETY OF POLITICAL SCIENTISTS 114

OUR AUTHORS 116

РАЗДЕЛ I.
ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 930(470+571):94(474.5)“04/14”

Мегем М.Е.
Балтийский федеральный университет им. И. Канта (г. Калининград)

СЮЖЕТЫ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЛИТОВСКОЙ ИСТОРИИ И ПОЛИТИКА КОНСТРУИРОВАНИЯ ПРОШЛОГО В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

M. Megem
Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad

MEDIEVAL LITHUANIAN HISTORY SUBJECTS AND THE POLICY OF CONSTRUCTING HISTORY IN SOVIET HISTORIOGRAPHY

Аннотация. В статье на основании дискурсивного анализа текста характеризуется советская историография, посвящённая прошлому средневековой Литвы. Прослеживается связь между внутриполитической и внешнеполитической обстановкой в стране и процессом конструирования истории Литвы. Выделяются четыре ключевых сюжета, в рамках которых в Советском Союзе происходит интеграция литовской истории в общую концепцию истории СССР: становление Литовского раннефеодального государства и генезис феодальных отношений в Литве, глубокие исторические корни «дружбы» литовского и русского народов, совместная борьба Литвы и русских княжеств против «Натиска на Восток», захват Литвой (литовскими феодалами) русских, белорусских и украинских земель.

Ключевые слова: История Литвы, советская историография, политика воспоминаний, Литовское раннефеодальное государство, «Дружба народов», «Натиск на Восток».

Abstract. On the basis of the text discourse analysis the article gives characteristics of the Soviet historiography dedicated to the past of the Medieval Lithuania. The article follows the connection between the domestic and foreign political situation in the country and the process of construction of the history of Lithuania. Lithuanian history was integrated into general conception of the USSR history in the terms of four key subjects: establishing the early feudal state of Lithuania and the genesis of feudal relationships in Lithuania, deep historical roots of «friendship» between Lithuanian and Russian nations, collective Lithuanian and Russian principalities battle against «Onslaught to the East», the seizure of Russian, Belurussian and Ukranian lands by Lithuaniann feudals.

Key words: History of Lithuania, Soviet historiography, politics of reminiscences, early feudal state of Lithuania, «Nations friendship», «Onslaught to the East».

История Литвы, как и история других братских народов СССР, являлась важным объектом исследования для советских авторов. Эпизоды литовской истории обязательно встречались в учебной литературе по истории СССР и общих изданиях, посвященных прошлому русских земель. Литовская Советская Социалистическая Республика имела свою школу

© Мегем М.Е., 2013.

ученых и ряд «классических» обобщающих работ, в которых излагалась «официальная» трактовка истории народа. В связи с тем, что в настоящий момент современной российской историографии пристальное внимание обращается на изучение наследия Великого княжества Литовского в дореволюционной исторической науке, а советская медиевистика долгое время не попадала в поле зрения исследователей, данная работа представляет особую актуальность.

Великая Октябрьская Социалистическая революция оказалась переломным моментом в исследовании средневекового прошлого Литвы. В «новой» марксистской науке длительное время не находилось место изучению литовской и западнорусской истории, которая не была особенно интересна большевикам. Если в дореволюционной историографии литовская проблематика активно разрабатывалась учеными [29, с. 144–153], то с приходом советской власти научные штудии, посвященные прошлому Литвы, потеряли свою актуальность, уступив место более востребованным и конъюнктурным темам. Москва, Петроград[1] и Киев утратили свое значение как литуанистические центры. Часть историков, специализировавшихся на западнорусской истории, были вынуждены покинуть советскую Россию. Те же исследователи, кто остался в Советской России, по разным причинам не могли заниматься литовской историей. Научные изыскания марксистских ученых 1920–1930-х гг. по истории Литвы носили фрагментарный характер.

Возвращение интереса к литовскому прошлому и правильная постановка предмета истории Литвы в советской историографии, по мнению одного из корифеев литуанистики В.Т. Пашуто, было связано с разгромом «школы Покровского» [39, с. 240]. Правда, с «официальной» версией В.Т. Пашуто сложно согласиться, так как обращение к литовской тематике во второй половине 1930-х скорее были вызваны не идеологической кампанией против учеников М.Н. Покровского, а изменением отношения партийного руководства к роли исторической науки и включением Литвы в состав Советского Союза, которое потребовало оформления официальной позиции власти касательно прошлого Литвы. Перед советскими учеными была поставлена задача интегрировать историю литовского народа в общую концепцию истории СССР.

В 1940–1950-е гг. были сформированы устойчивые каноны советской исторической науки, в соответствии с которыми возникла классическая система исторических представлений [46, с. 159]. Параллельно с этим сложились ключевые сюжеты, в контексте которых происходила репрезентация литовской истории. Сюжеты были настолько устойчивы, что они присутствовали не только в советском нарративе, но и фигурируют по сей день в российской исторической науке. Данные сценарии были напрямую взаимосвязаны с важнейшими событиями в истории СССР, соответствовали парадигме советского партийно-государственного дискурса и отвечали потребностям политических практик. Прошлое Литвы в советской науке сократилось до четырех базовых сценариев: становление Литовского раннефеодального государства и генезис феодальных отношений в Литве, глубокие исторические корни «дружбы» литовского и русского народов, совместная борьба Литвы и русских княжеств против «Натиска на Восток», захват Литвой (литовскими феодалами) русских, белорусских и украинских земель.

Становление Литовского раннефеодального государства и генезис феодальных отношений в Литве

Тема «Литва – раннефеодальное государство» – это единственный сюжет, который в советском нарративе посвящен собственно литовской истории. Данная проблема привлекала внимание советских историков в связи с тем, что литовцам, в отличие от других балтских народов, удалось создать свое собственное государство. А вопрос образования государства для советской историографии имел существенное значение, так как

[1] До 1914 г. город назывался Санкт-Петербург, с 1924 г.– Ленинград

показывал переход национальной общности из одной формации в другую. Также надо учитывать, что возникновение литовской государственности и история Великого княжества Литовского являются для населения Литвы сакральными сюжетами. По этой причине советское руководство, нуждавшееся в социальной поддержке Литвы, несколько модифицировало набор традиционных символов и образов прошлого [45, с. 427].

Советские историки схематизировали раннюю историю литовского народа в русле общей концепции истории СССР, марксистско-ленинской теории и формационного подхода к интерпретации исторического процесса, в результате чего литовским племенам в IX-XIII вв. были присвоены в качестве основных характеристик такие процессы, как классовое расслоение, развитие частной собственности и производительных сил, становление общественного неравенства [31, с. 672–679], наступление местной знати на права и земли лично свободных общинников [31, с. 779] и т.д.

Интересы знати, по мнению В.Т. Пашуто, в это время требовали создания прочной надстройки единого государства – «аппарата власти, подавляющего сопротивление подвластного крестьянства, за счет которого росло крупное землевладение» [32, с. 482; 39, с. 384]. В итоге Литва «перешла от первобытно-общинного строя к феодализму» [32, с. 482]. Обязательно подчеркивалось, что по сравнению с Русью становление феодальных отношений в Литве шло более медленными темпами. По этой причине только в XIII в. на территории, где проживал литовский этнос, произошло формирование "относительно единого раннефеодального государства". Примечательно, что фактически в каждом издании Литва XIII-XIV вв. идентифицируется как «Литовское раннефеодальное государство» [15, с. 432; 16, с. 80; 20, с. 170; 31, с. 677; 32, с. 478; 42, с. 358; 44, с. 173; 47, с. 65; 52, с. 710].[1]

В подобном дискурсе восприятие собственно литовской истории происходило в социально-экономической плоскости сквозь призму основных постулатов марксизма-ленинизма. Образ средневековой Литвы отчасти конструировался за счет применения марксистских категорий, с помощью которых характеризовался уровень общественно-экономического развития литовского народа, благодаря чему история Литвы оказалась включена в советскую систему исторических представлений.

Глубокие исторические корни «дружбы» литовского и русского народов

Вследствие «инкорпорации» 1940 г. и Второй Мировой войны территория Литвы оказалась в составе Советского Союза. В результате вхождения Литвы и образования Литовской Советской Социалистической Республики назрела необходимость объяснить причины присоединения Литвы и тем самым идеологически легитимировать советскую власть в глазах литовского населения и других народов СССР. После введения советских войск в Литву, массовых ссылок литовцев в Сибирь, разрушительных последствий Второй мировой войны, активной политики «советизации», проводимой в Юго-Восточной Балтике, Советский Союз долгое время в Литве воспринимался в негативном свете. В свою очередь, историческая наука являлась действенным идеологическим орудием, позволяющим на основании исторических прецедентов продемонстрировать предопределенную закономерность вхождения Литвы в СССР и сформировать позитивное отношение литовцев к новой власти. Таким образом, при конструировании новой советской концепции литовской истории ученые-марксисты исходили из основных положений доктрины «дружбы народов». События 1940

[1] Исключение составляет только одна ранняя работа В.Т. Пашуто "Очерки по истории галицко-волынской Руси", в которой он Литву XIII в. называет «дофеодальным» государством [40, с. 93]. Такая точка зрения автора говорит нам о том, что в конце 1940-х гг. в советской науке не сложилось четкой позиции по отношению к уровню социально-экономических отношений в Литве, формационной стадии, на которой находился литовский народ.

г. трактовались как освобождение от пут капитализма [17, с. 3] и возвращение Литвы в семью братских республик, в которой литовский народ обретает независимость и подлинную свободу [2, с. 162].

В советском историческом дискурсе принципиальное значение придавалось анализу исторических фактов, подтверждающих наличие «незыблемой» [17, с. 88] и «нерушимой дружбы» [2, с. 9] между русским и литовским народами в далеком прошлом. Важное место отводилось иллюстрации примеров о «прогрессивной» роли русского народа в истории Литвы. В этой схеме «великий» русский народ – старший брат, исторический союзник, руководитель [[17, с. 3], воспитывающий и защищающий своего младшего сородича в лице литовского народа. Несмотря на череду столетий, «переживая сменяющиеся государственные и правовые институты», «братская дружба» сохраняла свою силу [11, с. 240].

Советские историки проводили прямую связь между наследием Древней Руси, русских княжеств, Московского государства и Советским Союзом. Понятие «русский» являлась синонимом слова «советский» [3, с. 115]. В данном случае история воспринималась как закономерный поступательный процесс развития [11, с. 5], поэтому положительное влияние Руси, Московского княжества, Российской империи на литовский народ в прошлом доказывает, что присоединение Литвы к СССР имеет прогрессивное значение, прежде всего, для самих балтов.

Одно из главных положений концепции «дружба народов», заключалось в том, что исторические судьбы литовского, латышского и эстонского народов «издавна связаны» с судьбами Руси [31, с. 572; 36, с. 92–95], имевшей «устойчивые позиции в языческой Прибалтике» [38, с. 5; 40, с. 242]. Взаимоотношения литовских племен и русских княжеств оценивалось как «тесное сотрудничество» [31. с. 572], которое подразумевало под собой «позитивное» экономическое и культурное воздействие Руси на Литву [31. с. 336].

Советские исследователи обязательно упоминали, что языческая Литва в общественно-экономическом и культурном отношении «стояла значительно ниже Руси» [26, с. 7; 28], подтверждением чего служат множественные литовские заимствования на Руси, которая привносила с собой в Юго-Восточную Балтику более высокую духовную и материальную культуру [33, с. 4]. Русские земли, выступая в роли «верного союзника» [33, с. 11–12] и соратника [23, с. 4], обязательно предоставляли литовцам постоянную военную помощь в «общей» борьбе с «иноземными захватчиками» [17, с. 56; 31, с. 336; 53, p. 71].

В данной схеме Русь выступала как активный субъект, положительно воздействующий на Литву, которая в свою очередь являлась объектом, закономерно вбирающим в себя «прогрессивные» элементы русской цивилизации.

Русские земли и братские народы в окружении врагов

Освещение литовской истории также происходила в рамках сюжета о перманентных попытках врагов захватить русские земли и поработить русский народ. Как заметил А.Н. Филюшкин, «временная победа не идет поработителям впрок. Оккупация русских земель может означать лишь краткое торжество неприятеля; и является точкой отсчета обратного процесса, освободительного движения, неизбежно ведущего супостатов к гибели» [49, с. 568–569].

Советскими учеными формировалось представление о том, что русский народ постоянно находиться в кольце врагов, которые в силу различных причин время от времени оккупируют русские территории. Например, история XIII в. рассматривается как напряженный и наполненный героизмом период борьбы русского народа за свою «независимость» [6, с. 591; 19, с. 75], за свою «землю и свободу от многочисленных врагов» [31, с. 776]. «Враги» классифицируются как по национальному, так и по классовому признаку. С точки зрения национальных критериев, в средневековье врагами русского народа являлись монголы, немцы, шведы, датчане, венгры, поляки, литовцы [6, с. 591; 28; 36, с. 3,

138], папская курия [44; с. 178], т.е. «полчища захватчиков» [36, с. 255] и «чужеземцев» [27, с. 5]. В свою очередь, классовыми «врагами» были «иноземные феодалы» [6, с. 591;31, с. 776].

«Враги», нанося удар за ударом [31, с. 791], наступая на Русь с Востока и нападая с Запада [36, с. 3, 138], расшатывали целостность русских земель. Потеря русских территорий обязательно оказывалась временным явлением. Могучая русская держава, несмотря на все сложности, неизменно «возрождалась из пепла», сбрасывала с себя «многовековое иноземное иго» и «сплачивала» вокруг себя братские народы, выступая в роли «объединителя» [18, с. 7]. Иными словами, русское централизованное государство «восстанавливало» свои исторические права на захваченные врагами земли [35, с. 126; 36, с. 240], а «братские народы» находили опору в русском народе и возвращались в родную стихию [36, с. 254].

Отметим, что в означенном дискурсе Литва представала, с одной стороны, «другом», «своим» в совместной борьбе с «Drang nach Osten» и «жертвой» немецкой агрессии, с другой стороны, – «захватчиком» русских, белорусских и украинских земель в XIII-XV вв. Первая репрезентация служила подтверждением догмы «дружба народов», наличии общих интересов в далеком прошлом. Идея «Литвы-жертвы» использовалась для создания образа «воинственной Германии», постоянно пытающейся завладеть восточными территориями. Восприятие Литвы как «захватчика» происходило в рамках сюжета о перманентной оккупации русских земель и их обязательном последующем возвращение.

Совместная борьба Литвы и русских княжеств против «Натиска на Восток»

Концепция «Натиска на Восток» – один из примеров, когда историческая наука была мобилизована на службу интересам Советского Союза. Напряженная обстановка между фашистской Германией и СССР вылилась в информационную и идеологическую войну, которая велась, в том числе, и историками 1930—1940-х гг. В этой войне советские исследователи должны были отвечать за идейную оборону родной страны [30, с. 79].

Образ «врага» в концепции «Натиска на Восток» соотносится с инициаторами и участниками крестовых походов на Русь и Юго-Восточную Балтику. Большинство авторов 1930–1950-х гг. отождествляют виновников «кровавого Drang nach Osten» по национальному признаку: движущая сила здесь – немецкие рыцари-феодалы. [8, с. 38–45; 9, с. 87–111; 10, с. 147; 12, с. 33; 16, с. 86, 89; 22, с. 22–53; 43, с. 110; 51, с. 6-7] После окончания Второй мировой войны фабула концепции несколько меняется, появляются другие инициаторы агрессии на балтские и русские земли. Наряду с милитаризмом «германских рыцарей» [13, с. 216] исследуется и роль шведских и датских рыцарей в крестовых походах в Юго-Восточную Балтику [21, с. 37–57; 30, с. 81][1].

Согласно ключевой идее «Натиска на Восток» борьба с крестоносцами без поддержки Руси была обречена на провал, так как, по мнению исследователей, балтские племена «не имеют достаточно сил, чтобы дать отпор врагу» [18, с. 48]. Народы Юго-Восточной Балтики были вынуждены искать помощи у русского народа, который являлся «верным союзником» [17, с. 63] и «единственной силой, могущей противостоять натиску крестоносцев» [31, с. 14]. В этих условиях «сильная Русь», которой принадлежит «решающая роль» в борьбе с крестоносцами, не раз вступалась за литовцев, эстов, латгалов и т. п. [1, с. 292; 31, с. 336; 36, с. 105] Так закладывается “фундамент многовековой традиции, а именно, опираясь на русскую помощь, литовцы отстаивали свою свободу от немецких поработителей” [31, с. 892; 36, с. 232].

[1] Но если датские крестоносцы интересны медиевистам лишь в контексте покорения западноевропейскими феодалами Северной Эстонии, то шведские рыцари занимают в «Натиске на Восток» куда более важную роль. Шведы посягали не только на балтские земли, но и на русские территории, что сразу переводило их в категорию главных «врагов». Кроме того, шведские крестоносцы были связаны с одним из основных концептов «Drang nach Osten» — с Невской битвой. [30, с. 81]

Образ Литвы в концепции "Drang nach Osten" занимает особое место. Литовцы успешно противостояли наступлению западноевропейских рыцарей, что связано, главным образом, с «героической борьбой» русского народа против агрессии с Запада. Кроме того, военные столкновения литовцев с крестоносцами удачно вписывались в советский историографический ландшафт, повествующий о единой борьбе балтских племён и русского народа против "Натиска на Восток".

Отметим, что советские исследователи зачастую анализировали прошлое Литвы сквозь призму истории всей Прибалтики. Так, в частности, описывая ход «Натиска на Восток», советские историки использовали концепт «Прибалтика» [6, с. 597; 31, с. 906; 35, с. 126–127], подчеркивая, что Немецкий орден препятствовал экономическому сплочению всех прибалтийских земель. Демонстрируя позитивное влияние Руси на балтские племена и их давние связи [22, с. 3, 19, 21; 31, с, 336, 695; 35, с. 126; 36, с. 254; 44, с. 96], медиевисты объединяли народы Юго-Восточной Балтии в одну категорию – Прибалтику, которая на советской ментальной карте являлась единым целым. Таким образом, представления тех лет о Прибалтике как нераздельной общности эстонского, латышского и литовского народов экстраполировались на средневековую историю. В данном случае речь идет о «воображаемой географии»[1], в рамках которой конструировалась карта Юго-Восточной Балтики эпохи Средневековья.

Захват Литвой (литовскими феодалами) русских, белорусских и украинских земель

Присоединение русских территорий к Литве в XIII-XIV вв. – еще один красочный пример, наглядно иллюстрирующий постоянное стремление «врагов» завладеть русскими землями. Образ «Литвы – захватчика» позволял советским медиевистам ответить на вопрос, почему белорусские, русские и украинские земли оказались в составе Великого княжества Литовского.

На формирование тезиса о Литве, захватывающей в средние века русские территории, оказали влияние непростые советско-литовские отношения в 1920–1930-ее гг. и советский сюжет о постоянной обороне от внешнего врага. Во второй половине 1950-х гг. партийно-государственный аппарат обратил внимание историков на необходимость завуалировать конфликты, происходившие между народами СССР. В итоге многие моменты означенного подхода были пересмотрены. Например, в 1970-е гг. появляются исследования, в которых делается акцент на том, что западнорусские земли были включены в состав Великого княжества Литовского [14, с. 34–37]. В пособии для учителей "Хрестоматия по истории Литовской ССР" [54] информация о присоединении русских территорий к Литве вообще отсутствует. Так происходила деактуализация конфронтационного восприятия совместной русско-литовской истории. Исследования с подобным идейным вектором, по словам советского литовского ученого К. Струмскиса, играли важную роль "в интернациональном воспитании советского народа" [48, с. 123].

В советской литературе 1940–1950-х гг. присутствовали факты, свидетельствующие о постоянной «возрастающей угрозе» со стороны Литвы [34, с. 134; 36, с. 226; 39, с. 372], о «литовской агрессии» [32, с. 210; 36, с. 250; 50, с. 542, 582] и литовских разорительных набегах, донимавших русские земли [5, с. 390; 34, с. 56; 39, с. 399], о «натиске» [50, с. 540] и «напоре» со стороны складывающегося Литовского государства [31, с. 387], о «литовской экспансии» в русские земли [7, с. 88; 11, с. 28; 24, с. 23; 51, с. 45], о «иноземном ярме», которое тянули братские народы Белоруссии и Украины [39, с. 397], о «насильственном отторжении» русских территорий [20, с. 170], о «грабежах» [41, с. 48], о литовских «захватни-

[1] Дефиниция «воображаемая география» введена в научный оборот американским исследователем Эдвардом Саидом и обозначает восприятие какой-либо территории, возникшее не в результате личного опыта, а сформированное дискурсом, в котором находится познающий пространство субъект.

ческих притязаниях» [50, с. 539], о «дерзких нападениях» [27, с. 38] и «опустошительных налетах» [28].

По мнению советских историков, захват русских земель Литвой произошел в связи с тем, что литовцы воспользовались слабостью Руси из-за «татаро-монгольского нашествия» [19, с. 79–80; 26, с. 5-6; 36, с. 173, 239, 249; 39, с. 389] и немецкого «Drang nach Osten» [4, с. 6-7; 32, с. 498, 512]. Среди причин, приведших к литовской «оккупации» белорусского, украинского и русского народов, советские медиевисты называют феодальную раздробленность и отсутствие единства на Руси [1, с. 287; 25, с. 7; 32, с. 497; 34, с. 134; 39, с. 366–367; 47, с. 66–67], а также личную выгоду русских князей и феодалов, сохранивших после присоединения к Литве большую часть своих прав [11, с. 29; 34, с. 134; 37, с. 271].

Территориальный рост Литовского государства, происходивший за счет русских земель, в глазах ученых представлял собой «временное» явление [31, с. 421], возможное только в «пору слабости Московского княжества [32, с. 512], которое на тот момент «еще не имело сил отстоять независимость» земель от притязаний захватчиков [32, с. 528]. Русские, белорусские и украинские земли были частью Великого княжества Литовского исключительно до тех пор, пока «Русское централизованное государство не поставило вопроса о восстановлении своих исторических прав на захваченные врагами земли» [31, с. 899].

В советском историческом дискурсе основной интерес к истории Литвы проявился, прежде всего, в 1940–1960 гг. и был вызван присоединением территории Литвы к Советскому Союзу. Перед советскими медиевистами была поставлена задача: интегрировать прошлое Литвы в общую концепцию истории СССР, которая была напрямую связана с советской реальностью и отвечала бы потребностям партийно-государственного строительства. Эскалация мифов и образов литовского прошлого переплеталась с внутриполитической и внешнеполитической ситуацией.

1. Включение истории Литвы, как и прошлого других братских народов, в единую концепцию истории СССР происходило с целью сплочения советских народностей и позволяло сформировать механизм идеологического контроля над общественной коммуникацией. Инкорпорация литовских земель в состав СССР в 1940 г. воспринималась как прогрессивное явление и объяснялась с позиции «советского» провиденциализма: литовский народ издавна стремился к воссоединению с «великим» русским народом, и их союз был исторически предопределен. Доказательная база подкреплялась свидетельствами о вековых «дружественных» контактах и глубоких исторических корнях экономических и культурных связей русского и литовского народов.

2. Активизация антинемецких и антизападных настроений при помощи использования примеров из средневековой истории происходила в условиях напряженной внешнеполитической обстановки, требовавшей проведения мобилизации советского общества. Советские ученые на основании исторических фактов демонстрировали, с одной стороны, постоянное желание немцев и других западноевропейских и классовых врагов захватить территории балтских и русских народов, с другой стороны, – многочисленный «позитивный» опыт совместной освободительной борьбы русского и балтских народов против агрессии «иноземных завоевателей». Всячески подчеркивалось, что литовский народ, оказавшийся «жертвой» крестоносного наступления, нуждался и получал регулярную поддержку со стороны русских земель. При этом русский и литовский народы исключительно защищали «свои» земли, не выступая как «захватчики» по отношению к другим территориям. Кульминация сценария – победа «своих», «наших» над «врагами», «чужими», которая одерживается вопреки всем трудностям и благодаря «праведности» общего дела.

Таким образом, история Литвы излагалась сквозь призму социально-экономических и внешнеполитических проблематик, в рамках определенного структурированного набора сюжетов. В результате утверждения системы

интерпретаций образов и символов прошлого Литвы произошла инструментализация исторических представлений о литовском народе. Данные символы и образы получили гегемониальный статус. Любое отклонение от «классической» трактовки событий, вследствие отложенного функционирования политики воспоминаний, было практически невозможно.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алексеев Л.В. Полоцкая земля в IX XIII вв. – М.: Наука, 1966. – 295 с.
2. Андреев А.М. Борьба литовского народа за советскую власть 1918–1919. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1954. – 162 с.
3. Барсенков А.С., Вдовин А.И, Корецкий В.А. Русский вопрос в национальной политике. XX век. – М.: Моск. Рабочий, 1993. – 160 с.
4. Белоруссия в эпоху феодализма. Сборник документов и материалов. – Т. 1. Под ред. А.И. Азаров и др. – Минск: Издательство АН БССР, 1959. – 516 с.
5. Будовниц И.У. Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI-XIV вв.). – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 488 с.
6. Всемирная история /Ред. А. Белявский, Л. Лазаревич, А. Монгайт. – Т. III.– М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. – 895 с.
7. Готье Ю. Балтийский вопрос в XIII-XVI веках // Историк-марксист. – 1941. – № 6. – С. 87–95.
8. Грацианский Н.П. Борьба славян и народов Прибалтики с немецкой агрессией в средние века. – М.: Гос. учебно-педагог. изд-во, 1943. – 64 с.
9. Грацианский Н.П. Немецкая агрессия в Прибалтике в XIII—XV вв. // Историк-марксист. – 1938. – № 6. – С. 87–111.
10. Грацианский Н.П. Немецкий Drang nach Osten в фашисткой историографии // Против фашистской фальсификации истории. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. – С. 135–155.
11. Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства: Киев.Русь и ист. судьбы вост. славян / В.Т. Пашуто, Б.Н. Флоря, А.Л. Хорошкевич. – М.: Наука, 1982. – 263 с.
12. Жюгжда Ю. Борьба литовского народа с немецкими рыцарями в XIII – XV веках // Исторический журнал. – 1943. – № 8-9. – С. 27–33.
13. Заборов М.А. Папство и крестовые походы. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 263 с.
14. История Белорусской ССР. – Минск: Наука и техника, 1977. – 632 с.
15. История Европы. Т.2. Средневековая Европа. – М.: Наука, 1992. – 808 с.
16. История Латвийской ССР: С древнейших времен до 1860 года. – Т. 1. – Рига: Ин-т истории и материал. культуры,1952. – 661 с.
17. История Литовской ССР: С древнейших времен до 1861 года.– Ч. I. – Вильнюс: Государственное издательство политической и научной литературы, 1953 – 490 с.
18. История СССР. С древнейших времен до наших дней: Борьба народов нашей страны за независимость в XIII-XVII вв. Образование единого Русского государства / Редкол.: М.Н. Тихомиров (отв. ред.) и др. – Т. 2. – М.: Наука, 1966 – 631 с.
19. История СССР. С древнейших времен до 1861 г. / Под. ред. М.Н. Тихомирова, Дмитриева С.С. – Т. I. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1948 – 416 с.
20. История СССР: С древнейших времен до 1861 года / под ред. П.И. Кабанова, В.В. Мавродина. – 3-е изд., испр.. – Ч. 1. – М.: Просвещение, 1974. – 606 с.
21. История Эстонской ССР: (с древнейших времен до наших дней) / под редакцией Г.И. Наана. – Таллин: Эстонское государственное издательство, 1958. – 748 с.
22. Казакова Н.Н., Шаскольский И.П. Русь и Прибалтика. IX–XVI вв. – Л.: Госполитиздат, 1945. – 128 с.
23. Латвийская ССР /А.М. Колотиевский, В.Р. Пурин, А.И. Яунпутнинь. – М.: Государственное издательство географической литературы, 1955. – 117 с.
24. Литва: Краткая энциклопедия / Редкол.: Й. Зинкус (пред.). – Вильнюс: Гл. ред. энцикл., 1989. – 672 с.
25. Ловмяньский Х. Владимир Терентьевич Пашуто как историк-медиевист // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1987. – М.: Наука, 1989. – С. 5-10.
26. Лочмель И.Ф. Очерк истории борьбы белорусского народа против польских панов. – М.: Воениздат, 1940. – 167 с.
27. Лурье А.Я. Александр Невский. – М.: Воениздат, 1939. – 56 с.
28. Мавродин В.В. Образование русского национального государства. – Л.: Госполитиздат. 1941. – 208 с.URL: http://www.rummuseum.ru/portal/node/745 (дата обращения: 11.03.2013).
29. Мегем М.Е., Вакар М. Литва XI-XIV веков в трудах отечественных историков 50–70-х годов XIX века // Балтийский регион. – № 2012. – С. 144–153.
30. Мегем М.Е. “Натиск на Восток” в советском историческом дискурсе // Вестник Российского

государственного университета им. И. Канта. – 2010. – № 12. – С. 78–84.
31. Очерки истории СССР. Период феодализма, IX-XV вв.: в 2 ч. – Ч. 1.– М.: Изд-во АН СССР, 1953. – 984 с.
32. Очерки истории СССР. Период феодализма, IX-XV вв.: в 2 ч. – Ч. 2. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – 812 с.
33. Палецкис Ю. Думы о старшем брате. – М.: Госполитиздат, 1959. – 69 с.
34. Пашуто В.Т. Александр Невский. – М.: Молодая гвардия, 1974. – 160 с.
35. Пашуто В.Т. Борьба народов Руси и Восточной Прибалтики с агрессией немецких, шведских и датских феодалов в XIII— XV веках // Вопросы истории. – 1969. – № 7. – С. 109–128.
36. Пашуто В.Т. Героическая борьба русского народа за независимость (XIII в.). – М.: Госполитиздат, 1956. – 279 с.
37. Пашуто В.Т. Историческое значение Куликовской победы // Сказания и повести о Куликовской битве. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1982. – С. 262–291.
38. Пашуто В.Т. О политике папской курии на Руси (XIII век) // Вопросы истории. – 1949. – № 5. – С. 52–76.
39. Пашуто В.Т. Образование Литовского государства. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – 532 с.
40. Пашуто В.Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. – М.: Изд-во АН СССР, 1950. – 327 с.
41. Пашуто В.Т. Против буржуазных концепций образования Литовского государства // Вопросы истории. – 1958. – № 8. – С. 42–62.
42. Пашуто В.Т. Русь. Прибалтика. Папство. – М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2011. – 686 с.
43. Разин Е.А. История военного искусства с древнейших времен до первой империалистической войны 1914–1918 гг.: Военное искусство средневекового феодального общества. Т. 2. – М.: Воениздат, 1940 – 437 с.
44. Рамм Б.Я. Папство и Русь в X-XV веках. – М.; Л.: АН СССР, 1959. – 283 с.
45. Сафроновас В. О тенденциях политики воспоминания в современной Литве //Ab Imperio. – 2009. – № 3. – С. 424–459.
46. Советская историография / под общ. ред. Ю.Н. Афанасьева. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т., 1996. – 591 с.
47. Советский Союз. Географическое описание в 22 томах. Литва / С.С. Тарвидас, А.Б. Басаликас. Отв. ред. К.К. Белюка, М.И. Ростовцев. – М.: Мысль, 1967. – 286 с.
48. Струмскис К.Ю. Советские историки о сотрудничестве Литовской ССР с другими советскими республиками // Материалы межреспубликанской научной конференции по источниковедению и историографии народов прибалтийских республик Союза ССР. – Вильнюс: Институт истории АН Литовской ССР, 1978. – С. 122–127.
49. Филюшкин А.Н. Вглядываясь в осколки разбитого зеркала: Российский дискурс Великого княжества Литовского // Ab Imperio: Теория и история национальностей и национализма в постсоветском пространстве. – 2004. – № 4. – С. 561–601.
50. Черепнин Л.В. Образование русского централизованного государства в XIV-XV веках. – М.: Изд-во соц.-экон. лит., 1960. – 899 с.
51. Шабульдо Ф.М. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. – Киев: Наукова думка, 1987. – 181 с.
52. Шаджюс Г.А. Литовская Советская Социалистическая Республика (706–735) // Советская историческая энциклопедия. – Т. 8. – М.: Советская энциклопедия, 1965. – 992 с.
53. Lietuvos TSR istorija: Nuo seniausiř laikř iki 1861 metř. – Vilnius: Politines ir Mokslines Literaturos Leidykla, 1957. – T. 1. – 447 p.
54. Lietuvos TSR istorijos chrestomatija. – Kaunas: Sbiesa, 1972. – 319 p.

УДК 930.1«1640/1708» В. Кочубей

Скрипченко Н.А.
Киевский национальный университет им. Т. Шевченко (Украина)

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СУДЬЯ ВАСИЛИЙ ЛЕОНТЬЕВИЧ КОЧУБЕЙ (1640–1708 гг.) В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ И УКРАИНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

N. Skrypchenko
Taras Schevchenko National University of Kyiv, Ukraine

GENERAL JUDGE VASILIY LEONTIEVICH KOCHUBEY (1640–1708) IN THE CONTEMPORARY UKRAINIAN AND RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

Аннотация. В статье анализируются особенности современной российской и украинской историографии касающейся деятельности генерального писаря (1687–1699 гг.), генерального судьи (1699–1708 гг.) В.Л. Кочубея. Обращается внимание на противоречия, связанные с этой личностью, имеющие разную оценку в исторической литературе. Рассматриваются отношения между В.Л. Кочубеем и гетманом Украины И. Мазепой, которые вызывают особый интерес у исследователей.

Ключевые слова: генеральный писарь, генеральный судья, гетман, историография, казаческая старшина, Левобережная Гетманщина.

Abstract. This article examines contemporary Ukrainian and Russian historiography concerning the Ukrainian-Russian relations in the second half of the XVII – beginning XVIII centuries on the examples of V.L. Kochubey's activities as general clerk (1687–1699) and general judge (1699–1708). The article is devoted to the disputable questions connected with this person which are differently highlighted in historical sources. The relations between V.L. Kochubey and I.S. Mazepa, the Ukraine hetman, are described separately as they are the matter of special interest for researchers.

Key words: V.L. Kochubey, I.S. Mazepa, general clerk, general judge, Cossack foreman, Left-Bank Hetmanate.

Василий Леонтьевич Кочубей (1640–1708 гг.) – известная фигура российской и украинской истории, большой политик, его также можно назвать аристократом в социальном понимании. В исторической литературе В. Кочубей в большинстве случаев вспоминается исключительно рядом с И. Мазепой. После распада СССР вектор внимания к этой фигуре изменился, впрочем, как и его оценочные характеристики.

Целью данной статьи является анализ российских и украинских исторических работ, изданных в период 1990-х – 2013 гг., которые освещают жизнь и деятельность В.Л. Кочубея, а также сравнение представленных в них оценочных характеристик этой личности.

Сохранилась родовая легенда о происхождении предка Кочубеев из Крымского ханства, который переселился на территорию Гетманщины и принял православие под именем Андрея. К сожалению, информация о жизни и деятельности самого Андрея Кочубея (Кучук-бея) и его сына Леонтия на сегодняшний день отсутствует, но в большей степени представлен в источниках и научных работах В. Кочубей. Можно выделить два основных периода в его деятельности: первый (начальный) – касается времени проживания на территории Правобережной Украины и службы Кочубея канцеляристом при гетмане И. Брюховецком и П. Дорошенко; второй – начинается с момента побега В. Кочубея в Левобережную Гетманщину в 1675 г. и продолжается до момента казни в 1708 г. Жизнь Кочубея изменили события 1687 г., когда были подписаны Коломацкие статьи и избран гетманом И. Мазепа. В этом году Василий Леонтьевич был назначен генеральным писарем и занимал эту должность до 1699 г., когда по

© Скрипченко Н.А., 2013.

решению казацкой старшины его избрали генеральным судьей.

Основываясь на исторических источниках, большинство современных украинских исследователей предприняли попытку по-новому оценить личность В. Кочубея, которого в советской историографии изображали сродни герою. Традиция считать В. Кочубея и его родственника полковника И. Искру мучениками была унаследована от Российской империи, где Мазепу считали предателем. Известный российский историк Т.Г. Таирова-Яковлева отмечает практически отсутствие современной российской украинистики: «После плеяды блестящих и глубоких историков-украинистов, работавших в Петербурге и Москве в дореволюционный период (Д.Н. Бантыш-Каменский, О.М. Бодянский, Н.И. Костомаров, К.В. Харлампович) в советские времена возникла глубокая искусственная брешь» [7, с. 234–235].

На сегодняшний день в России и Украине, как и за рубежом, отсутствуют специальные работы, которые были бы посвященные истории семьи Кочубеев или хотя бы ее отдельным представителям. Большинство известной на сегодня информации о роли Кочубеев в среде казацкой старшины XVII–XVIII вв. была опубликована исследователями в XIX–XX вв., такими, как П.Г. Клепацкий, А.М. Лазаревский, Г.А. Милорадович, В.Л. Модзалевский. Стоит вспомнить современных украинских историков, которые работают над исследованием истории казачества и Гетманщины: А.М. Бовгиря, И.Л. Бутич, В.М. Горобец, А.И. Гуржий, О.О. Ковалевская, Л.Г. Мельник, В.И. Мильчев, Ю.А. Мицик, А.П. Моця, С.О. Павленко, С.Н. Плохий, В.И. Сергийчук, И.М. Сытый, В.А. Смолий, А.Г. Сокирко, В. В. Станиславский, В.С. Степанков, Т.В. Чухлиб, А.К. Швидько и другие. Среди современных российских ученых затрагивают эти вопросы такие исследователи, как В.А. Артамонов, А.С. Алмазов, Б.А. Алмазов, О.В. Баранова, В.С. Бобылев, А.Б. Каменский, В.В. Каргалов, А.И. Комиссаренко, К.А. Кочегаров, Р.С. Кривоченкова, Н.И. Павленко, Т.Г. Таирова-Яковлева, Б.Н. Флоря, А.Г. Шкваров и другие.

Сам Кочубей не являлся объектом отдельного исследования, а чаще всего упоминался только в контексте анализа деятельности тех гетманов Украины, в окружение которых входил. На сегодня в историографии обеих стран часто поднимаются вопросы взаимоотношения В. Кочубея с гетманом И. Мазепой, при этом нам удалось выделить самые распространенные из них:

– Какую роль сыграл В. Кочубей во время событий Коломацкого переворота 1687 г.?

– Был ли В. Кочубей инициатором акции Петра Иваненка (Петрика) 1692 г.?

– Возглавлял ли В. Кочубей оппозицию против гетмана И. Мазепы?

– Каковы были причины подачи доноса В. Кочубеем на И. Мазепу?

Что касается первого вопроса, то, по мнению большинства исследователей, В. Кочубей на Коломацкой раде 1687 г. был в команде старшины, которая выступила за снятие гетмана И. Самойловича. Следуя этой логике, получается, что именно благодаря участию в заговоре он получил должность генерального писаря. Эту точку зрения высказали еще Н.И. Костомаров, А.М. Лазаревский, а сегодня ее поддерживают украинские историки В.Н. Заруба, С.О. Павленко. Сходной по данному сюжету точки зрения придерживается Т.Г. Таирова-Яковлева, которая на основании дневника генерала П. Гордона (1635 – 1699 гг.) делает выводы о том, что именно В. Кочубей был самым активным участником ареста И. Самойловича и поэтому требовал для себя вознаграждения [5, с. 47–48].

Причастным В. Кочубея считают еще к одной оппозиционной группе. Это дело связано с именем Петра Иваненка (Петрика), который заключил договор с Крымом в 1692 г. и попытался поднять восстание на территории Гетманщины. Первопроходцем в исследовании этого вопроса был историк XX в. А.А. Оглобин, который считал, что именно В. Кочубей возглавил блок оппозиционных группировок Гетманщины и Запорожья, организовал восстание Петрика. Сегодня этой гипотезы придерживается историк А.В. Кресин [13, с. 51], склоняются к этой мысли так-

же В.А. Смолий и В.С. Степанков [19, с. 195]. Д.В. Журавлев считает, что генеральный писарь наладил отношения со сторонниками бывшего гетмана И. Самойловича и участвовал в заговорах старшины против И. Мазепы, вел негласное наблюдение за гетманом в 90-х гг. XVII в. и лелеял грандиозные планы, возглавляя мощную старшинскую группировку – так называемую «полтавскую оппозицию» [11, с. 137–138]. Л.Г. Мельник убежден в существовании «младшей старшины», в которую входил Петрик и которую всегда поддерживал «шеф» В. Кочубей и его тесть Ф. Жученко [15, с. 33]. Причастным Кочубея к организации восстания Петрика считает и А.Г. Шкваров (исследователь называет Петрика зятем генерального судьи) [8]. О существовании определенной, но не полтавской старшинской оппозиции (К. Солонина, Я. Лизогуб, Д. Райча, Г. Гамалия, С. Забила) по отношению к Мазепе и причастность к ней Кочубея сообщает в своей книге Т.Г. Таирова-Яковлева [5, с. 207]. В свою очередь, С.О. Павленко уверен в непричастности к «делу Петрика» Кочубея, аргументируя это личным признанием подозреваемого во время допроса и тем, что если бы И. Мазепа имел достаточно доказательств, то он бы или казнил В. Кочубея, или уже давно сослал его в Сибирь [16, с. 138].

Следующий вопрос является наиболее дискуссионным в историографии. Он касается причин представления доноса В. Кочубеем и его свояком, полтавским полковником И. Искрой на гетмана И. Мазепу. В. Кочубей начал эту акцию в августе 1707 г., отправив в Преображенский приказ иеромонаха Спасского монастыря с. Севска Никанора с устным донесением о том, что гетман И. Мазепа хочет предать царя Петра I. Всего основных причин подачи доноса предполагается несколько:

1) желание доказать верноподданность российскому царю через разоблачение И. Мазепы;
2) попытка В. Кочубея защитить семью от расправы, которая ждала бы их после измены И. Мазепы (ведь его дочь была замужем за гетманским племянником И. Обидовским);
3) личная обида В. Кочубея за «надругательство» гетмана над его дочерью Мотрей;
4) В. Кочубей принадлежал к оппозиционной партии, которая пыталась сбросить И. Мазепу с занимаемой должности и передать булаву миргородскому полковнику Д. Апостолу;
5) личные амбиции В. Кочубея и попытка занять им самим должность гетмана.

В дореволюционной и советской историографии выдвигались теории верноподданности российскому престолу В. Кочубея, который пытался разоблачить предателя И. Мазепу. Российский историк Н.И. Павленко отмечает заслуги В. Кочубея и И. Искры, как действия для защиты престола и обвиняет в их казни И. Мазепу, которому дает такую оценку: «принадлежал к числу тех людей, для которых не было ничего святого. В нем в одном сосредотачивались едва ли не все пороки человеческой натуры: подозрительность и скрытность, надменность и алчность, крайний эгоизм и мстительность, коварство и жесткость, любострастие и трусость» [4, с. 261]. Такой радикализм в отношении украинского политика часто критикуют другие российские историки, например А.Б. Каменский [3, с. 73].

А.Г. Шкваров в качестве причин подачи доноса не отбрасывает ни преданность В. Кочубея, ни его личную обиду [8]. Существует предположение, что дочь В. Кочубея Мотря влюбилась в уже пожилого гетмана И. Мазепу, который был её крестным отцом. Такие отношения не признали родители и были против выдачи дочери замуж за гетмана. Мотря сбежала в дом И. Мазепы, но он её вернул назад в семью. Фактически версию подачи доноса через «надругательство» над дочерью выдвигает сам В. Кочубей во время допроса. Материалы расследования были найдены еще Д.Н. Бантыш-Каменским, а также переизданы в 2008 г. С.О. Павленком [10, с. 368–409]. При представлении доноса В. Кочубей ссылался, как доказательство, на письма гетмана к Мотре, но украинский историк Е.Н. Дзюба ставит их достоверность под сомнение, по-

скольку гетман болел подагрой и не мог самостоятельно писать. Она же предполагает, что письма мог написать кто-то по заказу самого В. Кочубея [9, с. 103–104]. Но была ли эта причина основной или только конкретным поводом для давно спланированной акции? О.О. Ковалевская считает, что гетман был глубоко верующим и высоконравственным человеком [12, с. 61–62]. Совсем иную оценку личности И. Мазепы дает известный российский историк В.А. Артамонов: «Моральных ограничений гетман не знал. Сильная похотливость, перекрывала в нём христианскую нравственность» [1, с. 352].

С.О. Павленко высказал мнение о том, что В. Кочубея как человека который держал обиду за дочь, к доносу подтолкнула оппозиционная старшина, которую не удовлетворяла пассивность, инертность и нерешительность И. Мазепы. Предположим, что основой лагеря заговорщиков стал круг родственников Данила Апостола, которого они видели будущим гетманом [16, с. 285–287]. Т.Г. Таирова-Яковлева имеет несколько иное мнение, она считает, что именно Любовь Кочубей подталкивала мужа в амбициях на булаву, поэтому Василий Леонтьевич много лет вел интриги, чтобы свергнуть своего соперника [6, с. 103–104]. Против этих выводов, относительно двадцатилетней борьбы В. Кочубея за власть, выступает украинский историк А.С. Каревин [2, с. 155]. В своей книге, Т.Г. Таирова-Яковлева также пыталась доказать существование претензий В. Кочубея на гетманскую булаву, о чем свидетельствует существование портрета с надписью «Гетман Василь Кочубей» [5, с. 384], но и это А.С. Каревин ставит под сомнение, потому что В. Кочубей много раз исполнял обязанности наказного гетмана [2, с. 155].

За последние годы современные историки и любители за сюжеты своих исследований приняли не только все вышеперечисленное, но и вопросы службы В. Кочубея на Правобережье [14], его родовой герб и печать [17], фамильный архив [18], процесс реконструкции дома генерального судьи в Батурине.

Таким образом, на современном этапе развития историографии взгляды российских и украинских историков во многом не совпадают. Часть российских историков относительно преданности В. Кочубея императору Петру I осталась на позициях дореволюционной историографии. В украинской историографии большое внимание уделяется реабилитации гетмана И. Мазепы, и поэтому в действиях генерального судьи против него находят личные интересы (жажда гетманской булавы и др.). Общим для историков является и то, что чаще всего рассматриваются последние годы жизни В. Кочубея и процесс представления доноса на И. Мазепу.

Характерным для историографии обеих стран остается отсутствие специального исследования, в котором была бы всесторонне показана деятельность В.Л. Кочубея и его окружения. По нашему мнению, это необходимо осуществить, поскольку генеральный судья был один из символов казацкого государства, ярким представителем старшинского сословия и к тому же основателем известного клана, который дал больших политиков для Гетманщины и Российской империи (известный генеральный обозный С.В. Кочубей (1725–1779 гг.), министр и князь В.П. Кочубей (1768–1834 гг.) и многие другие на протяжении долгих лет хранили память о своем знаменитом предке). Стоит отметить главную заслугу современных исследователей истории России и Украины XVII – XVIII вв. в том, что они ввели в оборот множество новых источников, которые ранее не публиковались и дают новое представление на ход исторических событий и их оценку.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Артамонов В.А. «Полтавское сражение»; к 300 летию Полтавской битвы. – М., МППА «БИМПА», 2009. – 704 с.
2. Дискуссия. Обсуждение монографии Т.Г. Таировой-Яковлевой: «Иван Мазепа и Российская империя: история “предательства”». // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana, 2011. – № 2. – С. 115–162.
3. Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). – М.: РГГУ, 2001. – 575 с.
4. Павленко Н.И. Петр Великий. – М.: Мысль, 1990. – 591 с.

5. Таирова-Яковлева Т.Г. Иван Мазепа и Российская империя. История «предательства». – М.: Издательство Центрполиграф, 2011. – 225 с.
6. Таирова-Яковлева Т.Г. Мотря Кочубей и её роман с гетманом Иваном Мазепою // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana, 2007. – № 1/2. – С. 99–103.
7. Таирова-Яковлева Т.Г. Шкваров А.Г. Петр I и казаки. СПб.: Алетейя, 2010. – 456 с. – ISBN 978-5-91419–375-8 //
8. Studia Slavica et Balcanica Petropolitana, 2011. – № 2. – С. 234–241.
9. Шкваров А.Г. Петр I и казаки. [Электронный ресурс] // Проза.ру: [сайт]. URL: http://www.proza.ru/2010/03/28/1210 (дата обращения: 25.03.2013).
10. Дзюба О.М. Приватне життя козацької старшини XVIII ст. (на матеріалах епістолярної спадщини). – К.: Інститут історії України НАНУ, 2012. – 347 с.
11. Доба гетьмана Івана Мазепи в документах / Упоряд.: С.О. Павленко. – 2-ге вид. – К.: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2008. – 1144 с.
12. Журавльов Д.В. Мазепа: людина, політик, легенда. – Харків: Фоліо, 2007. – 382 с.
13. Ковалевська О. Іван Мазепа у запитаннях та відповідях. – Вид. 2-ге, доп. і випр. – К.: Темпора, 2008. – 200 с. іл.
14. Кресін О. Політико-правові аспекти відносин урядів Івана Мазепи та Пилипа Орлика з Кримським Ханством // Гетьман Іван Мазепа: постать, оточення, епоха. Зб. наук. праць. / Відп. ред. В.А. Смолій. – К.: Інститут історії України, 2008. – С. 48–71.
15. Кривошея В.В. Козацька старшина Гетьманщини. Уманський полк // Гілея: науковий вісник, 2010. – Вип. 34. – С.5-27.
16. Мельник Л.Г. Лівобережна Гетьманщина періоду стабілізації (1669–1709 рр.). – К.: ІСДО, 1995. – 104 с.
17. Павленко С.О. Оточення гетьмана Мазепи: соратники та прибічники. – 2-ге вид. – К.: Вид. дім «Києво-Могилянська Академія», 2009. – 602 с.
18. Ситий І. Герб і печатка Кочубеїв // Військовий історичний Альманах, 2010 р. – Число 2 (21). Річник XI. – С. 81–87.
19. Скрипченко Н.А. Історія фамільного архіву Кочубеїв (II половина XVII ст. – 1785 р.) // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. – Запоріжжя: ЗНУ, 2012.
20. Смолій В.А., Степанков В.С. Українська державна ідея XVII–XVIII століть: проблеми формування, еволюції, реалізації. – К.: «Альтернативи», 1997. – 368 с.

УДК 930.2«18/19»

Разумов С.А.
Московский государственный областной университет

ПИСЦОВЫЕ И МЕТРИЧЕСКИЕ КНИГИ: ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ГЕНЕАЛОГИИ ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА В XVIII – НАЧАЛЕ XX вв.

S. Razumov
Moscow State Regional University

CADASTERS AND METRIC BOOKS: THE MAIN SOURCES OF THE GENEALOGY OF THE ORTHODOX CLERGY IN THE XVIII-BEGINNING OF XX CENTURIES

Аннотация. В статье проводится сравнительный анализ основных источников по генеалогии православного духовенства: писцовых и метрических книг. Автор изучает особенности возникновения и развития этих источников. Рассматривается роль данных источников при изучении и восстановлении генеалогии. Освещается процесс изменения формуляра источников на протяжении XVIII – начала XX вв. Выделяются основные проблемы изучения этих источников и вопросы достоверности генеалогической информации, содержащихся в них. Особое внимание автор уделяет вопросу методики восстановления генеалогии священнослужителей.

Ключевые слова: писцовые и метрические книги, генеалогический источник, православное духовенство, перепись, русская православная церковь, родословие.

Abstract. The article contains a comparative analysis of the main sources of the genealogy of the Orthodox clergy: cadastres and metric books. The author investigates the peculiarities of the emergence and development of these sources. The role of such sources in the study and restoration of genealogy is examined. The article discusses the process of changing the form of the sources within the XVIII – the beginning of XX century. The author describes the main problems of the study of the sources and questions of authenticity of the genealogic information they contain. Special attention is given pays to the methodology of restoration of the clergy's genealogy.

Key words: cadasters and metrical books, genealogical source, the Orthodox clergy, census, the Russian Orthodox Church, genealogy.

Любое генеалогическое исследование начинается с определения источниковой базы. В качестве источника может выступать любой исторический документ, в котором можно найти генеалогическую информацию. К источникам по генеалогии православного духовенства можно отнести: писцовые и переписные книги, метрические книги, исповедные ведомости, клировые ведомости, ревизские сказки, документы духовных учебных заведений, материалы епархиальных периодических изданий.

Писцовые и переписные книги являются одним из основных источников изучения генеалогии досинодального периода. Они составлялись в ходе описаний XVII – начала XVIII вв. [7, с. 14]. Книги включают полную перепись дворов жителей, включая и дворы священнослужителей.

Из данного источника можно получить информацию о приходских священнослужителях, о составе причта определенной церкви, посмотреть укомплектованность церковного штата. Документы показывают, что не во всех приходах был полный штат церковных служителей. Особенностью переписных книг является и то, что писцы отмечают не только белое духовенство, но и представителей черного духовенства, служивших при приходских церквах.

Исследуемые документы указывают не только должность и сан церковного причетника, но и его семейное положение, а переписные книги еще и фиксируют родственников мужско-

© Разумов С.А., 2013.

го пола священно- и церковнослужителей и даже приемышей в их дворы [9, с. 176]. Имена жен и дочерей начинают появляться в переписных книгах в начале XVIII в.

Большинство священно- церковнослужителей вносились в документы писцовых и переписных описаний без фамильных прозваний, которые появляются у духовенства в основном только в XVIII в. Однако то, что представители многих семей духовенства служили при одних и тех же храмах, наследуя приходские места, существенно облегчает изучение генеалогии священно- церковнослужителей [8, с. 18].

Л.М. Савелов, рассматривая эти документы в качестве генеалогических источников, дал им следующие характеристики: писцовые книги в собственном смысле суть подробнейшие описания города с уездом. Предметом почти исключительного внимания этих книг служит земля вообще, будет ли она живущая или пустая, т.е. приносящая или не приносящая доход. Переписные книги представляются совсем с другой характеристикой, нежели писцовые. В то время как в писцовой книге центром, к которому все тяготеет, является земля, в переписной книге, наоборот, центральным пунктом является труд, или иначе – трудящееся либо служащее лицо. Итак, переписная книга перечисляет, сколько известная земля приносит дохода владельцу, сколько на ней тяглых и вообще сколько и какого рода платящих лиц живет на ней, будь то в городе или посаде, в селе или в деревне [12, с. 224–226].

Писцовые и переписные книги являются довольно полным источником по строительству приходских и монастырских церквей. В этих документах записывались архитектурные особенности церквей, отмечалось наименование главного престола и придела, указывалось наличие колокольни.

Писцовые книги достаточно подробно говорят об угодьях церквей и монастырей; указывают размеры пашни и сенокоса, принадлежавших церкви, фиксируют леса (площадь), озера и речки, находящиеся в угодьях церквей и монастырей [9, с. 177].

В книгах хорошо описан процесс обеспечения церквей богослужебными книгами, церковной утварью и облачениями священнослужителей для богослужения. По ним можно выявить источник поступления необходимых вещей и предметов в храмы. Довольно подробно фиксируются государевы церковные пожертвования. В рассматриваемых документах, особенно писцовых книгах, отмечались финансовые источники возведения храмов.

В качестве примера можно привести запись из писцовой книги 1685 г.: «Да того же Рожественского девичья монастыря на церковной земле против святых ворот через улицу двор Рожественского вдового попа Еуфима, у него сын поп Евсевей, служит у той же церкви, да у попа Евсевья сын Ивашко 10 лет; во дворе вдовая попадья Фетинья, живет с детьми на дьяконском дворе, у ней 2 сына; Васка 15 лет, Емелька 12 лет; а в писцовой книге Ивана Турского 1625 года те дворы написаны: попов Еуфимов двор – за отцом ево за попом Никитою, а что живет ныне вдовая попадья с детьми, и тот двор написан за дьяконом за Деомидом Кононовым» [3, с. 31].

Писцовые и переписные книги являются важным источником изучения истории Русской Православной Церкви. Материалы писцовых и переписных книг дают возможность реконструировать родословия православного приходского духовенства с разной степенью полноты. В то же время книги остаются основными массовыми источниками по генеалогии священно- церковнослужителей досинодального периода. Дальнейшая фиксация их родословия происходит уже в документах ревизий [8, с. 22].

Метрические книги – погодные документы хронологической регистрации трех важнейших биографо-демографических событий в жизни жителей России – рождения, брака и смерти [14, с. 7]. По форме – это последовательная хронологическая запись, имеющая четкую установленную законодательную структуру. Они погодно фиксировали все население прихода, независимо от сословной принадлежности. Их можно квалифициро-

вать как общие (несословные) акты состояний. Они являются не только первичным генеалогическим источником, но и наиболее достоверным по отношению ко всей массе родословных материалов.

Метрические книги представляют существенный исследовательский интерес не только для генеалогии, но и для широкого круга наук: исторической демографии, исторической антропологии, ономастики, этнографии, социальной истории, истории медицины, генетики, истории церкви и краеведения. В теоретическом отношении данный источник позволяет изучать личность и ее включенность в малую социальную группу, а именно изучение микро-истории является в современной мировой науке одной из наиболее перспективных и активно изучаемых проблем.

В России впервые метрические книги упоминаются на церковном соборе 1666-1667 гг. После петровских указов 1702 и 1724 гг. они обретают государственный характер, начинается процесс постепенного внедрения их в повседневный обиход. Повсеместное применение этого рода документов началось с конца XVIII в., а к началу XX в. метрикация охватила практически все население Российской империи [2, с. 19].

7 января 1806 г. Синод рассмотрел возможность платного типографского тиражирования формуляра метрической книги. Признавая, что печатание листов послужит к облегчению в линовании и прописывании заглавных листов, тем не менее члены Синода обеспокоились своевременной доставкой их в отдаленные приходы. Было принято решение вводить печатные формы книг только по желанию самих священников [4, с. 66].

Метрические книги состояли из трех частей: о рождении, бракосочетании, смерти. В первой (о рождениях) фиксировались основополагающие биографические сведения, указывались дата рождения и крещения, имя родившегося, законность и незаконность рождения, имя, отчество и, если имелась, фамилия, место жительства, социальное положение и вероисповедание родителей. Далее фиксировались имя и фамилия, место жительства, социальное положение восприемников-крестных родителей. Восприемники, как правило, были из числа родственников и часто играли довольно заметную роль в судьбе крестника [1, с. 29].

Метрические книги позволяют установить точные даты рождения и смерти священно- церковнослужителей. Другие источники (в частности, клировые и исповедные ведомости) лишь приблизительно фиксировали возраст представителей духовенства [6, с. 133–134].

В качестве примера можно привести запись из метрической книги Воскресенского Собора в Волоколамске за 1906 г.: «1 апреля родилась Мария, крещена 13 апреля; родители: Волоколамского Воскресенского Собора диакон Николай Иванов Цветков и законная жена его Анна Николаева, оба православного вероисповедания; восприемники: протоиерей Московской Петропавловской церкви, что в Николаевском дворце Константин Петров Зверев и воспитанница московской женской гимназии, дочь восприемника, девица Варвара Константинова Зверева»[1].

Использование метрических книг при изучении семейно-родственных связей духовенства несколько затруднено тем, что далеко не всегда известно, в каком именно церковном приходе то или иное лицо вступило в брак. Например, кандидаты на рукоположение в сан священника или диакона нередко венчались в церкви, где служил кто-либо из родственников, а не в том храме, при котором они должны были занять место [6, с. 133–134].

Метрические книги являются важным источником по исторической демографии, в том числе дают представления о рождаемости в конкретном регионе [10, с. 179].

Во второй части, о бракосочетаниях, фиксировалось имя, фамилия, место жительства, социальное положение, вероисповедание жениха и невесты, в каком возрасте вступают в брак и каким по счету браком. Затем записывались биографические сведения по-

[1] Волоколамский муниципальный архив. Ф. 431. Оп. 1. Д. 6. Л. 43 об. – 44.

ручителей. Запись имела следующий вид: «3 ноября [1874 г.] студент Вифанской семинарии Петр Андреев Иванов, производящийся во священника к Волоколамскому Воскресенскому Собору, православного вероисповедания, первым браком, 25 лет и Волоколамского Воскресенского Собора Георгия Петрова Березкина дочь Надежда Георгиева, православного вероисповедания, первым браком, 23 года; поручители: по жениху Верейского уезда села Нарофоминского Николаевской церкви священник Василий Иванов; Волоколамского духовного училища учителя Иван Миловидов и Николай Соловьев; по невесте того же училища помощник смотрителя Евгений Карпинский и города Клина Троицкого Собора священник Николай Розанов и Клинского уезда села Демьянова Успенской церкви священник Павел Лихарев»[1].

В третьей части, о смерти, записывались дата смерти, имя и фамилия, место жительства, социальное положение, возраст умершего, причина смерти и место захоронения [11, с. 64–67]. В частности, в метрической книге 1889 г. указано: «умер 20 декабря, погребен 23 декабря, Волоколамского Воскресенского Собора псаломщика Николая Максимова Басова сын Дмитрий, 13 лет, от рака, похоронен на Крестовоздвиженском кладбище»[2].

Формуляр метрических книг четко фиксировал личность в системе пространственных, временных и социальных координат, что делает их максимально информативными и наиболее ценными документальными генеалогическими источниками [13, с. 9].

Ведение метрических книг находилось в юрисдикции духовного ведомства и осуществлялось в церковных приходах, что предопределило место их современного нахождения в фондах соответствующих учреждений. Метрические книги велись в двух экземплярах – первый (оригинал), приходской, оставался в церкви, второй (копия) отсылался в духовную консисторию. В духовной консистории присланные экземпляры подбирали по благочиниям и уездам и переплетали в дело, содержащее метрики нескольких приходов за один год. В самом же приходе метрические книги переплетались в дело за несколько лет. Поэтому в архивах очень часто можно встретить и тот и другой виды дел данной документации.

Иногда в приходе велось два приходских экземпляра: «черновой» и «беловой». Священнослужители также пользовались не предусмотренными законом записными книжками, куда вносилась текущая информация, переносимая потом в приходской экземпляр. Таким образом, консисторский экземпляр, лучше всего сохранившийся до нашего времени, является не просто копией, а иногда второй и даже третьей копией оригинала. Формуляр метрик, установленный в 1724 г., был достаточно стабилен и не претерпел существенных изменений вплоть до начала XX в. [5, с. 65].

Регистрация в метрических книгах велась священником со слов, поэтому в записях отразилась значительное количество бытовых (просторечных) наименований населенных мест. Правильность заполнения записей контролировалась благочинным. Во избежание подлогов, ошибок и упущений ответственность за каждое сведение возлагалась на весь церковный причт. Восстановление или исправление метрической записи находилось в ведении церковного суда.

В целом метрические книги являются важным историческим источником по генеалогии православного духовенства. Для лучшего изучения данного источника необходимо применение новых методов систематической обработки метрических книг с применением компьютерных технологий, в том числе – создание электронной базы. Это значительно повысит информационное значение этого вида источников для генеалогических исследований.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аксенов А.И. Очерки генеалогии уездного купечества XVIII в. – М., 1993. – 217 с.
2. Антонов Д.Н., Антонова И.А. Метрические книги: время собирать камни // Отечественные архивы. – 1996. – № 4. – С. 15–28.

[1] Волоколамский муниципальный архив. Ф. 431. Оп. 1. Д. 1. Л. 400 об. – 401.

[2] Волоколамский муниципальный архив. Ф. 431. Оп. 1. Д. 3. Л. 107 об. – 108.

3. Боровск: Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. – М., 1888. – 291 с.
4. Гундакова Л., Хрушкая Л. Массовые источники в государственном архиве Архангельской области. Краткий обзор их отдельных разновидностей // Массовые источники отечественной истории. – Архангельск, 1999. – С. 61–67.
5. Елпатьевский А.В. К истории документирования актов гражданского состояния в России и СССР (с XVIII в. по настоящее время) // Актовое источниковедение. – М., 1979. – С. 55–84.
6. Матисон А.В. Источники изучения генеалогии православного приходского духовенства России XVIII – начала XX вв. // 2000 летию Рождества Христова посвящается. – М., 2001. – С. 131–137.
7. Матисон А.В. Приходское духовенство по переписной книге 1709 года // Провинциальное духовенство дореволюционной России. – Вып. 2. – Тверь, 2006. – С. 14–21.
8. Матисон А.В. Реконструкция генеалогии православного приходского духовенства по материалам писцовых и переписных описаний (на примере священно-церковнослужителей Боровска) // Боровск: страницы истории. – 2005. – № 5. – С. 17–23.
9. Мацук М.А. Писцовые и переписные книги Яренского уезда как источник по истории русской православной церкви в Коми крае конца XVI XVII вв. // Массовые источники отечественной истории. – Архангельск, 1999. – С. 175–179.
10. Разумов С.А. Метрические книги Волоколамского уезда: историографический анализ // Студенческая молодежь Подмосковья и общественные науки. – Коломна, 2010. – С. 178–183.
11. Разумов С.А. Метрические книги Волоколамского уезда как исторический источник // Проблемы отечественной и зарубежной истории. – М., 2009. – С. 64–69.
12. Савелов Л.Н. Лекции по русской генеалогии, читанные в Московском археологическом институте. – М., 1994. – 303 с.
13. Свищев П.А. Документальные генеалогические источники как доказательная база родословного исследования // Зауральская генеалогия. – 2006. – Вып. 2. – С. 7–16.
14. Свищев П.А. Документальные источники как доказательная база родословного исследования // Генеалогический вестник. – 2002. – № 11. – С. 6.

УДК 94 (47)

Сызранов А.В.
Астраханский государственный университет

ГОСУДАРСТВО И ИСЛАМ В ПОВОЛЖЬЕ В 1991–2008 ГГ. (ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА)

A. Syzranov
Astrakhan State University

THE STATE AND ISLAM IN THE VOLGA REGION IN 1991-2008 (THE HISTORIOGRAPHY OF THE PROBLEM)

Аннотация. История взаимоотношений российского государства и российского ислама и их важнейшего аспекта – государственной политики России по отношению к мусульманскому населению, анализ позитивного опыта и ошибок – одна из важнейших задач отечественной истории. В статье рассматривается проблема этих отношений в Поволжье в 1991–2008 гг. в отечественной и зарубежной историографии. Автор статьи анализирует основные исламоведческие работы по данному вопросу и приходит к выводу, что, несмотря на значительный объем литературы, проблема государственной политики России по отношению к мусульманским организациям Поволжья в постсоветский период по-прежнему остается малоисследованной, что актуализирует необходимость её дальнейшего изучения.

Ключевые слова: ислам, историография, Поволжье, политика, Российское государство.

Abstract. Relationship history of the Russian state and the Russian Islam as well as their most important aspect – the state policy of Russia in relation to the Muslim population, the analysis of positive experience and mistakes is considered to be one of the most important problems of national history. The article considers the problem such relations in the Volga region in 1991–2008 through domestic and foreign historiography. The author of the article analyzes the main works studying Islam on the matter and comes to the conclusion that despite the considerable amount of sources the problem of Russia's state policy in relation to the Muslim organizations of the Volga region during the Post-Soviet period still remains insufficiently studied. This fact makes actual the necessity of its further studying.

Key words: Islam, historiography, Volga region, politics, Russian state.

Поволжье – один из самобытных регионов России, в котором мусульмане, представляя одну из самых многочисленных (после христиан) конфессий, в течение длительного исторического периода сосуществовали с немусульманскими народами. Вместе с тем в этом аспекте регион до сих пор оставался практически вне поля зрения отечественной исторической науки.

Ислам в течение долгого времени оказывает влияние на процессы политического, общественного и культурного развития различных этнических групп Поволжья. Для многих народов (татар, башкир, казахов, ногайцев и др.) ислам сыграл важнейшую роль в их историческом развитии. Традиции ислама сильны в жизни мусульманских этнических групп Поволжья, и роль исламского фактора в их жизни продолжает возрастать в настоящее время и в обозримом будущем.

Ислам является важнейшим и неотъемлемым элементом сознания и поведения мусульман региона. Он веками переплетался с народными обычаями и традициями, что в немалой степени обусловливает его живучесть и значимость. Возрождение ислама в Поволжье связано с резким повышением интереса населения к традиционно исповедуемой религии. Коммунистическая идеология, утратив монопольные позиции, неизбежно должна была замениться в массовом сознании иными мировоззренческими формами. Образовавшийся идейный вакуум заполняли в первую очередь идеи национального возрождения и тесно связанная с ними

© Сызранов А.В., 2013.

религия. Иначе говоря, в Поволжье мы имеем возможность наблюдать яркий пример переплетения этнических особенностей с конфессиональными, приобретшего особую актуальность в последние десятилетия. Происходит увеличение доли населения, идентифицирующего себя как мусульмане, активно действуют мусульманские организации поволжских регионов, представители власти проявляют все большую озабоченность проблемами российского ислама. Все это свидетельствует о необходимости научного осмысления роли мусульманского фактора в Поволжье.

Несмотря на явный интерес к истории и современному состоянию ислама в России (и в науке, и в средствах массовой информации), степень его изученности остается недостаточной. В то же время существует значительное число публикаций и научных трудов, посвященных исламу в Поволжье. Анализ данной литературы свидетельствует об отсутствии специальных работ, посвященных исследованию эволюции государственной политики Российской Федерации по отношению к мусульманским организациям Поволжья в 1991–2008 гг.

Методологические основы российской специфики взаимодействия ислама и политики заложены в научных трудах отечественных исследователей Р. Амирова, С.Н. Градировского, И.П. Добаева, А.А. Игнатенко, Р.Г. Ланды, А.В. Малашенко, В.В. Наумкина, С.М. Прозорова, С.А. Семедова, М.Т. Степанянц и др. [5; 14; 17; 21; 30; 36; 46; 49; 52; 59].

Ко второй группе исследований относятся труды по истории ислама в России. К ним относятся работы Д.Д. Азаматова, А.А. Алова и Н.Г. Владимирова, Д.Ю. Арапова, М.А. Батунского, И.К. Загидуллина, Р.Г. Ланды, А.Ю. Хабутдинова и др. [1; 4; 6; 9; 20; 29; 65]. В постсоветском исламоведении появились также работы по истории ислама в отдельных регионах России – монографии В.Х. Акаева, Ф.А. Асадуллина, В.М. Викторина, Д.Н. Денисова, Н.М. Емельяновой, Э.Ф. Кисриева, Г.Г. Косача, Е.В. Кратова и Н.В. Кратовой, Д.В. Макарова, Р.Ф. Патеева, А.Н. Старостина и др. [2; 3; 12; 16; 18; 19; 25; 26; 27; 28; 33; 47; 58].

В третью группу следует выделить работы историков об исламе в Поволжье – труды Е.В. Арсюхина, Л.Ю. Браславского, С.В. Голунова, Ю.Н. Гусевой, Р.М. Мухаметшина, Д.В. Мухетдинова, Р.А. Набиева, В.В. Семенова, Н.В. Семенова, Р.А. Силантьева, С.Б. Сенюткина, У.Ю. Идрисова, О.Н. Сенюткиной, С.Ф. Фаизова, А.Ю. Хабутдинова, Д.З. Хайретдинова, А.Б. Юнусовой, В. Якупова и др. Эти и другие авторы освещают в своих работах общие и частные вопросы проникновения, эволюции и современного состояния ислама в поволжском регионе [7; 11; 13; 15; 22; 40; 42; 45; 53; 54; 55; 62; 65; 66; 67; 68; 69]. Отдельные аспекты деятельности мусульманских организаций регионов Поволжья приведены в работах А.К. Магомедова, К. Мацузато и В.М. Викторина, С. Паховского [31; 48].

Среди научных работ, посвященных политической деятельности мусульманских организаций и их лидеров в регионах Поволжья и Российской Федерации в целом, особо следует отметить богатые фактологическим материалом труды российских исламоведов А.В. Малашенко и Р.А. Силантьева [33; 34; 35; 36; 56; 57]. Государственно-исламские отношения в Поволжье затрагивались также в работах В.А. Ахмадуллина и С.А. Мелькова, И.Р. Минуллина, Р.А. Набиева, Г.Б. Фаизова, М.Н. Фасиховой и др. [8; 39; 44; 45; 60; 61; 63].

Для осмысления рассматриваемой проблемы важно учесть опыт ученых, обращавшихся к тем или иным аспектам, связанным с ролью мусульманского духовенства в этнокультурной истории и современной жизни Татарстана, Башкортостана, Чувашии и других поволжских регионов [11; 39; 51; 64]. Эти исследования разноплановые, в одних рассматривается современная этноконфессиональная ситуация, в других – деятельность духовенства, социально-профессиональные характеристики современных служителей культа, их бытовое и финансовое положение.

Существенный вклад в изучение государственно-исламских отношений в России вносят исследования зарубежных историков А. Бенигсена, А. Каппелера, Ш. Келькеже, Д. Льюиса, К. Мацузато, Я. Роя, Д. Фореста [10;

23; 30; 37; 50; 69]. Центральное место в работах данных авторов занимает концепция «мусульманского возрождения», осмысливается значение мусульманской религии для народов России. Отношения и формы взаимодействия руководителей мусульманских организаций с политическими силами в современной России отражены в публикации Г. Емельяновой [70].

Несмотря на значительный объем литературы, проблема государственной политики России по отношению к мусульманским организациям Поволжья в постсоветский период по-прежнему остается недостаточно исследованной, что актуализирует необходимость её дальнейшего изучения. Имеющиеся работы не исчерпывают данную проблему. В научных исследованиях отечественных и зарубежных авторов фрагментарно представлены такие вопросы, как политические аспекты деятельности мусульманских организаций в общественной жизни регионов Поволжья, роль ислама в общественной жизни, опыт взаимодействия мусульманских организаций с органами власти, взаимодействие мусульманских религиозных организаций с этническими общностями и национально-культурными организациями.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Азаматов Д.Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII-XIX вв. – Уфа: Гилем, 1996. – 193 с.
2. Акаев В.Х. Ислам в Чеченской Республике. – М.: Логос, 2008. – 88 с.
3. Алов А.А., Владимиров Н. Г. Ислам в России. – М.: Институт культурного наследия, 1996. – 122 с.
4. Амиров Р. Ислам и политика: Беседы об исламе. – М., 2005. – 64 с.
5. Арапов Д.Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX вв.). – М.: МПГУ, 2004. – 287 с.
6. Арсюхин Е.В. Полумесяц над Волгой: историко-научный очерк. – Нижний Новгород: Изд-во НИМ «Махинур», 2005. – 320 с.
7. Асадуллин Ф.А. Москва мусульманская. – М.: МПГУ, 2004. – 288 с.
8. Ахмадуллин В.А., Мельков С.А. Государственно-исламские отношения в России. История. Теория. Механизмы. Военно-политические аспекты. – М., 2000. – 96 с.
9. Батунский М.А. Россия и ислам. Т. 1-3. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 1240 с.
10. Бенингсен А. Мусульмане в СССР. – Париж: ИМКА-ПРЕСС, 1983. – 87 с.
11. Браславский Л.Ю. Ислам в Чувашии. Исторические и культурологические аспекты. – Чебоксары: Чувашия, 1997. – 158 с.
12. Викторин В.М. Ислам в Астраханском регионе. – М.: Логос, 2008. – 96 с.
13. Голунов С.В. Ислам как геополитический фактор для Нижнего Поволжья // Волгоградский молодежный гуманитарный вестник. – Волгоград: ВолГУ, 1998. – С. 55–58.
14. Градировский С.Н. Ислам и политика: в поисках формы // Ислам в России: Взгляд из регионов / науч. ред. А.В. Малашенко. – М.: Аспект-Пресс, 2007. – С. 10–34.
15. Гусева Ю.Н. Ислам в Самарской области. – М.: Логос, 2007. – 112 с.
16. Денисов Д.Н. Очерки по истории мусульманских общин Челябинского края (XVIII – начало XX в.). – М.: Изд. дом «Марджани», 2011. – 256 с.
17. Добаев И.П. Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика. – Ростов-на-Дону: Издательство СКНЦВШ, 2002. – 345 с.
18. Емельянова Н.М. Мусульмане Кабарды. – М.: «Граница», 1999. – 140 с.
19. Емельянова Н.М. Мусульмане Осетии: на перекрестке цивилизаций. – М.: ИВРАН-РИК, 2003. – 359 с.
20. Загидуллин И.К. Исламские институты в Российской империи: Мечети в европейской части России и Сибири. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2007. – 416 с.
21. Игнатенко А.А. Ислам и политика: Сборник статей. – М.: Институт религии и политики, 2004. – 256 с.
22. Ислам на Нижегородчине: Энциклопедический словарь / Гл. ред. Д.З. Мухетдинов. – Нижний Новгород: ИД «Медина», 2007. – 207 с.
23. Каппелер А. Россия – многонациональная империя: возникновение, история, распад. – М.: Прогресс, 1996. – 510 с.
24. Кисриев Э.Ф. Ислам и власть в Дагестане. – М.: ОГИ, 2004. – 224 с.
25. Кисриев Э.Ф. Ислам в Дагестане. – М.: Логос, 2008. – 126 с.
26. Косач Г.Г. Ислам в Оренбургской области. – М.: Логос, 2007. – 148 с.
27. Кратов Е.В., Кратова Н. В. Ислам в Карачаево-Черкесской Республике. – М.: Логос, 2008. – 112 с.

28. Ланда Р.Г. Ислам в истории России. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. – 312 с.
29. Ланда Р.Г. Политический ислам: предварительные итоги. М.: ИБВ, 2005. 286 с.
30. Льюис Д. После эпохи атеизма. – СПб.: Изд-во «Шандал», 2001. – 304 с.
31. Магомедов А.К., Мацузато К., Викторин В.М. Ислам и политика в современной России: «ядро» и «периферии» мусульманского пространства. – Ульяновск: УлГУ, 2006. – 72 с.
32. Макаров Д.В. Официальный и неофициальный ислам в Дагестане. – М.: Центр стратегических и политических исследований, 2000. – 84 с.
33. Малашенко А.В. Мусульманский мир СНГ. – М.: ИМЭМО РАН, 1996. – 182 с.
34. Малашенко А.В. Исламское возрождение в современной России. – М.: Московский центр Карнеги, 1998. – 224 с.
35. Малашенко А.В. Исламская альтернатива и исламистский проект. – М.: Изд-во «Весь мир», 2006. – 221 с.
36. Малашенко А.В. Ислам для России. – М.: РОССПЭН, 2007. – 192 с.
37. Мацузато К. Дискурсы и поведение мусульманских деятелей Волго-Уральского региона. Влияние региональных образов самовосприятия и стратегии областных администраций // Ислам от Каспия до Урала: Макрорегиональный подход: Сб. статей / Под ред. К. Мацузато. – М.-Саппоро: РОССПЭН, 2007. – С. 118–159.
38. Минуллин И.Р. Мусульманское духовенство и власть в Татарстане (1920–1930-е гг.). – Казань: Изд-во Ин-та истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2006. – 220 с.
39. Мусина Р.Н. Ислам и мусульмане в современном Татарстане // Ислам в татарском мире: история и современность. – Казань: Институт истории АН РТ, 1997. – С. 217–225.
40. Мухаметшин Р.М. Ислам в общественной и политической жизни татар и Татарстана в XX в. – Казань: Тат. кн. изд-во, 2005. – 246 с.
41. Мухаметшин Р.М. Ислам в Татарстане. – М.: Логос, 2006. – 104 с.
42. Мухетдинов Д.В. Азан над Волгой. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского исламского медресе «Махинур», 2006. – 112 с.
43. Набиев Р.А. Ислам и государство: культурно-историческая эволюция мусульманской религии на европейском Востоке. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2002. – 244 с.
44. Набиев Р.А., Хабутдинов А.Ю. Государственная религиозная политика в 1920 – начале 1940-х гг. // Ислам и мусульманская культура в Среднем Поволжье: История и современность. Очерки. – Казань: Мастер Лайн, 2002. – С. 345–356.
45. Набиев Р.А., Исхаков Г., Хабутдинов А.Ю. Ислам в Татарстане: опыт толерантности и культура сосуществования. – Казань: Мастер-Лайн, 2009. – 102 с.
46. Наумкин В.В. Ислам и мусульмане: культура и политика. Статьи, очерки, доклады разных лет. – М.-Нижний Новгород: ИД «Медина», 2008. – 768 с.
47. Патеев Р.Ф. Ислам в Ростовской области. – М.: Логос, 2007. – 104 с.
48. Паховский С. Процесс политизации ислама // Этноконфессиональная ситуация в Приволжском федеральном округе. – Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. – № 25. – 2001.
49. Прозоров С.М. Ислам как идеологическая система. – М.: Вост. лит., 2004. – 471 с.
50. Рой Я. Ислам в Советском Союзе после второй мировой войны // Иордан М. В., Кузеев Р.Г., Червонная С.М. Ислам в Евразии: современные этические и эстетические концепции суннитского Ислама, их трансформация в массовом сознании и выражение в искусстве мусульманских народов России. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – С. 157–169.
51. Сагитова Л.В. Этничность в современном Татарстане. Воспроизводство этничности в татарском обществе на рубеже 1980–1990-х гг. – Казань: Татполиграф, 1998. – 184 с.
52. Семедов С. А. Ислам в политике: идеология и практика. – М.: Экон-Информ, 2009. – 272 с.
53. Семенов В.В. Ислам в Саратовской области. – М.: Логос, 2007. – 120 с.
54. Семенов Н.В. Исламский фактор в общественно-политических процессах Поволжья. Дис. … канд. полит. наук. – Саратов, 2011. – 211 с.
55. Сенюткин С.Б., Идрисов У.Ю., Сенюткина О.Н., Гусева Ю.Н. История исламских общин Нижегородской области. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 1998. – 550 с.
56. Силантьев Р.А. Новейшая история исламского сообщества России. - М.: Союз писателей России, «Ихтиос», 2005. – 632 с.
57. Силантьев Р.А. Ислам в современной России. Энциклопедия. – М.: Алгоритм, 2008. – 576 с.
58. Старостин А.Н. Ислам в Свердловской области. – М.: Логос, 2007. – 144 с.
59. Степанянц М.Т. Мусульманские концепции в философии и политике (XIX-XX вв.) – М.: Наука, 1982. – 247 с.
60. Фаизов Г.Б. Государственно-исламские отношения в Поволжье и Приуралье. – Уфа: УНЦ РАН, 1995. – 113 с.

61. Фаизов Г.Б. Ислам и государство: единство, противоборство, конвергенция. – Уфа: БГПУ, 2010. – 116 с.
62. Фаизов С.Ф. Ислам в Поволжье. VII-XX вв. Очерк истории. – М.: Спутник, 1999. – 76 с.
63. Фасихова М.Н. Политика Советского государства по отношению к религиозным объединениям в Татарстане (60–80-е гг. XX века). Историко-политический анализ: дис. … канд. ист. наук. – Казань, 2002. – 177 с.
64. Хабибуллина З.Р. Мусульманское духовенство Башкортостана на рубеже XX–XXI веков.: дис. … канд. ист. наук. – Ижевск, 2012. – 241 с.
65. Хабутдинов А.Ю. Российские муфтии: от екатерининских орлов до ядерной эпохи. – Нижний Новгород: ИД «Медина», 2006. – 61 с.
66. Хайретдинов Д.З. Ислам в Нижегородской области. – М.: Логос, 2007. – 128 с.
67. Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане. – Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 1999. – 352 с.
68. Якупов В.М. Ислам в Татарстане в 90-е годы. – Казань: Издательство «Иман», 2005. – 114 с.
69. Forest J. Religion in the new Russia. – New York: Crossroad, 1990.
70. Yemelianova G. Russia's Umma and its Muftiis // Religion, State and Society. – 2002. – Vol. 27. – № 2. – P. 140–149.

РАЗДЕЛ II. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

История Древнего мира, средних веков и нового времени

УДК – 94.(32).04

Сафронов А.В.
Московский государственный областной университет

НЕЗАМЕЧЕННОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО ЕГИПЕТСКО-УГАРИТСКИХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ КОНТАКТОВ ПЕРИОДА ПРАВЛЕНИЯ СЕТИ II

A. Safronov
Moscow State Regional University

AN UNNOTICED EVIDENCE OF EGYPTIAN-UGARITIC DIPLOMATIC CONTACTS IN THE REIGN OF SETHOS II

Аннотация. В статье рассматривается датировка письма RS 88.2158 из Угарита. Текст является ответом фараона, чье имя не сохранилось, на не дошедшее до нас письмо угаритского правителя и содержит цитаты оттуда. Среди прочего, в строках 12–13 угаритским царем упоминается имя фараона Мернептаха. На основании этого текст обычно датируется временем правления этого египетского правителя (1224–1214 гг. до н.э.). Однако автор указывает, что упоминание вассальным правителем личного имени фараона крайне необычно для международной переписки между египетскими царями и их сиро-палестинскими вассалами. По мнению автора, упоминание имени Мернептаха в тексте RS 88.2158 можно объяснить только тем, что речь идет об умершем правителе. Соответственно, письмо RS 88.2158 должно быть отнесено ко времени после смерти Мернептаха и датироваться правлением его сына и преемника Сети II. Далее автор рассматривает египетско-угаритские и хетто-угаритские связи в конце 13 в. до н.э., основываясь на полученной дате для письма RS 88.2158.

Ключевые слова: Египет, Угарит, Хеттское царство, Мернептах, Сети II, Аммурапи II, Уртену, Тудхилия IV, Арнуванда III, Суппилулиума II, RS 88.2158, угарито-египетская корреспонденция.

Abstract. The article deals with dating the letter RS 88.2158. The text contains the answer of the unnamed Pharaoh to the unpreserved letter of Ugaritic king, which had been sent in Egypt before, and includes citations from it. Among other things, the king of Ugarit mentions the name of the Pharaoh Merneptah (lines 12–13 of RS 88.2158). That is why this text was dated from the reign of this Egyptian ruler by all previous scholars. However, the author points out that the mentioning the Pharaoh's personal name by the vassal ruler is extremely unusual for the international correspondence between Egyptian kings and their vassal counterparts of Syro-Palestinian region. The mention of Merneptah's personal name in RS 88.2158 can be explained only by the suggestion that the matter concerns a deceased king. In author's view, RS 88.2158 should be dated back to the time after the death of Merneptah, to the beginning of the reign of his son and successor Sethos II. Based on the new date for RS 88.2158, the author considers Egyptian-Ugaritic and Hittite-Ugaritic relations at the end of the 13 BC.

Key words: Egypt, Ugarit, the Hittite kingdom, Ammurapi, Urtenu, Tudhaliya IV, Arnuwanda III, Suppiluliuma II, RS 88.2158, Ugaritic-Egyptian correspondence.

© Сафронов А.В., 2013.

Работа выполнена в рамках гранта МК-3263.2012.6 Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых.

Составленное на аккадском языке письмо RS 88.2158 является наиболее пространным текстом египетско-угаритской корреспонденции XIII в. до н.э., найденным в Угарите. К сожалению, ни имени отправителя, ни имени адресата письма не сохранилось, хотя по контексту ясно, что оно было отправлено от имени фараона угаритскому правителю. Тем не менее всеми исследователями текст RS 88.2158 датируется временем правления Мернептаха (1224 – 1214 г. до н.э.), поскольку в письме упоминается имя этого египетского правителя. На основании данного факта можно сузить абсолютную дату написания письма RS 88.2158 до хронологического отрезка между 1224 и 1190 г. до н.э.[1] Однако датировка текста временем правления Мернептаха представляется спорной априори, поскольку указаний на фараона, от лица которого было составлено письмо, не сохранилось. По мнению же автора, постулируемая ныне хронологическая позиция RS 88.2158 ошибочна, поскольку, как будет показано ниже, упомянутое в тексте имя Мернептаха явно указывает на умершего к моменту составления текста правителя.

Содержание письма – следующее [12, p. 239–241]:

1. Строки 1-9 лицевой стороны таблички содержат цитаты из несохранившегося письма угаритского правителя и ответ на них фараона.

2. В строках 10–25 упоминается просьба угаритского царя прислать ему ваятеля, дабы воздвигнуть статую Мернептаха в перестраивающемся храме Баала в Угарите. Фараон ссылается на занятость скульпторов, однако обещает послать работников впоследствии.

3. В строках 26–31 говорится о запросе угаритского царя относительно погрузки на его судно корабельных канатов и веревок, а также о том, что египетский посол Аммайя отправился по приказу фараона в Угарит.

4. В строках 34–53 оборотной стороны таблички упоминается перечень даров, отправленных фараоном угаритскому правителю.

5. В строках 54–56 фараон сообщает, что отправил посла царя Угарита на родину в сопровождении египетского эмиссара.

Ключевая для датировки текста RS 88.2158 информация содержится в строках 10–15, где фараон цитирует несохранившееся послание угаритского царя: «$_{(10)}$ И вот то, что ты (царь Угарита – А.С.) написал: «Пусть царь (т.е. фараон) позволит $_{(11)}$ отправиться одному скульптору, и пусть он прибудет ко м[не-?], $_{(12)}$ чтобы создать ***статую Марниптаха*** $_{(13)}$ ***Хатпамуа напротив этой статуи Баала,*** $_{(14)}$ ***которую он*** (Мернептах – А.С.) ***посреди храма этого установил***[2] ***(***$_{(12)}$ *^{d}alam ša ^{l}mar-ni-ip-t[a-ah]* $_{(13)}$ *ha-at-pa-mu-a i-na pa-ni ^{d}alam an-ni-i ša ^{d}IŠKUR* $_{(14)}$ *ša i-na lib-bi é dingir-li an-ni-i iš-ša-[a?]*[3]*),* $_{(15)}$ *который я (правитель Угарита – А.С.) сооружаю для Баала Угарита. Ты выразился так» [12, p. 240–241].*

Как уже упоминалось, именно на основании упоминания в стк. 12 имени фараона Мер-

[1] Первая дата фиксирует воцарение Мернептаха (по средней модели египетской хронологии Нового Царства), вторая – вероятное разрушение Угарита в 1190 г. до н.э. «народами моря», которые, согласно надписи 8-го года правления Рамсеса III в Мединет Абу, опустошили государства Малой Азии и Северной Сирии. На подобную датировку письма может указывать и факт его обнаружения в архиве Уртену, угаритского сановника, жившего в последние три десятилетия существования этого города [20, p. 88; 4, с. 6].

[2] Л. Фишер переводил конец стк. 13 – стк. 14 как «$_{(13)}$ перед статуей Баала $_{(14)}$ которая посреди храма этого, (где) он (Мернептах – А.С.) совершал (жертвоприношения) [6, p. 619–620]. Оставляя в стороне вопрос о правомерности подобного перевода с точки зрения грамматики [подробно об этом: 12, p. 242:14], следует заметить, что трактовка Л. Фишером строк 13–14 нисколько не противоречит нашим дальнейшим выводам.

[3] С. Лакенбашер [12, p. 242:14] справедливо предположила, что прошедшая форма 3-го лица ед.ч. iššâ аккадского глагола našû с основным лексическим значением «поднимать, нести» [5, p. 246; 17, p. 80], должна рассматриваться как эквивалент египетского sj^{c}r, значениями которого являются «преподносить, жертвовать» [19, S. 32–33]. По мнению исследовательницы, египетские писцы, составлявшие письмо RS 88.2158, в данном случае попытались перевести египетскую лексему sj^{c}r наиболее близким аккадским эквивалентом našû. Заметим также, что лексическими значениями našû являются также значения «доставлять жертвы, приносить какие-либо вещи» [17, p. 80, 89, 92], кроме того, «устанавливать (на должность)» [5, p. 246]. Поэтому независимо от того, какое значение для лексемы našû предполагать в стк. 14, речь явно идет о каком-то пожертвовании Мернептаха в храме Баала в Угарите, которое фараон сделал в прошлом, задолго до того, как было создано письмо RS 88.2158.

нептаха письмо датируется всеми исследователями временем его правления [6, p. 619; 7, p. 199–200; 10, p. 82–83; 11, p. 194; 12, p. 243; 14, p. 365; 16, p. 709]. Между тем в тексте говорится лишь о предполагаемом создании статуи Мернептаха, которую правящий угаритский царь намеревается поставить в сооружаемом им храме напротив когда-то там установленной этим фараоном статуи Баала. Стоит ли говорить, что из этого вовсе не следует, что фараоном-отправителем письма был Мернептах!

Крайне удивляет также и другое: угаритский правитель называет фараона Мернептаха по имени (ср. стк. 12–13)! Странным образом на этот факт до сих пор не обращали внимания. Между тем подобное упоминание угаритским царем живого фараона в основном тексте письма совершенно невозможно представить, учитывая устоявшиеся еще с XIV в. до н.э. формы дипломатической переписки между египетскими и угаритскими властителями [14, p. 364–367, 369]. В подавляющем большинстве случаев вассальные правители избегали называть фараона по имени даже во вступлении к письму, предпочитая употреблять титулы [13, p. xxix][1].

Необычным после упоминания личного имени Мернептаха угаритским правителем выглядит и указание на этого фараона в стк. 13–14 в третьем лице и в прошедшем времени (ср. «*напротив статуи Баала,* $_{(14)}$ *которую он* (Мернептах)… *установил* (iššâ)»). Все остальные цитаты из несохранившегося письма угаритского царя, которые упоминаются в тексте RS 88.2158 и обращены к фараону, показывают фразу *umma lugal liddin* «пусть царь позволит» (стк. 10, 27)[2]. Невероятно предположить, чтобы угаритский царь посреди письма неожиданно изменил стандартным правилам дипломатической переписки между вассалом и сюзереном и стал фамильярно обращаться к фараону, упоминая его в третьем лице и по имени!

Как же тогда объяснить подобное нарушение угаритским правителем этикета, принятого в международной корреспонденции того времени? Единственно возможным вариантом представляется предположение, что письмо должно быть написано уже после смерти Мернептаха. Упоминая фараона по имени, в третьем лице и прошедшем времени, угаритский правитель фактически говорит не о живом, а об уже умершем фараоне[3].

Когда же тогда мог быть создан текст RS 88.2158? В строках 17–25 упоминается ответ фараона на запрос угаритского царя: $_{(17)}$ Скульпторы, которые работают здесь, в Египте, $_{(18)}$ заняты выполнением надлежащих работ $_{(19)}$ для великих богов Египта. Смотри: $_{(20)}$ С тех пор как царь сидит на троне Солнца, $_{(21)}$ они работают для великих богов $_{(22)}$ Египта; и когда они закончат (свою работу), царь $_{(23)}$ отправит к тебе плотников, о которых ты говорил, $_{(24)}$ для того, чтобы они сделали (тогда) все работы, $_{(25)}$ которые ты им сам прикажешь, говоря: «Сделайте эти (работы)!» [12, p. 240–241].

На основании этих строк исследователями признавалось, что письмо RS 88.2158 было со-

[1] В дипломатическом архиве эль-Амарны/Ахетатона, который насчитывает многие десятки примеров переписки между фараонами с их сиро-палестинскими вассалами, фараон упоминается по имени лишь дважды (EA 53 и EA 55) [13, p. 125, 127]. При этом следует учитывать, что в обоих случаях речь идет не об основном тексте, как в нашем случае, а только о вступительной части письма, которая построена по формуле «фараону – личное имя; письмо от + личное имя, твоего слуги» [13, p. xxix].

[2] В остальном тексте письма RS 88.2158 угаритский правитель называет фараона царем (*lugal* – стк. 5, 10, 27), превосходным сыном Солнца (*dumu sig*$_5$ ^{d}*UTU-a* – стк. 5) и, видимо, своим господином (*bel-ia* - стк. 4) [12, p. 240–241; 14, p. 367], но никогда не говорит о нем просто в третьем лице.

[3] Косвенно это предположение можно подтвердить письмом EA 49 из амарнского дипломатического архива, которое было отправлено царем Угарита Никмадду II Эхнатону. Письмо содержит запрос угаритского царя о присылке в Угарит из Египта двух нубийцев, людей дворца, а также врача. В лакуне стк. 17 – 18 В. Моран правдоподобно восстановил следующую фразу: « $_{(17–18)}$[…]… прежде [он давал… в] дом моего отца. $_{(19–21)}$ Да даст мой господин двух юношей, людей дворца из страны Куш (Нубии – А.С.). $_{(22–23)}$ И одного служителя дворца, врача, дай мне» [13, p. 120]. Если реконструкция текста В. Мораном правильна, то в стк. 17 – 18 речь явно идет об отце Эхнатона Аменхотепе III, а Никмадду II упоминает, скорее всего, о египетских специалистах, которых этот фараон присылал его отцу в Угарит. Если это так, то можно предположить, что если в египетско-угаритской корреспонденции о фараоне говорится в третьем лице («он»), то речь идет об уже умершем правителе.

ставлено в канцелярии фараона вскоре после того, как он взошел на престол [12, p. 243–244; 16, p. 709]. Зная теперь, что Мернептах уже умер к моменту составления текста письма, мы можем утверждать, что автором является его ближайший преемник. Поэтому едва ли можно ошибиться, если предположить, что текст RS 88.2158 был составлен в правление сына и преемника Мернептаха Сети II (1214 – 1208 гг. до н.э.). Тогда смысл строк 13–14 становится совершенно понятным: угаритский царь просит Сети II прислать скульптора, чтобы тот изваял статую его недавно умершего отца.

Учитывая вышесказанное, автор полагает, что письмо RS 88.2158 должно быть отнесено ко времени правления сына Мернептаха Сети II, т.е. к периоду с 1214 по 1208 г. до н.э. Однако эта датировка может быть уточнена: поскольку в письме упоминается, что Сети II, видимо, недавно взошел на трон, письмо следует отнести к 1214 – 1213 гг. до н.э.[1]

Таким образом, у нас появляется первое письменное свидетельство того, что влияние Египта при Сети II распространялось на области Северной Сирии. До этого можно было говорить только о египетском контроле над югом Палестины в период его правления, где в Телль эль-Фара «южном» был найден фрагмент сосуда с картушами Сети II [9, p. 242:10], а в Гезере – ручка сосуда с оттиском его имени [8, 2012, p. 2-4].

В то же время упоминание в письме RS 88.2158 сооружения статуи Баала в храме Угарита по приказу Мернептаха (см. стк. 13–14), а также обнаружение в этом городе меча с картушем Мернептаха [20, p. 168–169] свидетельствуют о том, что уже с правления отца Сети II Угарит находился в орбите влияния Египта[2]. По мнению автора, это следует связывать с победоносными кампаниями Мернептаха в Палестине[3], в результате которых власть Египта, вероятно, распространилась даже до Дамаска в южной Сирии [15, p. 4]. Отголоски этих египетских побед не могли не достигнуть Северной Сирии, и Угарит, бывший хеттским вассалом, вероятно, сделал попытку восстановить былые связи с Египтом и переориентироваться на доминирующую на тот момент державу в сиро-палестинском регионе.

Становится ясно, кто был угаритским царем, адресатом письма. Поскольку текст RS 88.2158 был составлен не позднее 1214/1213 г. до н.э., им мог быть только последний царь Угарита Аммурапи, который воцарился около 1220 г. до н.э. и правил до конца существования этого северосирийского центра до 1190 г. до н.э. [3, с. 214].

В заключение хотелось бы кратко остановиться на крайне любопытном отрывке письма RS 88.2158. В стк. 8-9 Сети II упоминает: «[… твои] предки (были) $_{(8)}$ воистину слугами царя, [превосходного сына Солнца] $_{(9)}$ Ты – тоже слуга царя, превосходного сына Солнца, как и они» [12, p. 239–241]. Подобная фраза со стороны фараона выглядит грубым нарушением дипломатического этикета [16, p. 711], поскольку после сирийских походов Суппилулиумы I со второй половины XIV в. до н.э. Угарит перешел от египетских правителей под власть хеттов [18, p. 199] и оставался хеттским вассалом на протяжении XIV – XIII вв. до н.э. вплоть до крушения Хеттского царства. Как уже отмечалось исследователями, само письмо RS 88.2158 выглядит как свидетельство попытки переориентации

[1] Мы полагаем, что косвенно на подобную абсолютную датировку письма RS 88.2158 может и указывать тот факт, что в конце 2-го года правления Сети II (около 1212 г. до н.э.) Верхний Египет был захвачен узурпатором Аменмессу, который также провозгласил себя фараоном [1, с. 27–28, 37; 2, с. 115–116]. Едва ли можно представить, что Сети II мог эффективно контролировать территории сиро-палестинского региона, не обладая всей полнотой власти над Египтом.

[2] К сожалению, до сих пор не опубликовано крайне важное письмо RS 94.2002 + 2003, которое, по предварительным сообщениям, датируется правлением Мернептаха и содержит сведения об отправке партии зерна из Египта в Угарит, чтобы спасти город от голода [16, p. 712; 14, p. 365].

[3] В тексте стелы Мернептаха, хранящейся в Каирском музее под номером 34025 и более известной как «стела Израиля» [9, p. 19:5-7], помимо прочего упоминается разгром египтянами палестинских городов Аскалона, Гезера, Иеноама, а также сокрушение Израиля во время кампании 1219 г. до н.э.

Угарита в конце XIII в. до н.э. на Египет из-за ослабления хеттского влияния в Северной Сирии [16, p. 711]. Не имея возможности подробно остановиться в данной статье на причинах ослабления влияния хеттов на Угарит, заметим только, что усиление влияния Египта на этот город, на наш взгляд, следует связывать со слабым правлением сына Тудхалии IV Арнуванды III, воцарившегося после 1220 г. до н.э., правление которого закончилось восстанием в Хеттском царстве и приходом к власти его брата, последнего хеттского царя Суппилулиумы II [3, с. 216–217].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Сафронов А.В. Сети II и Аменмессу: два брата – два фараона – два врага // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2007. – № 1. – С. 27–41.
2. Сафронов А.В. «Безымянный» сановник конца XIX династии и новые титулы «великого начальника казны» Баи // Вестник древней истории. – 2008. – № 4. – С. 110–129.
3. Сафронов А.В. Датировка письма RS 34.129 и хетто-угаритские отношения в XIII в. до н.э. // Вестник древней истории. – 2011. – № 4. С. 211–218.
4. Сафронов А.В. Датировка угаритского письма RS 88.2009 // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2012. – № 2. – С. 5–10.
5. A Concise Dictionary of Akkadian. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2000. – 450 p.
6. Fisher L. Double Attribution in a Letter from Egypt to Ugarit (RS 88.2158) // Journal of the American Oriental Society. – 2010. – Vol. 130/4. – P. 619–621.
7. Freu J. Histoire politique du royaume d'Ugarit. – Paris: Kubaba – Antiquité, 2006. – 312 p.
8. Gilmour G., Kitchen K.A. Pharaoh Sety II and Egyptian Political Relations with Canaan at the End of the Late Bronze Age // Israel Exploration Journal. – 2012. – Vol. 62/1. – P. 1-21.
9. Kitchen K.A. Ramesside Inscriptions. Oxford: B.H. Blackwell Ltd, 1982. – Vol. 4. – xxxii + 448 p.
10. Lackenbacher S. Une correspondence entre l'administration du pharaon Merneptah et le roi d'Ougarit // Le pays d'Ougarit autour de 1200 av. J.-C. Histoire et archéologie. Actes du Colloque International, Paris, 28 juin – 1er juillet 1993. = Ras Schamra-Ougarit XI. /M.Yon, M. Sznycer, P. Bordreuil (eds). – Paris: Éditions Recherche sur les Civilisations, 1995. – P. 77–83.
11. Lackenbacher S. Between Egypt and Hatti // Near Eastern Archaeology. – 2000. – Vol. 63/4. – P. 194.
12. Lackenbacher S. Une lettre d'Égypte // Études Ougaritiques. I. Travaux 1985–1995 (=Ras Shamra-Ougarit XIV) / Yon M., Arnaud D. (eds.). – Paris: Éditions Recherche sur les Civilisations, 2002. – P. 239–248.
13. Moran W. L. The Amarna Letters. – Baltimor – London: The Johns Hopkins University Press, 1992. – xlvii + 394 p.
14. Munářová J. Tradition or Innovation? The Ugaritic-Egyptian correspondence // *Ägypten und Levante*. Internationale Zeitschrift für ägyptische Archäologie und deren Nachbargebiete. – 2010. – Bd. 20. – P. 363–372.
15. Singer I. Merneptah's Campaign to Canaan and the Egyptian Occupation of the Southern Coastal Plain of Palestine in the Ramesside Period // Bulletin of the American Schools of Oriental Research. – 1988. – № 269/1. – P. 1-10.
16. Singer I. A Political History of Ugarit // Handbook of Ugaritic Studies / Watson W.G.E., Wyat N. (eds.). Leiden – Boston – Köln: Brill, 1999. – P. 603–733.
17. The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago. – Glückstadt: J.J. Augustin, 1980. – Vol. 11/2. – 357 p.
18. van Soldt W.H. Ugarit as a Hittite Vassal State // Altorientalische Forschungen. – 2010. – Vol. 37/2. – P. 198–207.
19. Wörterbuch der ägyptischen Sprache. – Berlin: Akademie-Verlag, 1971. – Bd. 4. – 569 S.
20. Yon M. The City of Ugarit at Tell Ras Shamra. – Winona Lake: Eisenbrauns, 2006. – viii + 179 p.

УДК 111.1/.8

Воронина Т.Е.
Дагестанский научный центр
Российской академии наук (г. Махачкала)

СОЛОМОНОВО ВРЕМЯ ИЗРАИЛЯ (ПРОБЛЕМЫ РЕЛИГИОЗНОГО КУЛЬТА)

T. Voronina
Dagestan Scientific Centre
of the Russia Academy of Sciences, Makhachkala

THE TIME OF SOLOMON OF ISRAEL (THE PROBLEMS OF THE RELIGIOUS CULT)

Аннотация. В статье автором обращено внимание на исторический опыт Израиля времен правления царя Соломона, когда шла борьба против политического и религиозного абсолютизма на основе централизации государства. Преодоление конфликтов при несоблюдении закона иерархии давалось нелегко. В статье автор обращает большое внимание на роль культа бога Яхве сыгравшего ответственную роль в формировании и укреплении древнего Израиля. В связи с постройкой храма и формированием династии первых царей, Яхве стал общегосударственным богом, который позже превратился в культ божества, управляющего миром. Вместе с тем Соломон строил храмы и другим богам.

Ключевые слова: Израиль, страх, религия, вера иудеев, Соломон, Яхве, храм, государство.

Abstract. This article is devoted to the historical experience of Israel in the times of King Solomon reign, when there was struggle against political and religious absolutism on the basis of the state centralization. The overcoming of the conflicts was not easy as the law of hierarchy was not observed. The author pays much attention to the role of the god Yahweh cult which played an important role in ancient Israel forming and consolidation. The temple built and the first dynasty of Kings formed, Yahweh became the god of the whole nation which later turned into the god cult ruling the whole world. King Solomon built temples to other gods too.

Key words: Israel, fear, religion, Israelite faith, Solomon, Yahweh, temple, state.

Я не понимаю трех вещей: путь змеи по скале,
путь орла в небе и путь женского сердца к мужчине.
Соломон

Религия иудеев возникла в конце 2-го тысячелетия до н.э. среди евреев, живших в Палестине. Вначале она имела политеистическую форму, но к началу 1-го тысячелетия иудаизм как национальная религия иудеев приобрел форму монотеизма. Иудаизм отличается от других религий и по содержанию, и по существу. Ведь слово «еврей» происходит от слова «ибри» и означает «кочевник», «пришелец с другого берега реки, пересекший реку».

«Первоначально иудаизм был распространен на весьма ограниченной территории и почти не выходил за пределы территории Палестины»[4, с. 55].Различные источники, описывающие то время, когда она создавалась, по-разному представляют последовательность событий. Вся история Израиля началась с чуда Божьего явления – бога Яхве. Поэтому специфика формирования этого народа в том, что он образовался не по территориальному, не по экономическо-

© Воронина Т.Е., 2013.

му и не по кровному признаку. И не все евреи стали израильтянами, а только те, кто вышел с Моисеем из Египта. Народ сформировался на религиозной основе. Главным было то, что "... шарившая во мраке и ощупью отыскивавшая дорогу рука иудея... не встречала руки Божьей, которая бы вывела ее к свету"[1, с. 249], пока не появилось осознание роли Бога Яхве, который взял на себя ответственность за помощь иудеям, за сохранение их как нации. Получив его поддержку, израильтяне назвали себя богоизбранным народом от радости за выстраданную перспективу, терпя от Египта, Рима и других государств. С появлением религий – христианства и ислама – Бог Яхве стал трехконфессиональным Богом, и в наши дни идет процесс этого архетипа. Стремление иудейского народа находиться под его покровительством означало получить удовлетворение жизненно важных проблем при условии, если стремящийся понимает роль Бога Яхве и благочестен. В среде иудеев стремление к благочестию сформировалось ввиду неправильного, как им казалось, представления о них. На первое место они ставили культуру, а Бога (Всевышнего) познавали в истории, разделяя богов на мужских и женских.

С глубокой древности известен способ искать и распространять истину с помощью странствий – своего рода детерминизм древних, имеющий рефрен и в наши дни. Благодарный народ, обретя в который раз свою Родину, через сорок лет блуждания по пустыне, наконец, не только сам сделался собственником земли, но и Бога Яхве пристрастил к этому делу: Бог Яхве также приобрел право на землю. В сферу его служения вошла и такая отрасль, как садоводство. Он принял землю под посадку садов из рук израильских военачальников и вошел в полный контакт с народом, который к этому времени стал вполне оседлым. Авраам, Саул, Давид, Соломон, Моисей, Яхве, Израил, Иешуа, Саваоф, Уран – эти и другие имена с давних пор высоко держат народное небо Израиля и других государств мира на Восточном полушарии.

История древних евреев начинается в период с 1 тысячелетия до н.э. с истории единого Иудейского государства (1097–977 до рождества Христова), в котором были цари Саул, Давид, Шломо, известный миру как Соломон. Имя «Шломо» означает «мир». Соломон наследовал от своего отца царя Давида обширное государство, простиравшееся от «реки египетской до великой реки Евфрат». Чтобы управлять такой страной, таким государством, нужно было быть семи пядей во лбу. К счастью, юный царь был наделен природным умом и проницательностью, давшими ему впоследствии славу «мудрейшего царя». На одном из многочисленных перстней Соломона было написано: «Познай себя», на другом – «И это пройдет». Девиз Соломона был «Не торопиться». Когда царь Давид дал Соломону план строительства храма, ковчега и всех построек, Соломон не приступал к исполнению поручения до тех пор, пока не увидел «небесную модель» зримо, созданную Яхве у истока времен. Именно так и провозглашал Соломон: «Ты повелел мне построить Храм во Святейшее Твое Имя и алтарь в городе, где ты обитаешь, по образу святейшей скинии, который ты приуготовил от начала («Премудрости Соломона» –1Х, 8)[5].

Для любой религии важны притягательный характер богослужений, блеск и красота храмов, но израильтян беспокоил вопрос о совместимости Иеговы с восточной культурой. Израил, оглядывавшийся на Рим, на Север, вызывал опасение связью с римлянами. Призывая молиться, Соломон, сын Давида, вместе с Яхве построили храм, ставший достоянием мировой культуры. Соломон стремился укрепить власть, держать в повиновении все 12 израилевых колен по принципу: един бог, един народ, един царь. «Внук Авраама Иаков (прозвище Израил), у которого было 12 сыновей, вместе с семьей переселился из Ханаана в Египет из-за голода»[2, с. 41].

До сих пор израильтяне помнят Соломоновы дела, поскольку богослужения в храмах носят следы иудейства той поры, как оно развивалось в Израиле в Иерусалимском храме при его жизни. Нововведения Соломона, царя Израильско-иудейского царства в 965–

928 гг. до нашей эры, носили большой отпечаток восточной культуры, вступавшей в противоречие с иеговизмом, вынесенным еще из Египта. Соломон направил Яхве в Северное царство, однако в нем все время происходило брожение в политическом и религиозном смысле. Враг с Севера – если не римляне и греки, то вавилоняне – был налицо. Несмотря на это постоянная смена династий с участием пророков была обычным делом. Со временем стало ясно: когда придет долгожданная Мессия, иудеям будет помощь. Поэтому Соломон повсеместно строил храмы не только Яхве, но и Молоху, и Астарте. Если иудеи в тот период ждали, что другие народы, жившие на их земле, сами по своему желанию придут к их храму, то в Иудее позднейшего времени было наоборот – они не дожидались, что другие народы придут к ним, а сами первыми шли к ним навстречу. Замечательное доказательство не гордыни – уступчивости иудеев – Соломонов Псалтырь, относящийся к середине 1-го века до н.э. Псалтырь отражает событие Помпеи как расплату безбожных за попирательство благочестивых: "Проклят народ, который невежда в законе" [3, с. 338].

Израиль, безусловно, стремился найти соглашение с тем разнообразием жизни, которое установилось в Палестине во времена эллинизма, сохранив веру в Бога Яхве, что было названо мудрым Соломоновым решением. "Книга Премудрости" отражает стремление иудеев к заботе о праведности, которая должна была служить подготовкой к спасению. Разметанные Титом, иудеи взывали друг к другу служением на высотах. Чтобы это явление не приобрело характер язычества, Соломон запретил высоты. Но до времени это запрещение не было абсолютным. Поэтому таким местом для богослужения являлся Иерусалимский храм. Особые обстоятельства делали места жертвоприношений священными, а принесение на них жертвы являлось не только необходимым делом, но и требованием веры. И не различным божествам в дни праздников приносили дары, а только Богу Яхве. Жрецы настойчиво напоминали: в храм божий в праздничный день нельзя приходить с пустыми руками. Эта заповедь в Ветхом Завете повторяется много раз.

Время Соломона – бесспорное владычество релятивного Иеговы (Израила). А значит – контроль за ним со стороны Соломона осуществлялся пристальный. Шла борьба, с одной стороны – против смешения разнородных вероучений и культовых предопределений, с другой стороны – против политического и религиозного абсолютизма, который не устраивал Иегову. Смыслом этой борьбы были созидательная роль Соломона и Бога Яхве, в результате которой иудейская вера не потеряла ничего из своей внутренней сущности. Наоборот, в ней сохранилась и еще сильнее проявилась присущая ей великая жизненная сила, несмотря на враждебное и презрительное отношение к ней представителей греческих поселений: иудейскую общину, кроме греков, поддержало множество не иудеев.

После смерти Соломона иудейское царство раскололось. Десять северных «колен», то есть племен, заявили о своем протесте: «Что у нас общего с домом Давида?» Библия отмечает как наличие упадка – связи с египтянами, аммонитянами, жителями Сидона.

Проводя аналогию между древностью и современностью, некоторые исследователи стремятся подчеркнуть необходимость появления такой личности, такого архетипа, как Соломон, в наши дни, в нашей стране. Он был умен, сказочно богат и щедр при этом. На свет его мудрости стремились, казалось, все щедроты мира. В 1885 г. вышла книга Генри Райдера Хаггарта «Копи царя Соломона». Известно, что Соломон каждые три года плавал в страну Офир. Это было либо в Индии, либо в Сомали, либо на Мадагаскаре, где в копях добывалась медная руда. И вот в 30-е годы археологи нашли медные рудники, обнаруженные на территории Иордании. Царь Иудеи Соломон был достаточно успешным предпринимателем по производству меди. На многих выставках того периода его продукция поощрялась. Конечно же, мир преклоняется перед гениальным иудейским политиком до сих пор. Даже существует поверье:

увидевший Соломона во сне может надеяться стать мудрым. Философ Макс Вебер среди харизматических личностей мира называл Соломона. Братьев философа Эмиля Дюркгейма звали Соломон и Моисей. Отношение к истории Израиля было пристальным всегда. Мирча Элиаде свою работу «Миф о вечном возвращении» посвятил автору сочинений «Притчи Соломона», «Екклезиаст», «Песнь песней» – Соломону. Образ иудейского царя служил мотивом вдохновенья для многих поэтов, писателей и художников. Например, Рубенс написал картину «Суд Соломона», Гендель посвятил ему ораторию, Гуно – оперу. Русский писатель А. Куприн использовал образ Соломона и мотив «Песни песней» в своей повести «Суламифь». По мотивам соответствующей истории был снят фильм «Соломон и царица Савская».

В исламской традиции Соломон – Сулейман или Сулайман – мудрый, справедливый – является образцом правителя. Многие мусульманские монархи носили такое имя, говоря о нем: «Мудрейший из людей, понимавший язык зверей, которые подчинялись ему». Согласно Корану, Сулейман (Соломон) был сыном пророка Давуда. От своего отца он усвоил множество знаний и был избран Аллахом в пророки, причем ему была дана мистическая власть над всеми, включая и джиннов.

Соломон правил огромным царством, которое на юге простиралось до Йемена. Обе звезды – Давида и Соломона, отца и сына – используются в восточной кабалле. Звезда Давида – на флаге Израиля.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Глаголев С.С. Предисловие к гл. “Израильтяне” // История религий/под ред.проф. Д.П. Шантепи де ля Соссей. – Т. 1. – М., 1992. – С. 247–264.
2. Гойтемиров Ш. Основы истории религий. – Махачкала: изд-во «Эпоха», 2007. – 272 с.
3. Валетон И.И. Гл.”Израильтяне” // История религий под ред. проф. Д.П. Шантепи де ля Соссей. – Т. 1. – М., 1992. – С. 247–340.
4. Настольная книга атеиста /под ред. акад. С.Д. Сказкина. изд.8-е. – М.: Политиздат, 1985 – 460 с.
5. Премудрости Соломона (1Х, 8) Библия. – М.: изд-во СП «Соваминко», 1991. – 1148 с.

УДК 94(410:540) «1759»

Гребенюк В.С.
Луганский национальный университет им. Тараса Шевченко (Украина)

МИССИЯ УОЛША И БРИТАНСКАЯ ЭКСПАНСИЯ В ИНДИИ, 1759 г.

V. Grebenyuk
Luhansk Taras Shevchenko National University, Ukraine

WALSH'S MISSION AND THE BRITISH EXPANSION IN INDIA, 1759

Аннотация. Представленная статья является попыткой выяснить роль миссии Уолша 1759 г. в формировании британской экспансионистской политики в Индии. Исследование показало, что ее результаты оказались весьма неоднозначными. Ибо, с одной стороны, агент британского полковника Р. Клайва, Уолш, не смог добиться военной поддержки правительства, необходимой для экспансионистских целей. С другой, – он узнал о позитивном отношении к идеям Клайва первого министра Уильяма Питта, который был поборником расширения колониальных владений Великобритании за океаном и потому понимал значение результатов его деятельности.

Ключевые слова: Великобритания, Ост-Индская компания, экспансионизм, колонии, метрополия.

Abstract. The presented article is an attempt to clarify the role of Walsh's mission in 1759 in the formation of the British expansionist policy in India. The research has shown that the results of it were rather ambiguous. For, on the one hand, the agent of the British colonel Clive Walsh couldn't obtain military assistance of the government necessary for conquest aims. On the other hand, he got to know about William Pitt's, the first minister, positive attitude to Clive's ideas, because the premier supported colonial expansion of Great Britain and therefore understood the importance of colonel's operations results.

Key words: Great Britain, the East India Company, expansionism, the colonies, mother country.

В каждый из исторических периодов наиболее ожесточенное противостояние великих держав, как правило, разворачивается вокруг тех регионов, которые приобретают ключевое геополитическое значение. Пониманию этого значения на государственном уровне зачастую способствуют люди, раньше других осознавшие возможность и перспективы установления контроля над такими регионами. Поэтому для любой страны, вовлеченной в борьбу за господство на международной арене, крайне важно вовремя оценить и правильно отреагировать на открывшиеся новые возможности. Одним из ярких примеров подобной реакции стала попытка британцев пересмотреть статус своего присутствия на Индостане в середине XVIII в., что, как известно, привело к распространению власти британского флага над всем полуостровом.

Процесс становления Британской империи в Индии был достаточно сложным, поскольку формирование политики «Туманного Альбиона» в отношении этого субконтинента не всегда отличалось последовательностью. Поэтому в исторической литературе появилось большое количество исследований, в которых делаются попытки с различных сторон подойти к изучению данной проблемы. На фоне многообразия зарубежной, в особенности англоязычной, историографии, в которой сформировались целые школы и направления, изучающие историю британского господства в Индии, не менее важными являются работы отечественных и российских ученых. Следует отметить, что больших успехов в этом достигли историки советского периода, которые уделяли особое внимание истории колониализма как примера импе-

© Гребенюк В.С., 2013.

риалистического порабощения буржуазным Западом слаборазвитых народов мира. Несмотря на присущую большинству работ тенденциозность, значение исследований таких классиков, как К.А. Антонова, Н.А. Ерофеев, А.Б. Каплан, Е.В. Тарле и по сей день не ослабевает [1; 3; 4; 6]. В то же время работы историков России постсоветского периода оказались не менее важными в раскрытии новых пластов ранее слабоизученных проблем колониальной истории, среди таковых можно отметить А.Б. Соколова, К.А. Фурсова, А.М. Хазанова [5; 7; 8]. В украинской исторической науке также появилась плеяда ученых, таких, как М.С. Бурьян, О.Б. Дёмин, В.В. Савенков, которые в своих работах смогли по-новому рассмотреть, казалось бы, уже исследованные проблемы британского колониализма [2; 9; 10].

Тем не менее, при всем обилии опубликованных исследований по-прежнему остаются слабо освещенными или вовсе обойденными вниманием важные аспекты установления господства англичан на Индийском субконтиненте. Одной из таких проблем является выяснение роли миссии Уолша 1759 г. в развитии идеи британского экспансионизма в Индии, что и стало целью настоящей статьи.

23 июня 1757 г. у небольшого поселка Плесси в индийской провинции Бенгалия состоялась битва, в ходе которой британский отряд, возглавляемый полковником Робертом Клайвом, разбил войска бенгальского наваба Сирадж-уд-Доула. В результате последнего вскоре убили, а на его престол был возведен ставленник англичан Мир Джафар, который обязался щедро вознаградить своих покровителей, обеспечить британской Ост-Индской компании (далее ОИК – В.Г.) беспрепятственное ведение торговли в регионе и устранить ее главных европейских конкурентов – французов и голландцев. Последствия сражения оказались столь значительными, что повлияли на судьбу не только одного конкретно взятого властителя или региона, но и в дальнесрочной перспективе всего субконтинента. Поэтому в историографии, посвященной изучению истории Британской Индии, сложилась традиция отсчитывать от этого события начало владычества англичан в Индии, а главного триумфатора считать основателем Британской империи в Индии [1, с. 89; 3, с. 87].

Тем не менее на тот момент подобные последствия сложно было представить и, что особенно важно, они мало кого интересовали. В частности директоров ОИК на Леденхолл-стрит больше тревожил тот факт, что стремительное обогащение служащих Компании, вследствие успешного переворота, может подорвать интерес к развитию коммерции, а изменение самого характера деятельности организации на Востоке может привести к пагубным для торговли последствиям. В результате неудивительно, что главным идеологом развития успеха и утверждения британского господства в регионе на более прочных основах оказался победитель при Плесси – Р. Клайв. Поэтому, помимо организации военных экспедиций, не менее важной оказалась его деятельность в отстаивании идеи экспансионизма в Индии.

Убедившись, что завоевание Бенгалии и получение колоссальных прибылей военно-политическим путем не отвечает интересам верхушки правления Компании в метрополии, Клайв был вынужден обратиться к поиску других покровителей для своей деятельности. В январе 1759 г. он отправил в Лондон своего агента Уолша с письмом к главе кабинета Его Величества – Уильяму Питту Старшему [11, с. 387–392]. В этом письме Клайв пытался убедить первого министра увеличить военную помощь правительства, поскольку власть ставленника англичан Мир Джафара была непрочной, а собственных сил для защиты и дальнейшего укрепления британских позиций у полковника не хватало. Дополнительный контингент из двух тысяч европейских солдат, по словам Клайва, мог бы в корне изменить ситуацию и позволил бы Компании прочно утвердить свое господство в регионе. В оправдание именно правительственной поддержки он писал, что «удержать столь обширную территорию, возможно, не под силу торговой компании. Есть опасения,

что она не способна самостоятельно, без государственной поддержки, удержать столь крупное владение. Поэтому я осмелился обратиться к вам, Сэр: возможно ли, чтобы воплощение этого замысла, который впоследствии может привести к еще большим приобретениям, реализовалось руками правительства» [11, с. 389–390].

Что касается выгод, которые приобрела бы Великобритания, полковник писал: «судите сами, должна ли ежегодная прибыль в два с лишним миллиона фунтов стерлингов, вместе с обладанием тремя провинциями (в Бенгалии – В.Г.), изобилующими самыми ценными творениями природы и искусства, быть объектами общественного внимания. И что может быть хуже для нации, чем не принятие необходимых мер для того, что бы защитить это приобретение, – приобретение, которое под руководством такого способного и незаинтересованного (в собственной выгоде – В.Г.) министра, составило бы источник огромного богатства для королевства, и, возможно отчасти, было бы средством к уменьшению тяжести груза государственного долга, под давлением которого мы в настоящее время работаем» [11, с. 390].

Следует отметить, что в стремлении Клайва к установлению господства в Индийском регионе военно-политическим путем можно проследить преемственность идей, отстаиваемых ранее французским главнокомандующим Жозефом Франсуа Дюпле. Последний еще в октябре 1753 г. отправлял в Париж подробный доклад, в котором обосновывал необходимость осуществления колониальных захватов в Индии и зависимость процветания Компании от проведения такой политики. Анализируя значение этого документа, известный советский исследователь А.Б. Каплан писал: «Хотя губернатор многое преувеличивал в своем мемуаре, например предсказывал неминуемое разорение английской Ост-Индской компании, он несомненно, с точки зрения последовательного колонизатора, был прав – цель деятельности Компании должна была заключаться в создании колониальной империи» [4, с. 124].

Однако, если Дюпле пытался убедить в этом директоров французской ОИК, так как их Компания была подчинена государству, а члены ее правления, по сути, были государственными чиновниками, то Клайву в своих действиях приходилось считаться с самостоятельным положением коммерческой компании по отношению к Соединенному королевству. Натолкнувшись, так же, как и Дюпле в прошлом, на неодобрение директоров ОИК, единственной возможностью дальнейшего проведения экспансии для Клайва оставалось покровительство лондонского правительства. Поэтому обращение к его фактическому главе, отстаивающему идеи заокеанской экспансии, стало вполне закономерным шагом британского главнокомандующего.

23 ноября 1759 г. Уильям Питт принял агента Уолша и обсудил с ним полученное письмо. О содержании этой беседы можно узнать из отчета, составленного Уолшем и отправленного 26 ноября Клайву [12, с. 126–128]. Вначале Питт сразу же подчеркнул, что намерение полковника он находит вполне «практичным» и «в сущности, очень полезным» [12, с. 126]. Но, как он далее заметил, предоставленная ОИК хартия будет действовать еще 20 лет, а в течение этого времени, как показывала практика тех лет, право собственности на завоевания и приобретения в Индии присуждалось не Короне, а Компании. Кроме того, по словам Уолша: «Он сказал, что сложность в достижении цели этого предприятия не была значительной, под руководством такого гения, как полковник Клайв. Однако сохранение этого приобретения оказалось бы проблемой, поскольку маловероятно, что впоследствии его заменят люди, соответствующие такому заданию» [12, с. 126–127]. В ответ Уолш заверил Питта, что если государство откажется от этого плана, рано или поздно его будет вынуждена воплотить сама Компания, причем не столько из-за коммерческой выгоды, сколько в целях собственной безопасности. «Казалось, он осознавал это, – писал агент Клайва, – но, насколько я мог судить по дальнейшему ходу беседы, был готов оставить свободу действий за Компанией» [12, с. 127].

В завершении беседы первый министр намекнул, что в течение текущего сезона в Индию все же будет отправлено подкрепление из тысячи человек на четырех линейных кораблях, но из-за обнаружившейся к тому времени угрозы вторжения французов на Британские острова точной даты он не мог назвать.

Таким образом, результаты миссии Уолша оказались весьма неоднозначными. Ибо, с одной стороны, агент Клайва не смог добиться необходимой военной помощи и правительственной поддержки для экспансионистских планов британского полковника в Бенгалии. С другой, – он смог выяснить позитивное отношение к идеям Клайва первого министра Уильяма Питта, который являлся поборником расширения колониальных владений Великобритании за океанами и потому понимал значение результатов его деятельности. И хотя Питт все же так и не смог выделить необходимых сил для дальнейших завоеваний Клайва, тем не менее, отправка военных контингентов из метрополии в Индию не прекращалась в течение всей войны, а, по мере завершения параллельно ведущегося противостояния с французами в Северной Америке, лишь увеличивалась. Как следствие, британцы смогли успешно завершить текущую войну, и вытеснить французов с Индостана, заложив тем самым фундамент собственной Второй колониальной империи.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Антонова К.А. Английское завоевание Индии в XVIII веке. – М.: Изд. вост. лит., 1958. – 326 с.
2. Бурьян М.С. Египет во внешней и колониальной политике Великобритании в 20-х гг. XX века. – Луганск: БОЯН Ри МП, 1994. – 168 с.
3. Ерофеев Н.А. Империя создавалась так... Английский колониализм в XVIII в. – М.: Наука, 1964. – 166 с.
4. Каплан А.Б. Путешествие в историю. Французы в Индии. – М.: Наука, 1979. – 286 с.
5. Соколов А.Б. «Правь, Британия, морями?» Политические дискуссии в Англии по вопросам внешней и колониальной политике в XVIII веке. – Ярославль: издательство ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 1996. – 191 с.
6. Тарле Е.В. Очерки истории колониальной политики западноевропейских государств (конец XV – начало XIX века). – М.; Л.: Наука, 1965. – 429 с.
7. Фурсов К.А. Держава-купец: отношения английской ост-индской компании с английским государством и индийскими патримониями. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2006. – 364 с.
8. Хазанов А.М. Очерки по истории Индийского океана (XVI–XIX вв.) – М.: Институт востоковедения РАН, 2010. – 103 с.
9. Дьомін О.Б. Біля витоків англійського атлантизму. Зовнішня політика Англії кінця 50 – кінця 80-х років XVI ст.: Монографія. – Одеса: Астропринт, 2001. – 360 с.
10. Савенков В.В. Великобританія та проблема будівництва Суецького каналу: автореф. дис... канд. іст. наук. – Луганськ, 2005. – 20с.
11. Correspondence of William Pitt, earl of Chatham/ Ed. W.S. Taylor and J.H. Prinyle. – V. 1. – London: John Murray, 1838. – 480 p.
12. Malcolm J. The life of Robert, Lord Clive. – V. 2. – London: J. Murray, 1836. – 381 p.

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

УДК (73+728.1)«1946/1951»

Балуев А.Ю.
Московский государственный областной университет

ЭСКАЛАЦИЯ НАПРЯЖЁННОСТИ В ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ США И ГВАТЕМАЛОЙ В ПЕРИОД БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ РЕФОРМ Х.Х. АРЕВАЛО

A. Baluev
Moscow State Regional University

ESCALATION OF TENSION IN RELATIONS BETWEEN THE USA AND GUATEMALA IN THE PERIOD OF H.H. AREVALO'S BOURGEOIS-DEMOCRATIC REFORMS

Аннотация. Одной из центральных проблем истории интервенции США в Гватемале в 1954 г. является причина, из-за которой она возникла, её предпосылки. В данном случае решением может стать обращение к документам, опубликованным в сборнике «Внешняя политика Соединённых Штатов, 1952–1954, Гватемала» («Foreign Relations of the United States, 1952–1954: Guatemala» Washington, 2003), изданном в 2003 г. по инициативе Государственного департамента США. Эта публикация содержит большое количество документов, однако в ряде случаев они носят субъективный характер, так как подбирались и интерпретировались ЦРУ.

Ключевые слова: опрокидывание равновесия сил; американский век; сфера жизненных интересов; конфронтация; оппортунизм; политика с позиции силы.

Abstract. One of the central problems in the history of the USA intervention in Guatemala in 1954 is the reason which caused it and its prerequisites. In this case, the reference to the documents published in the collection «Foreign Relations of the United States, 1952–1954: Guatemala» («Foreign Relations of the United States, 1952–1954: Guatemala», Washington, 2003), published in 2003 by the initiative of the US Department of State. This publication contains a considerable quantity of documents, however, in some cases they have subjective character as they were chosen and interpreted by the CIA.

Key words: Balance overturning; the American century; sphere of vital interests; confrontation; opportunism; position-of-strength policy.

Цель статьи – изучение развития американо-гватемальских отношений в период буржуазно-демократических реформ правительства Х.Х. Аревало.

Задачи – рассмотреть на основе анализа новейших документальных публикаций концепцию действий США в отношении Гватемалы периода буржуазно-демократических реформ в рамках американских внешнеполитических приоритетов в начале «холодной войны».

Во второй половине XX в. Соединённые Штаты Америки приблизились к вершине своего экономического, политического и геополитического могущества. Как считал «отец» британской геополитики, Х. Макиндер, послевоенный мир был поделён на сектора, центральный из которых он помещал на севере Евразии, называя его "осевым регионом" или "сердцем" мировой политики [7, p. 7-9]. Согласно Макиндеру, "географическим центром истории" была

© Балуев А.Ю., 2013.

Россия; страны, граничащие с ней, он назвал "внутренним полумесяцем" [7]. Интерпретируя концепцию Макиндера, нетрудно заметить, что фраза "опрокидывание равновесия сил..." (*Balance revolution*) [16, p. 241–242, 255, 257–258, 262–264] в большей степени имеет в виду создание геополитического равновесия Запада и Востока в рамках построения первым "мировой империи"[16]. Данная идея была преобразована в план "Тоталити" Г. Трумэном и Д. Эйзенхауэром в 1945 г., что подразумевало возможность ядерной войны с СССР и нанесение превентивных ударов (план JIC 329/1) [12, p. 30–31], вполне вписывающихся в принятую США концепцию "Американского века". Методы США в этот период времени отличались определённой самоуверенностью и жёсткостью. Маккартисты развязали в стране антисоветскую истерию, что в итоге привело к судебному процессу над лидерами Коммунистической партии США в 1949 г., а в 1950 г. – к появлению «закона о внутренней безопасности», предусматривавшего создание управления для контроля за подрывной деятельностью и борьбы с коммунизмом. Эти меры носили черты нового «крестового похода» против идей мирового коммунизма, а также были адресованы странам третьего мира, где данная стратегия себя вполне оправдывала в плане укрепления там позиций американского капитала. В силу геополитических причин США придавали Западному полушарию особое стратегическое значение. Пример – «Доктрина Монро» 1823 г., провозгласившая это полушарие сферой «жизненных интересов» США, вследствие которой их позиции там постоянно усиливались. Важнейшим в экономическом и политическом плане регионом для США была Латинская Америка со множеством экономически слабых стран, которые противились интервенционистским планам США в регионе. Эскалация антиамериканских настроений, оппозиция интересам США в данном геополитическом регионе мира вызывали довольно жёсткие контрмеры с их стороны. Следует обозначить тактику Белого дома, гибко варьировавшуюся в диапазоне между "большой дипломатической дубинкой" и дипломатией "кнута и пряника", исходящей из традиционной американской концепции "разделяй и властвуй во все времена"[7, p. 12]. Присутствие такого фактора во внешнем политическом курсе США подтверждают и события в Гватемале 1951–1954 гг. когда США предприняли против неё вооружённую интервенцию и смогли пресечь нежелательные для себя попытки демократических преобразований в этой стране. Тогда Государственный департамент США передал решение гватемальской проблемы непосредственно Центральному разведывательному управлению. Свет на сложившуюся ситуацию проли-вают относительно недавно опубликованные материалы о деятельности Государственного департамента США в 1952–1954 гг. [10; 11; 12; 13]; они помогают лучше разобраться в специфике и хитросплетениях активности Госдепартамента и ЦРУ в гватемальском вопросе. Налицо и явная заинтересованность двух ведомств в результатах операции в Гватемале – не следует забывать, что братья Даллес владели частью акций Юнайтед Фрут Компани (*UFCO*) – американской банановой монополии, прочно закрепившейся в экономике Гватемалы. Вместе с тем жёсткость правящих кругов США, проявленная в отношении Гватемалы, объясняется прежде всего интересами стратегического порядка, прикрытых ширмой экономической заинтересованности. Весьма уместно вспомнить о знаменитом тезисе одного из инициаторов «холодной войны», главы отдела политического планирования Государственного департамента США в 1948 г. Джорджа Ф. Кеннана: «У нас есть около 50% мирового богатства, но только 6,3% мирового населения... В этой ситуации мы не можем не быть объектом зависти и обиды. Нашей реальной задачей в предстоящий период является разработка модели взаимоотношений, которая позволит нам сохранить это положение диспропорции без ущерба нашей национальной безопасности. Чтобы сделать это, нам придется отказаться от всякой сентиментальности и мечтательности; и наше внимание должно быть сосредоточено всюду на наших непосредственных

национальных целях. Мы не должны обманывать себя, что мы сегодня можем позволить себе роскошь альтруизма и мировой благотворительности» [Цит. по: 13, p. 23]. Заявление это определённо вписывается в концепцию "Американского века". Политизация и идеологизация не являлись в данном случае главной подоплёкой экспансионистской политики США. Скорее они являлись определённой завесой для "Американского века", став для них лишь оправданием и частью стратегии "Нового мирового порядка". Хорошо известны идеи видного американского пропагандиста А. Брукса, обосновавшего идею глобальной американской империи [3, p. 19]. Брукс являлся носителем идеологии агрессивного экспансионизма, заложившего фундамент будущей геополитики США в период «холодной войны».

Учитывая вышеизложенную геополитическую концепцию США, Гватемала, обеспечивающая экономические интересы американских монополистов путём сдержанного отношения к деятельности на своей территории UFCO, по причине усиления левых течений в широких слоях общества этой страны, вызывала определённую обеспокоенность Госдепартамента США. Учитывался тот факт, что Гватемала подошла к 1951 г. в "статусе" не самого слабого в экономическом плане государства Латинской Америки, что в стране был заложен некий первичный фундамент демократических реформ, благодаря чему Гватемала стала одним из значительных государств этого географического региона, оставаясь, однако, полуфеодальной и экономически зависимой от США. У. Дэвид и Р. Томас отметили факт насильственного принуждения индейского населения Гватемалы к работе на монополию Юнайтед Фрут Компани [6, p. 177]. Более того, 2% населения Гватемалы владели более 70% земли, что ставило эту страну в разряд социально и политически консервативных. Слабая урбанизированность страны не способствовала её демократизации, чем и пользовались монополисты. Военный переворот 1944 г. фактически привёл её к новым президентским выборам, что имело для Гватемалы решающее историческое значение на пути превращения в светское государство. Политика прогрессивных преобразований Х.Х. Аревало вывела страну на путь политической демократии; в 1945 г. была принята Конституция [14, p. 37]. Либерализация режима создала почву для появления в 1949 г. Гватемальской коммунистической партии. Фактическое расширение прав рабочих в результате реформ привело к образованию в мае 1951 г. Всеобщей конфедерации трудящихся Гватемалы, а в 1952 г. – Национально-демократического фронта, чьё формирование вместе с националистической политикой Х. Арбенса ставило монополистические интересы США в довольно сложное положение. Возможность экспроприации UFCO правительством Гватемалы, подкрепляемая расширением прав трудящихся [2, с. 42–44; 14, p. 38], активизировала ту часть населения страны, которая пользовалась при диктатурах особыми привилегиями. Достаточно сказать, что на время президентства Аревало пришлось 29 попыток государственного переворота. По мнению Государственного департамента США, это было следствием «эксцессов» политики нового либерального режима [9, p. 1417].

Уход из жизни Ф. Рузвельта 12 апреля 1945 г. привёл в действие новый принцип внешнеполитической концепции США. Г. Трумэн, не форсируя события, ждал, в силу политики «добропорядочного соседа», «взаимопонимания» со стороны Аревало, что, однако, не отразилось на взаимоотношениях США и Гватемалы, осложнившихся вследствие активности коммунистов в этой латиноамериканской стране [5, p. 14–15]. Можно признать, что политическая концепция Аревало целиком диктовалась экономической подоплёкой, вызванной агрессивным поведением монополистов UFCO, захвативших часть экономического сектора Гватемалы [1, с. 101]. Примером служит захват UFCO трассы «Интернэшнл рейлуэйз оф Сентрал Америка», единственной системы межнациональных перевозок для Гватемалы [2, с. 56–57; 15, p. 17–19], а также 230 тыс. га самых

плодородных земель, приобретённых монополией фактически за бесценок. О влиянии UFCO говорит и владение компанией 95 % банановых плантаций, и уплата заниженных налогов, учитывая тот факт, что монополия являлась вторым после государства работодателем в стране [11, p. 11]. Крупнейший порт страны Пуэрто-Барриос юридически принадлежал компании. Любые попытки со стороны правительства Аревало регулировать её деятельность вызывали крайнее недовольство её руководства. Правительство Гватемалы классифицировало трудовые конфликты UFCO как внутригосударственные дела, вмешательство в которые было запрещено международным правом. Опасения США вызывала и эмиграция на территорию Гватемалы многих иностранных коммунистов [8, p. 886]. В условиях эскалации «холодной войны» США не могли допустить возможности появления в Латинской Америке прокоммунистического режима, что означало бы крупное поражение в глобальном масштабе [5, p. 8-9]. Вероятно, ключевым событием на данном этапе взаимоотношений этих двух стран стал локальный конфликт в марте 1950 г., когда правительство Аревало потребовало от США отозвать своего посла Ричарда Паттерсона, обвинив его во вмешательстве в суверенные дела Гватемалы [8, p. 877; 9, p. 1418]. Конфликт этот стал самым напряжённым с 1944 г. Гватемала стремилась к обретению независимости, США ни при каких условиях не желали признать ее право на суверенную политику. Сложившаяся ситуация раздражала США прежде всего в контексте независимости внешнеполитической линии, проводимой Аревало.

Прогрессивные реформы режима вызвали осложнения в отношениях с США. Ситуация усугублялась рядом факторов, к которым относятся проблема UFCO, принятие нового Трудового кодекса, интеграция в Гватемалу коммунистических элементов, в которых США усматривали серьёзную угрозу их господству в Западном полушарии. Гватемала для США являлась не экономическим партнёром, а сырьевым придатком, расставаться с которым Штаты не собирались. Усилившиеся позиции националистических кругов Гватемалы (партия Partido Accion Revolucionaria) привели к выдвижению в президенты Гватемалы 19 февраля 1950 г. полковника гватемальской армии Х. Арбенса. С приходом Арбенса США связывали определённые надежды [8, p. 872–874] на возможную антикоммунистическую переориентацию правительства Гватемалы. Стратегической целью США была ратификация Гватемалой Межамериканского договора о взаимной помощи, заключённого 2 сентября 1947 г. в Рио-де-Жанейро и предусматривающего усиление влияния США в странах Западного полушария (Договор Рио-де-Жанейро), что должно было произойти в обход коммунистической оппозиции, а также закрытие коммунистической газеты и рабочей школы, изменение в руководстве железнодорожного профсоюза и отставка главы правительства полковника Э. Монзона [8, p. 907–909]. Х. Арбенс, представляя собой типичного политика-оппортуниста, воздерживающегося от активных шагов [9, p. 1419], пытался укрепить власть осторожными мерами, идя на компромисс с США. Тем не менее Гватемале было отказано в поставках оружия и предоставлении займов [8, p. 928–930], что являлось свидетельством выжидательной позиции США. Следует признать, что политика США во время президентства Гарри Трумэна по отношению к Гватемале была крайне непоследовательной. Вначале в отношении правительства Аревало имело место «мягкое» влияние, сменившееся в дальнейшем жёстким политическим курсом. Прослеживается стремление США покончить с коммунистическим, по их мнению, правительством Х. Арбенса. Прежде всего, такую цель преследовал госсекретарь США Дж. Ф. Даллес. Как писал историк К. Блейджеирсом, «освобождение Восточной Европы, к которому он (Дж.Ф. Даллес) призывал, было слишком опасным мероприятием, то ‘‘освобождение” Гватемалы от мифического коммунистического гнёта было делом несравнимо более лёгким» [4, p. 163], и такая политика прослеживается вполне чётко. Однако эта стратегия сталкивалась с желанием

сохранить видимость политики ‘‘доброго соседа” по отношению к латиноамериканским странам.

Можно заключить, что политика США в отношении Гватемалы до инаугурации президента Х. Арбенса 15 марта 1951 г. носила двойственный, крайне противоречивый характер. В политическом отношении период был крайне нестабилен, США просто не обращали внимания на Гватемалу по причине обострения «холодной войны». В контексте исторического времени период до 15 марта 1951 г. можно смело назвать буржуазно-демократическим, подготовившим почву не только для реформ, но и для отхода от парадигмы зависимого в экономическом плане государства. Американская политическая система в принципе была готова к возможному конфликту с правительством Гватемалы. США руководствовались общими тенденциями, навеянными «холодной войной», «комму-нистической угрозой», а также стратегическими, экономическими и поли-тическими мотивами.

Рассмотренные выше аспекты взаимоотношений США и Гватемалы в период президентства Аревало и национально-демократических президентских выборов 1950 г., являются ключевыми для понимания внешнеполитической концепции США в Латинской Америке в условиях конфронтации с социалистическим блоком, что в глобальном отношении фактически проецируется на внешнеполитическую модель США в период «холодной войны».

Политика «жёсткой силы», проводимая США для оказания экономического и политического давления на Гватемалу, явилась своеобразной моделью, в дальнейшем развиваемую Штатами в ходе «холодной войны», эволюция которой нашла отражение в современных геополитических мировых тенденциях.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Сергеев Ф.М. Операция Гватемала (1954 г.) // Вопросы истории. – 1981. – № 8. – С. 101–114.
2. Ториэльо Г. Битва за Гватемалу. – М., 1956. – 300 с.
3. Adams B. The New Empire. – New York: MacMillan Co, 1900. – 299 p.
4. Blasier C. The Hovering Giant. – Pittsburgh, 1976. – 163 p.
5. Cullather N. Secret History: The CIA's Classified Account of Its Operations in Guatemala, 1952–1954. – Stanford, 2006. –224 p.
6. David Wise, Thomas B. Ross. The Invisible Government. –New York: Random House, 1964. – 304 p.
7. Engdahl W.F. Full Spectrum Dominance: Totalitarian Democracy in the New World Order. – SPb, 2010. – 288 p.
8. Foreign Relations of the United State, 1950. The United Nations; the Western Hemisphere. Vol. II. – Washington, 1976. – 1086 p.
9. Foreign Relations of the United States, 1951. The United Nations; the Western Hemisphere. Vol. II. – Washington, 1979. – 1720 p.
10. Foreign Relations of the United State, 1952–1954. The American Republics. Vol. IV. – Washington, 1983. – 1676 p.
11. Foreign Relations of the United State, 1952–1954: Guatemala. – Washington, 2003. – 451 p.
12. Kaku M., Axelrod D. To Win a Nuclear War: The Pentagon's Secret War Plans. – Boston: South End Press, 1987. – 374 p.
13. Kennan G. F. Report by the Policy Planning Staff PPS/23. Published in Foreign Relations of the United States. – 1948. – Vol. I. – Washington, February 24, 1948. – P. 509–529.
14. Kinzer S., Schlesinger S. Bitter Fruit: The Untold Story of the American Coup in Guatemala. – Garden City, 1982. – 320 p.
15. La Barge. Impact of the United Fruit Company on the Economic Development of Guatemala, 1946–1954 // Studies in Middle American Economics. – New Orleans, 1968. – 72 p.
16. Mackinder H. J. Democratic Ideals and Reality. – New York: Henry Holt & Co. 1942. – 213 p.

УДК 94(73):329.36«1962/1969»

Шатилов Д.О.
Московский государственный областной университет

ХИППИ: ФЕНОМЕН НЕПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТЕСТА 60-х XX в. В США

D. Shatilov
Moscow State Regional University

HIPPIES: THE PHENOMENON OF NON-POLITICAL PROTEST IN THE USA IN THE 60-s

Аннотация. Данная статья посвящена анализу одного из направлений неполитического молодежного протеста 1960-х гг. в США – движения хиппи. Основываясь на социологических исследованиях и внутренней прессе движения, автор выделяет несколько признаков, по которым можно сделать вывод о том, что движение хиппи представляло собой уникальный в истории США пример молодежного протеста. Также в статье указаны состав движения хиппи и его численность в период с 1962 по 1969 г. – от зарождения движения до спада его активности.

Ключевые слова: хиппи, субкультура, протест, «занимайся своим делом», «просто быть», «трип».

Abstract. This article is devoted to the analysis of one of the directions of non-political youth protest in the United States in the 60-s – the hippie movement. Basing his conclusions on sociological research and the internal printed media of hippie movement the author singles out several signs which enable to conclude that the hippie movement was a unique example of youth protest in the history of U.S. Besides, this article specifies the structure of the hippie movement and its quantity between 1962 and 1969 – from the birth of the movement till its activity decay.

Key words: hippie, subculture, protest, «do your own thing», «just being», «trip».

1960-е годы– время подъема молодежного движения в мире. Массовую форму это движение приняло в США. Война во Вьетнаме, расовый вопрос, неразрешенные социальные противоречия – все это заставило молодых американцев осознать, что общество больше не может гарантировать им такого будущего, которого они, как считали, были бы достойны. Пытаясь изменить ситуацию, одна часть молодежи – наиболее активные студенты, представители интеллектуальной элиты и рабочие – выбрала путь политической борьбы. Так родилась крупнейшая группа американских студентов под названием СДО – «Студенты за демократическое общество». В течение десяти лет отделения СДО вели активную работу по всей стране, организовывая демонстрации против расовой сегрегации, протестуя против войны во Вьетнаме и ратуя за реформу университетского образования.

Иной путь выбрала другая группа. Представив ожидающее их будущее, она отказалась от него, предпочитая добровольному «вхождению в Систему» выход за ее пределы – выход в неизвестность. Одной из крупнейших групп аполитичного крыла молодежного протеста в США были так называемые хиппи.

Впервые термин «хиппи» увидел свет в 1965 г. на страницах журнала «Ramparts», в статье, озаглавленной «Социальная история хиппи». Происхождение термина доподлинно установить невозможно. По одной версии, в основе его лежит слово «хипстер», которое американский писатель Уильям Берроуз использовал в романе «Джанки» в качестве эвфемизма наркомана. Согласно другой, оно заимствовано из джазового сленга, где «to hep» означало буквально «быть в теме, просекать фишку, врубаться» (отсюда и «hepcat», «кошак» – кличка уличных джазовых музыкантов). Третья версия тоже имеет право на существование: согласс-

© Шатилов Д.О., 2013.

ное ей, суть названия – в бедренной вене (a hip – по-английски «бедро), которая является наиболее удобным местом для инъекции героина. Так или иначе, слово это прижилось, пусть и не без сопротивления со стороны самих хиппи, считавших, что эта газетная кличка профанирует все, за что они ведут борьбу. Одним из наиболее ярких, хотя и тщетных протестов против стереотипного восприятия движения прессой и общественностью стал в 1966 г. съезд хиппи в районе Сан-Франциско – Хайт-Эшбери, бывшем тогда крупнейшей городской коммуной в Соединенных Штатах. В ходе торжественной церемонии «отцы» движения официально похоронили слово «хиппи», обязав всех и каждого пользоваться истинным названием – «прекрасные люди» (beautiful people).

Задача этой статьи – дать краткое представление об основных чертах хиппи и очертить место, которое они занимают в истории молодежного протеста.

В качестве массового движения хиппи существовали в США недолго – меньше десятилетия. Пик движения пришелся на 1967 год – знаменитое «Лето любви» и фестиваль в Вудстоке, спад же обозначился двумя годами позже, когда во время концерта «Rolling Stones» в Альтамонте двое зрителей были убиты охранявшими сцену байкерами из группировки «Ангелы Ада».

В расцвет движения хиппи насчитывали в своих рядах более 500 тысяч человек явно и более 100 тысяч – тайно, то есть мимикрируя под обывателя «с его работой «с 9 до 18 :00», семьей и закладной на загородный домик»[3, с. 56].

Выходцы из среднего класса, хиппи были неоднородны, непоследовательны и зачастую парадоксальны. Наилучшим примером тому служит тот факт, что, проповедуя крайний индивидуализм, они тем не менее тяготели к унификации стиля и манеры общения. Человек, общающийся с хиппи, но не использующий атрибутику движения и его особый сленг, рисковал быть не понятым. В этом противоречии скрывался зародыш будущей коммерциализации движения. Осознав, что фенечки, бусы, статуи Будды и Шивы, восточные благовония и экологически чистая еда – не символы веры, а такой же товар, как и все остальное, крупные производители взяли новую моду в оборот, и к концу 1960-х гг. движение пришло к тому, что хиппи мог стать каждый, но не хотел быть никто.

Продолжая мысль, следует заметить, что грань между действительным и показным в хиппизме изначально была чрезвычайно размыта. Это было убеждение (в отличие от современных молодежных течений, у хиппи была своя мощная «теоретическая» база), но одновременно это был и стиль. Возникает вопрос: где именно у хиппи проходила грань между носителем идеи и человеком, которому после скучной рабочей недели нравится одеваться в яркое и необычное? Когда вчерашний клерк был вправе считать себя настоящим членом движения? После первой сигареты с марихуаной? В момент первого кислотного трипа? Спустя месяц жизни в коммуне? Ведь если принять за «настоящего хиппи» человека, следующего без исключений всем (!) предписаниям движения, то такого хиппи попросту не существует. Он, этот идеал – фикция, мираж. Вернее, он не существует именно как хиппи. Такой человек – это крестьянин, рыбак, поденщик или студент, которому до контркультуры никакого дела нет. Стать им для любого «прекрасного человека» означало бы перестать быть «прекрасным человеком». Обрети утопия хиппи жизнь, в ней не нашлось бы места самому хиппи. Миру, где люди живут в гармонии с природой и с самими собой, не нужен человек в ярком костюме, с цветами в волосах и с вечной самокруткой из марихуаны.

И все-таки, если «настоящего» хиппи нет и быть не может, то говорить следует о хиппи наиболее «правоверном», то есть о том, кто соблюдает не все, но большую часть (!) правил сообщества, сохраняя при этом некоторую толику позы, стиля. И вот как раз такого хиппи вполне можно распознать – не забывая, разумеется, что на каждого такого «правоверного» приходился добрый десяток наркоманов, попрошаек и прочих сомнитель-

ных личностей, которые слова «эти чертовы хиппи» в свой адрес слышали куда чаще. Но – такова цена массовости.

Первым признаком настоящего хиппи можно назвать отношение к работе и трудовой дисциплине. Америка 1960-х гг. – протестантская страна, где Труд в системе ценностей занимал почетное место рядом с Богом, превратившись из средства в самоцель, а пальму первенства в воспитании прочно удерживала деятельностная парадигма. «Трудись и будешь вознагражден», «Чем больше выложишься, тем выше будет награда» – следуя этим нехитрым правилам, американец, гражданин «машинного общества» [3, с. 157], рассчитывающий преуспеть в жизни, должен был быть готов трудиться днем и ночью, при этом зубами цепляясь за свое рабочее место.

"Правоверный" же хиппи с пренебрежением относился к постоянной работе. Хотя он вполне способен был трудиться в качестве поденщика, "ежедневное рабство с девяти до шести" было не для него. Совсем иначе воспринимал он труд для собственного удовольствия или на благо коммуны. Своему делу («your own thing»), будь то плетение корзин или создание сувениров, хиппи мог посвящать до двенадцати часов в сутки. Главным в таком труде для него была возможность самостоятельно распоряжаться своим временем. Из данного подхода к работе проистекает тот факт, что какую-то часть времени хиппи **приходилось бездействовать**, и если у «делового человека» с его мечтами о благосостоянии такой период неизбежно вызвал бы депрессию, то для хиппи отсутствие деятельности нисколько не противоречило общему укладу жизни, вполне укладываясь в рамки понятия «justbeing». «Я просто был» – мог бы ответить хиппи на вопрос, чем он занимался последнее время, – поскольку для него существование имело ценность само по себе, вне зависимости от того, наполнено оно созидательной деятельностью или нет. Не следует все же считать «правоверного» хиппи бездельником – скорее он был человеком, которого **волнует точка приложения своего труда**. Многие студенты престижных технических университетов сознательно примыкали к хиппи по той простой причине, что по завершении обучения им не хотелось собирать на заводах оружие для войны во Вьетнаме, – а именно это они обязаны были делать в течение трех лет согласно букве закона. По этой же причине многие хиппи вовсе отказывались от получения образования. «Какая разница, грамотно ты пишешь или нет, если все, что тебя учат писать – это «Смерть черномазым!» и «Да здравствуют Соединенные Штаты!»[2, с. 90].

Второй признак можно обозначить как **интерес** к наркотикам. Подчеркиваем, **интерес**, не более того. Ознакомившись с внутренней прессой движения, мы можем заметить, что хиппи, за которыми и по сей день держится дурная репутация наркоманов, относились к веществам, вызывающим привыкание, достаточно сдержанно. Использование героина и прочих опиатов считалось в их среде дурных тоном – героиновые наркоманы вызывали жалость, смешанную с брезгливостью. Более спокойное отношение вызывали люди, принимавшие так называемые "спиды" – стимуляторы амфетаминового ряда, например, метедрин. В двух словах разницу между хиппи и наркоманом можно определить так: если наркотик предлагает откровение и кайф, для наркомана первичен кайф, для хиппи – откровение [3, с. 117]. Он – своего рода исследователь, а наркотики для него – лишь менее затратный способ осознать то, что иначе достигается продолжительной медитативной практикой и чтением мантр. Такой подход сродни использованию буддистских молитвенных барабанов, многократное прокручивание которых способствует увеличению духовных заслуг. Отличает хиппи от обычного наркомана и факт восприятия "плохого трипа": если для наркомана он знаменует крушение привычного мира, то хиппи воспримет это скорее как любопытный опыт, ведь подсознание каждого человека содержит в себе не только хорошее, но и плохое.

Повседневной практикой для хиппи было курение марихуаны. Наряду с ее раскрепощающим эффектом, хиппи особенно ценили

ее способность приводить настроение отдельного человека в унисон с настроением группы. Марихуана, таким образом, была способом "включиться" (tune-in). Нередко "косяк" был для хиппи лишь прелюдией перед основным "таинством" – приемом ЛСД. Эти религиозные термины, употребляемые в основном "гуру" движения, свидетельствуют о том, что наркотики в сообществе хиппи играли куда более важную роль, выходящую за рамки средств для получения удовольствия. Религиозные практики хиппи можно сравнить с ритуалами американских индейцев: неспроста своих идеологов (например, Тимоти Лири) хиппи называли не иначе, как шаманами [1, с. 37].

Третий признак условно можно обозначить как стремление к отделению от общества. Здесь движение хиппи в определенной степени расходится с понятием «субкультура»: если в последней противопоставление себя обществу является средством самоидентификации, то у хиппи «выпадение», добровольный уход на обочину жизни (drop-out) является не банальным протестом, а настоящим, подлинным поиском альтернативы, попыткой обрести какую-то качественно иную жизнь. Хорошей иллюстрацией этого факта служит то, что примерно 5% от общего числа хиппи в 1960-е годы составляли люди с эмоциональными и психическими проблемами, которые, сбежав от общества с его методами лечения, обрели среди хиппи заботливый уход, сочувствие и понимание [1, с. 233]. Опыт таких людей, в сущности отвергнутых, осужденных прагматичным обществом, показывает, что, несмотря на субкультурный характер движения хиппи, они были способны на большее, нежели современные молодежные объединения.

От молодежной субкультуры хиппи отличались и более деятельным подходом к осуществлению собственного «проекта» (так мы назовем расплывчатое представление хиппи об обществе, основанном на любви и единстве). Выразилось это в создании многочисленных коммун, как сельских, так и городских, из числа которых наибольшую известность получила городская коммуна района Хайт Эшбери, в Сан-Франциско [1, 12]. Чуть менее популярными были сельская коммуна в Калифорнии, названная в честь одной из песен «Beatles» – «Strawberry fields» или «Клубничные поля» – и коммуна «Morningstar&Willer», существующая и по сей день. Надо сказать, что с течением времени хиппи, проживающие в коммунах, отказывались от наркотиков и промискуитета, переходя к более сдержанному образу жизни.

Жизненную позицию хиппи хорошо иллюстрирует принцип "Занимайся своим делом" (Do your own thing). Это еще один пример лозунга, на первый взгляд – простого, но содержащего в себе целую программу. "Заниматься своим делом" для хиппи значило обратить свой взгляд на проблему самоактуализации, оставив внешний мир в стороне. Например, "правоверный" хиппи не стал бы протестовать против войны во Вьетнаме, рассуждая примерно так: "Если бы люди "наверху" были способны слушать и размышлять над услышанным, разве начали бы они вообще эту бессмысленную войну? Так что не стоит надрывать глотку, пытаясь до них докричаться. Даже если я и мои друзья встанем с плакатами возле Белого Дома, это ни на что не повлияет. Горстка крикунов под окнами – ничтожная плата за сверхприбыли для корпораций, производящих оружие, и новые сферы влияния в Малой Азии – для ненасытного правительства. Один день, проведенный в медитации, труде и общении с доброжелательными людьми значит для меня больше, чем ложное ощущение того, что я что-то сделал для приближения мира. Так что, пусть я и не могу остановить войну, идущую снаружи, но в моих силах не пустить ее в собственное сердце" [2, с. 46].

Другую сторону этой заповеди, распространяющуюся и на человеческие отношения, можно сформулировать следующим образом: не следует чрезмерно доверять лидерам или тем, кто претендует на это место; каждый человек – сам себе хозяин, и никто лучше него самого не знает, что для него хорошо, а что плохо. Из этих слов для хиппи вытекает от-

сутствие необходимости насилия. Никто не должен никого заставлять что-либо делать – говорит хиппи.

Корни подобного поведения лежат в учении ахимса[1] – принципа непротивления насилию, позаимствованного хиппи из индуизма. В контексте этого учения преобладание над собой чьей-то воли хиппи обязан рассматривать как испытание своего терпения и доброго отношения к миру. Например, столкнувшись с полицией и угодив в камеру, хиппи мог размышлять так: «Я и полицейский – мы оба делаем свое дело, оба испытываем друг друга. Он пробует на прочность мои убеждения, я – его. Мы равны. Я не имею права ненавидеть или презирать его. В моей жизни он – лишь препятствие, которое я обязан преодолеть, призвав на помощь свое спокойствие и самообладание» [3, с. 190].

Эта позиция, неплохая сама по себе, нередко оборачивалась для хиппи боком, когда в коммуне, отдаленной от населенного пункта, власть захватывал человек физически сильный или обладающий харизмой и сильной волей. Характерный пример – знаменитая «Семья» Чарльза Мэнсона, которая, начавшись с общины хиппи, вскоре приобрела вид деструктивной секты с полным подчинением лидеру группы.

Мы рассмотрели признаки, характерные для «правоверного» хиппи – «правоверного» постольку, поскольку слова у него расходились с делом реже, чем у остальных. Как мы видим, даже эти общие идеалы нередко были противоречивы – неудивительно, что движение хиппи сумело сделать так мало. Когда большая часть активных сил движения уходит на согласование внутренних споров, построение нового общество отодвигается в далекое будущее. Когда пришло время менять историю, хиппи сами оказались историей.

Итак, кто перед нами? Бунтарь и ниспровергатель устоев? Революционер? Новатор? Провозвестник будущего? Или напротив, консерватор и ретроград, враг цивилизации и прогресса? Неизвестно.

Доподлинно можно утверждать лишь одно: впервые в истории молодежью была осуществлена масштабная попытка построить иное общество, не разрушая при этом уже сложившееся. Своеобразная форма протеста молодых людей против норм и устоев послевоенного потребительского общества – она потерпела неудачу ввиду заложенных внутри движения противоречий. И все же хиппизм нельзя считать умершим окончательно. Сегодня в России уже получило новое значение ветхое слово «хипстер» – кто знает, что будет дальше?

ЛИТЕРАТУРА:

1. Cavan, Sherry. Hippies on the Haight. – Elephant Wings, 1972. – 431 p.
2. The hippie papers. – Baltimore: Penguin books, 1972. – 280 p.
3. Yablonsky, Lewis. The hippie trip. – Baltimore: Penguin Books, 1974. – 358 p.

[1] Ахимса – учение в индуизме, подразумевающее категорическое неприменение насилия в жизни.

УДК 502/504:001.83(100)

Печищева Л.А.
Московский государственный лингвистический университет

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУ ГЕРМАНИЕЙ И ПАКИСТАНОМ В НАЧАЛЕ 2000-х гг.

L. Pechishcheva
Moscow State Linguistic University

THE FEATURES OF THE GERMAN-PAKISTANI INTERREACTION AT THE BEGINNING OF THE 2000s

Аннотация. В данной работе автор рассматривает основные направления германо-пакистанских отношений на рубеже XX-XXI вв. Сбалансированная внешняя политика и стабильные дипломатические отношения между Германией и Пакистаном имеют большое значение для развития германо-пакистанского взаимодействия в различных сферах. Необходимо отметить, что германо-пакистанские отношения динамично развиваются еще и благодаря заключенным договорам, которые придают этим двусторонним отношениям официальный характер, что является значительным фактором в формировании стабильной обстановки в Южноазиатском регионе.

Ключевые слова: германо-пакистанское сотрудничество на рубеже XX-XXI вв.; основные германо-пакистанские договоры; «Дорожная карта для пакистано-германского стратегического диалога»; влияние германо-пакистанского взаимодействия на Южноазиатский регион.

Abstract. In this work the author examines the main features of the German-Pakistani relations at the turn of the 20th-21st centuries. The balanced foreign policy and stable diplomatic relations between Germany and Pakistan are of great importance for developing the German-Pakistani cooperation in different spheres. It is also necessary to point out, that German-Pakistani relations are dynamically developing thanks to the official agreements that characterize this cooperation as official bilateral relations. So, such interreaction becomes an important aspect in shaping the stable situation in South Asia region.

Key words: German-Pakistani cooperation at the turn of the XX-XXI centuries; main German-Pakistani agreements; “Roadmap for the Pakistan-German Strategic Dialog”; the influence of the German-Pakistani relations in South Asia.

Рубеж XX-XXI вв. явился переломным этапом в международных отношениях – с развалом СССР и ОВД, разрушением «Берлинской стены» появились новые акторы и в целом изменился баланс сил на мировой арене. На фоне международного экономического кризиса, затронувшего больше всего американскую и европейскую экономики, сегодня можно наблюдать динамичное развитие южноазиатских государств, где происходит, с одной стороны, демографический всплеск, развитие в области экономики и современных технологий. С другой стороны, наблюдается пока еще довольно низкий уровень интеграции южноазиатских государств в мировую экономику и политику. Основными причинами нестабильности в Южной Азии являются неустойчивая политическая обстановка, неразрешенные территориальные споры, этнические конфликты и сепаратистские настроения, сложность борьбы с террористическими группировками, наркотрафиком и нарушения прав человека и демократических институтов. Южная Азия остается по-прежнему нестабильным и конфликтным регионом. Индия, наиболее динамично развивающаяся и влиятельная страна в Южной Азии, сегодня доминирует в этом регионе и является центром притяжения для других южноазиатских государств. В связи с этим Германия, проводя прагматичную и взвешенную внешнюю политику, фокусирует свое внимание на Индии, хотя нельзя забывать и еще об одном из заметных игро-

© Печищева Л.А., 2013.

ков в Южноазиатском регионе – Пакистане, с которым немецкое правительство поддерживает тесные отношения практически во всех областях.

Германо-пакистанские отношения имеют долгую историю. Германия выступала за отделение Пакистана от Британской Индии. Но дипломатическим началом германо-пакистанских отношений можно назвать этап, когда Пакистан получил независимость в 1947 г. Хотя сложно сказать, что у Германии была единая линия во внешней политике с уже независимым Пакистаном во время разделения Германии на Западную (ФРГ) и Восточную (ГДР). Отметим важную дату в германо-пакистанских отношениях – с 1961 г. Германия и Пакистан начинают сотрудничество в целях развития последнего. Согласно германо-пакистанскому двустороннему сотрудничеству Германия инвестировала в различные гуманитарные программы и проекты Пакистана 2,3 млрд евро (с 1961–2013 гг.) [5]. Приоритетными направлениями германо-пакистанского взаимодействия стали сферы здравоохранения; обучения и науки; энергетического обеспечения; развития госуправления и демократических институтов. На сегодня из-за нестабильной обстановки в Южной Азии совместно с различными немецкими фондами и организациями (Фонд им. Фридриха Эберта, Фонд Фридриха Науманна, Фонд Конрада Аденауэра и т.д.) Германия заинтересована в решении проблемы борьбы с террористическими группировками, а также занимается поддержкой проектов, способствующих распространению демократических ценностей и институтов, защите прав и свобод человека как в Пакистане, так и в Южноазиатском регионе в целом.

Необходимо отметить разработанную в начале XXI в. программу внешнеполитической стратегии Германии в отношении стран Южной Азии, где особое место отводится сотрудничеству между Германией и Индией. Программа «Задачи внешней политики ФРГ в Южной Азии в начале XXI в. (Афганистан, Бангладеш, Бутан, Индия, Мальдивы, Непал, Пакистан и Шри-Ланка)» была разработана в мае 2002 г. МИД ФРГ [4] и включает в себя ряд основных пунктов, в которых подчеркивается необходимость развития сотрудничества ФРГ со странами Южной Азии в следующих направлениях: демократия и гражданские права; мир и стабильность; экономические интересы Германии; экология; развитие партнерских отношений между Германией и странами Южной Азии; наука и культура; ЕС и Южная Азия; консульские службы (дипотношения). В программе отмечается, что страны Южной Азии не интегрированы в мировые процессы, в мировую политику и экономику. Это связано с высоким уровнем коррупции, криминогенной и нестабильной обстановкой, постоянными религиозными и территориальными конфликтами. Именно поэтому многие развитые страны, в том числе Германия, не стремятся активно инвестировать в экономику стран Южной Азии. В этом документе уделяется особое место Индии. Сталкиваясь с внутренними и внешними трудностями, Индия тем не менее динамично развивается, опирается на демократические ценности и стремится интегрироваться в мировое сообщество.

Для дальнейшей интеграции Пакистана в мировое сообщество в сентябре 2012 г. между Германией и Пакистаном была подписана так называемая «Дорожная карта для пакистано-германского стратегического диалога» [7]. Впервые идея о создании дорожной карты двусторонних отношений между Германией и Пакистаном была выдвинута на официальной встрече в Берлине (2009 г.) между немецким канцлером Ангелой Меркель и пакистанским премьер-министром Джалил Аббас Джилани (Jalil Abbas Jilani). Однако только спустя несколько лет, 4 сентября 2012 г., в Берлине немецкий министр иностранных дел Гидо Вестервелле (Guido Weterwelle) и пакистанский министр иностранных дел Нина Раббани Кар (Hina Rabbani Khar) договорились о создании «Дорожной карты» для развития двусторонних отношений на качественно новом уровне. Соглашение по «Дорожной карте» между Германией и Пакистаном состоит из пяти пунктов, включающих:

1. Проведение регулярных консультаций по двусторонним, региональным и международным проблемам, таким, как вопросы безопасности; урегулирование и стабильность в Афганистане; региональная интеграция (в рамках СААРК, РЕККА, ЕС и т. д.); диалог по контртеррористическим операциям в Южноазиатском регионе; вопросы, связанные с ядерным нераспространением и разоружением, в том числе и переговоры в рамках Конференции ООН по разоружению в Женеве; координации в ООН; создания и развития сотрудничества между Пакистаном и его международными партнерами в составе Группы «Друзья демократического Пакистана» (FoDP); защита прав человека и демократических институтов (в том числе диалог между парламентским представительством и гражданским обществом).

2. Развитие в области торгово-экономических отношений и инвестиций: развитие деловых контактов посредством проведения круглых столов и деловых встреч; рабочие консультации по улучшению привлечения иностранных инвестиций в оба государства; сотрудничество по двусторонним экономическим отношениям; расширение доступа к рынкам ЕС для пакистанской продукции в целях либерализации пакистанской торговли, а также дальнейшая связанная с торговлей техническая помощь ЕС Пакистану.

3. Сотрудничество в области образования, науки и культурного обмена: двустороннее сотрудничество в рамках Германо-пакистанского университета по межпрограммным связям (продвижение партнерства между университетами, двусторонние программы, сотрудничество между учеными и т.д.); возможность сотрудничать в совместных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работах (R&D); развитие межкультурного (религиозного) диалога.

4. Двустороннее сотрудничество в совместно согласованных проектах и программах (энергетика, здравоохранение, образование, госуправление и другие институты).

5. Двустороннее партнерство по укреплению сотрудничества в проектах по возобновляемой энергии, в области защиты окружающей среды, профессионального обучения и образования: сотрудничество в продвижении проектов по возобновляемым источникам энергии, в том числе и проведение консультаций, касающихся международных проектов по возобновляемым источникам энергии в рамках ИРЕНА (IRENA); проведение встреч и консультаций по проблемам, относящимся к международной политике в области защиты окружающей среды, включая изменение климата и т.д.; внедрение и продвижение двустороннего соглашения «Меморандума о взаимопонимании» по так называемому «Чистому механизму» Киотского протокола (CDM); научно-исследовательская помощь Германии Пакистану в области профессионального и технического обучения (развитие учебных планов и программ, восстановление существующих учебных заведений и т.д.), а также возможность частного сектора сотрудничать в этой области [7].

В декабре 2012 г. в Берлине состоялись первые рабочие консультации между Германией (немецкую делегацию возглавляла доктор Эмили Хабер, госсекретарь по внешней политике ФРГ) и Пакистаном (Джалил Аббас Джилани, глава пакистанской делегации) в рамках «Дорожная карта для пакистано-германского стратегического диалога» [6, p. 3].

В «Дорожной карте» между Германией и Пакистаном особое внимание уделяется германо-афганским отношениям и пакистано-афганскому сотрудничеству, и это не случайно, поскольку стабильность в Южноазиатском регионе зависит также и от спокойной и надежной политической, военной и экономической обстановке в Афганистане. Нераспространение ядерного оружия и охраняемая граница Афганистана – это залог плодотворной работы всего международного сообщества, а также стабильности в Южноазиатском регионе.

Следует отметить, что Германия и Пакистан пока еще не подписали договор о стратегическом сотрудничестве, который уже заключен между Германией и Индией. Вероятно, это связано с нестабильными индо-па-

кистанскими отношениями, в которых нерешенным остается территориальный вопрос по Кашмиру. В дополнение к этому Индия борется с кашмирскими сепаратистами и их агентами в Афганистане, что усиливает и без того существующее напряжение в индо-пакистанских и индо-афганских отношениях [2, с. 947]. К тому же Индия и Пакистан обладают ядерным оружием, что еще в большей степени осложняет ситуацию вокруг их территориального спора. Индия негативно относится к вопросу об оказании Германией военной и технической помощи Пакистану [3, с. 25]. Также существуют давно «нерешенность территориальных споров и вопросов контроля границы» и между Индией и Китаем [1, с. 39]. Подписание «Дорожной карты» между Германией и Пакистаном может стать первым шагом по заключению договора о стратегическом партнерстве в будущем и выходу германо-пакистанских отношений на качественно новый уровень.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н., Шаумян Т.Л. Южная Азия в мировой политике. – М.: Международные отношения, 2003. – 368 с.
2. Кузык Б. Н., Шаумян Т. Л. Индия – Россия: стратегия партнерства в XXI веке. – М.: Институт экономических стратегий, 2009. – 1223 с.
3. Печищева Л.А. Германо-индийское стратегическое партнерство в начале XXI века. М.: Издательство МГОУ, 2011. – 127 с.
4. "Aufgaben der deutschen Außenpolitik. Südasien (Afghanistan, Bangladesch, Bhutan, Indien, Malediven, Nepal, Pakistan und Sri Lanka)". – 17 ss. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.auswaertiges-amt.de/cae/servlet/contentblob/383820/publicationFile/4335/KonzeptSuedasien.pdfhttp://www.auswaertiges-amt.de/cae/servlet/contentblob/383820/publicationFile/4335/KonzeptSuedasien.pdf
5. Development cooperation [Электронный ресурс]. – URL: Http://auswaertiges-amt.de/EN/Aussenpolitik/Laender/Laenderinfos/01-Laender/Pakistan.html
6. Pakistan, Germany hold first Strategic Dialog. // The Nation, Lahore. December 18, 2012. – P. 3.
7. "Roadmap for the Pakistan-German Strategic Dialog". – 3 pp. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.auswaertiges-amt.de/cae/servlet/contentblob/625112/publicationFile/171451/120904-dt-pak-Fahrplan.pdf

РАЗДЕЛ III. ИСТОРИЯ РОССИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ И НОВОГО ВРЕМЕНИ

УДК 93/94

Ларюшкин О.В.
Московский государственный областной университет

НЕМЕЦКАЯ СЛОБОДА МОСКВЫ: СТАТИСТИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ (СЕРЕДИНА XVII – СЕРЕДИНА XVIII вв.)

O. Laryushkin
Moscow State Regional University

THE GERMAN QUARTER IN MOSCOW: THE STATISTICAL-DEMOGRAPHIC ANALYSIS (THE MID 17TH CENTURY – THE MID 18TH CENTURY)

Аннотация. В статье раскрываются изменения социального характера, произошедшие в Немецкой слободе Москвы с середины XVII по середину XVIII вв. В основе исследования лежит анализ источников по населению слободы за 1665, 1718 и 1747 гг. Проведя анализ источников, автор приходит к выводу об изменениях, произошедших в сословной принадлежности жителей, об уровне оседлости и о коммуникациях иностранцев с местным населением.

Ключевые слова: демография, иностранцы, Немецкая слобода, статистика, миграция, этнос, сословие, перепись, оседлость, этническая идентичность

Abstract. The changes in the social life of the German Quarter from the middle of the XVIIth – XVIIIth centuries are revealed in the article. The basis for the research made the analysis of the sources covering the population data of 1665, 1718, 1747. Having done the comparative analysis of the sources, the author has come to the conclusion that there were changes in the class belonging of the German Quarter inhabitants, the level of their life being settled and the growth of communications between foreigners and the local population.

Key words: demography, foreigners, the German Quarter, statistics, migration, ethnos, census, settled way of life, ethnic identity.

Немецкая слобода существовала в Москве с начала XVII в. до наполеоновского вторжения в Москву в 1812 г. Переломным моментом в жизни слободы, как и всей страны, было царствование Петра I, при котором меняется отношение к выходцам из Западной Европы коренным образом. Если в допетровскую эпоху иноверцы должны были проживать автономно от русских жителей за городской чертой, то ориентация на Запад, последовавшая в Петровскую эпоху, должна была привести к последующей интеграции иностранцев в русскую среду. И даже сохраняя в своём облике и менталитете жителей черты допетровской эпохи, Москва

© Ларюшкин О.В., 2013.

не перестаёт пополняться представителями других этносов, в частности и выходцами из стран Западной Европы.

Большой интерес в этой связи представляет выяснение состава населения слободы, изменений, произошедших в результате преобразований Петра I.

Что касается изученности данной проблемы, то Немецкая слобода привлекала ещё дореволюционных исследователей. Д.В. Цветаев, посвятивший значительную часть своих работ описанию жизни иноземцев в России, переписал дворы Новонемецкой слободы из списка, составленного Военной Канцелярией в 1718 г., и сейчас эта рукопись находится в фонде Цветаева в РГАДА[1]. Среди советских исследователей Немецкая слобода привлекла внимание С.К. Богоявленского, написавшего в 1947 г. статью «Московская Немецкая слобода» [1, с. 220–232], содержащую и некоторые статистические данные по 1665 г. Она не лишена идеологической нагрузки советского времени, население Немецкой слободы характеризуется в негативных тонах, недооценивается вклад иноземцев в развитие Москвы. Хорошо известна и обобщающая монография по истории Немецкой слободы, автором которой является В.А. Ковригина, но это исследование ограничено рамками петровского правления. В настоящей статье предпринимается попытка рассмотреть состав населения Немецкой слободы как до Петра I, так и после его правления.

Источниковая база данного исследования представляет собой материалы массового характера. Это переписные книги г. Москвы за 1665 и 1747 годы [3], имеющие как ряд достоинств (сведения о количестве дворов, национальном и профессиональном составе, недвижимости), так и ряд недостатков (наличие данных только по мужскому полу, выборочность сведений о прислуге и наёмных работниках, о датах переселения в Москву и т.д.), которые компенсируются сведениями из подворной переписи 1718 г., составленной Военной канцелярией [2]. Указан полностью состав дворов, включая всех членов семей, а также квартирантов, прислуги. К сожалению, приводятся сведения о дворах, принадлежавших только иноземным офицерам. В любом случае имеющиеся источники позволяют проследить изменения, произошедшие в социальной структуре Немецкой слободы за указанный период.

На 1665 г. в Немецкой слободе было 206 дворов. Исходя из этих численных данных, Ковригина определяет численность Немецкой слободы примерно в 1120 человек, а вместе с прислугой – около 1200 [1, с. 221; 2, с. 235].

Данные по этническому составу представлены выборочно. В переписной книге 1665 г. национальность указана только у девяти дворовладельцев: три англичанина, три гамбуржца, три голландца. Кроме дворовладельцев в описи показаны жильцы: 31 поляк, 14 касимовских и казанских татар, 8 немцев, 3 литовца, 2 турка [4]. В основном национальную принадлежность, при отсутствии на нее указаний, приходится определять либо по месту рождения иноземца, либо по этноономастическим признакам. У офицеров, владевших дворами в Немецкой слободе на 1718 г., этническая принадлежность также не указана. Помимо 139 дворовладельцев (49 мужчин, 90 женщин), 65 детей и недорослей, 44 родственников обоего пола, 22 квартирантов с детьми, в переписи 1718 г. указано 27 домовых служителей из поляков, калмыков, татар, турок и черкас наемных и купленных с 6 детьми, а также 90 пленных шведов и шведок с 11 детьми, 166 работников обоего пола с 42 детьми. В общей сложности 206 взрослых иноземцев, 69 детей и недорослей и 284 служителя разных национальностей [2, с. 36].

В переписной книге 1747 г. Немецкой слободы упомянуто о 337 жителях, из которых у 105 на 1747 г. национальность не указана, но по представленным критериям их в основном можно отнести к немцам [3].

В 102 случаях о принадлежности к немецкому этносу могут служить не только оно-

[1] Российский государственный архив древних актов (далее РГАДА). Ф. 394. Оп. 1. Д. 138. Подворная перепись Новонемецкой слободы 1718 года.

[2] РГАДА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 138. Подворная перепись Новонемецкой слободы 1718 года.

мастические показатели, но и сведения о месте рождения [3]. 60% из них прибыло из-за рубежа, 40% были с рождения российскими подданными. Среди первой категории было много эмигрантов из «вольных имперских городов» (Гамбург, Бремен, Мангейм и др.), из Пруссии, Саксонии. Что касается немцев-российских подданных, среди них были московские, петербургские уроженцы, а также уроженцы Остзейских губерний (Лифляндия, Эстляндия, Курляндия), перешедших к России в ходе Северной войны [3]. В целом среди жителей Немецкой слободе немцы составляли примерно две трети населения (60–70%), не учитывая прислугу и наёмных работников [3].

Французов проживало на 1747 г. всего 23 человека. По вероисповеданию они были реформатами, т. е. французскими протестантами, или гугенотами, которые во Франции составляли явное меньшинство. На протяжении долгого времени они были притесняемы на родине, и, очевидно, в Москву прибыли в надежде получить больше свободы в вероисповедании, так как в России тогда отношение к лютеранам было гораздо терпимее, чем к католикам. По данным переписной книги 1747 г. можно предположить, что в Москву они прибыли не ранее 30-х гг. XVIII в., т. к. всего лишь у шестерых (т. е. у трети из них) упомянуты члены семей [3]. Остальные были либо холостыми, либо в их семье были только женщины.

Итальянцы в переписной книге 1747 г. были представлены шестью жителями [3]. Из них четверо являлись кукольными мастерами.

Упомянуто девять голландцев. Из них один владелец порохового завода (Фонамстер А.Т.), купец – Элен П.П., мастер золотых дел – Разбаум Д.Ф., подмастерье Фондарштам Я.Я., мастер инструментальных дел Ланк К.К., ватный мастер Трумпе Д., пономарь католической церкви Фон дер Штан и служитель английского купца Ягана Томсона Якоб Деюнг. Очевидно, что они уже осели прочно в Москве к середине XVIII в., т.к. у пяти из них были семьи. О владельце пороховых заводов Фонамстере сказано, что он приехал в Россию 38 лет назад, т.е. в 1709 г [3].

Англичане слабо представлены среди жителей Немецкой слободы – всего три человека [3].

Отдельную категорию иноземцев составляют военнопленные и их потомки, занимавшие низшие ступени в обществе, состоявшие в прислуге. Речь идёт о польских и шведских уроженцах.

В первом случае их пребывание в Москве предопределила Русско-польская война 1654–1667 гг. По переписной книге 1665 г. часть польских уроженцев проживала в отдельной Панской слободе, сегрегированной от русского населения (16 дворовладельцев), часть – находилась в услужении у русских подданных (семь человек), а большая часть состояла в прислуге за жителями Немецкой слободы (29 человек) [4].

Как минимум 14 из них (т.е. половина) оставались католиками, при том, что их хозяева были лютеранами. Это позволяет сделать вывод о веротерпимости жителей.

На 1718 г. во дворах, которыми владели иноземные офицеры, проживало 15 (3 %) поляков [1]. На 1747 г. в Немецкой слободе упомянуто всего 8 человек польской нации [3], однако доверять этой цифре нет оснований, так как большинство лиц, бывших в услужении у разных господ, просто не упомянуты. Часть из них, бывших в дворовом состоянии, была отпущена на волю. Они, проживая в Немецкой слободе, занимались ремесленным производством.

Северная война предопределила проживание в Москве шведских уроженцев, в том числе чухонцев, как тогда называли финнов или эстонцев, состоявших до начала XVIII в. в шведском подданстве. Так же как и польские уроженцы, шведы встречаются как среди прислуги у жителей московских слобод, так и в Немецкой слободе. По данным переписной книги 1719 г., в московских слободах проживали 51 швед и 7 чухонцев [3], в то время как в Немецкой слободе в одних толь-

[1] *Подсчитано по:* РГАДА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 138. Подворная перепись Новонемецкой слободы 1718 года.

ко офицерских дворах упомянуто 53 шведа и 24 чухонца[1], состоящих в прислуге. При этом состоящие в услужении у русского населения обращались в православие и, очевидно, быстро ассимилировались, в то время как другая часть, проживавшая у жителей Немецкой слободы, сохраняла лютеранство.

К середине XVIII в. упоминаний о шведах в Немецкой слободе всего девять [3]. Но здесь речь о свободных жителях, так как прислуга в переписной книге 1747 г. не упомянута.

Следующую категорию составляли инородцы, т.е. представители нехристианских народов, проживавших на территории Российской империи. К 1665 г. в Немецкой слободе проживало 13 касимовских татар [4]. Татарское население Москвы в основном было сосредоточено в Татарской слободе, откуда ее жители выходили и в другие московские слободы. В подворной переписи дворов иноземных офицеров 1718 г. упоминаются двеннадцать касимовских татар, четверо калмыков и трое черкасов[2].

В допетровскую эпоху существовал запрет о привлечении православных людей иноземцами в качестве слуг, поэтому и в переписной книге 1665 г. отсутствуют сведения о наличии у жителей Немецкой слободы, хотя бы даже среди наёмных работников, представителей русского населения. Но уже в эпоху Петра I упоминания о русской прислуге и квартирантах, проживающих во дворах офицеров Немецкой слободы, становятся достаточно частыми. Более того, их проживало уже больше, чем самих дворовладельцев – 205 человек (38 % населения) [3].

Очевидно, что коммуникационный барьер между иноземцами и русскими, существовавший в XVII в., стирается уже в первой четверти XVIII в. В семи дворах иноземных офицеров «для бережения и надзору» проживали представители русского населения. Но остальная масса состояла в наёмных работниках, живущих «по записи» или «помесячно». Кадры черпались в основном из оброчных крестьян Вологодской и Ярославской губерний, есть упоминания также о крестьянах подмосковных сел Покровского и Коломенского. Московские тяглецы представлены в меньшей степени. Русских юношей отдавали в ученики иностранным мастерам, а что касается «служилых мастеров», то для всех них, без исключения, было обязательным обучение художеству русских учеников [2, с. 78–79].

На протяжении середины XVII – середины XVIII вв. произошли значительные изменения в сословном облике Немецкой слободы.

Наиболее полные сведения на протяжении указанного времени можно составить об иноземных офицерах. Большинство дворовладельцев за 1665 г. составляли офицеры. Всего в переписной книге 1665 г. упомянуто 150 военных и 20 вдов и жён (около 60 %) [4], причём в основном представлены средние и высшие офицерские чины. Очевидно, это связано с тем, что правительство, будучи заинтересованным в притоке военных иностранных специалистов, охотно шло на повышение в чине иноземцев. Незначительная часть их либо находилась в армии (три человека), либо в плену (двое) [4]. Также есть отдельные упоминания о проживании иноземных офицеров за пределами Немецкой слободы (в Спасской слободе), у Мясницких ворот, (на территории Сретенской сотни – всего 11 человек) [4].

В 20-е гг. XVIII в. наблюдается процесс запустения офицерских дворов. Половина принадлежала офицерским вдовам и сиротам, в четвертой части от всех дворов владельцы на момент переписи отсутствовали. Итого: лишь четвертая часть иноземных офицеров проживала на момент переписи в своих дворах в Немецкой слободе [4]. А по данным середины XVIII в., в Немецкой слободе упомянуто лишь 20 человек вместе с офицерскими вдовами и детьми. Офицерский состав исчислялся одним генерал-майором, одним подполковником, одним премьер-майором, капитаном, четырьмя поручиками и одним

[1] *Подсчитано по:* РГАДА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 138. Подворная перепись Новонемецкой слободы 1718 года.

[2] *Подсчитано по:* РГАДА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 138. Подворная перепись Новонемецкой слободы 1718 года.

[3] *Подсчитано по:* РГАДА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 138. Подворная перепись Новонемецкой слободы 1718 года.

прапорщиком [3]. Очевидно, что численность их в Немецкой слободе стала ничтожной. Дальнейшее уменьшение численности иноземных офицеров обусловлено тем, что часть из них уехали в новую столицу, часть переселилась за пределы Немецкой слободы. Кроме того, характер профессии и особенности эпохи обязывали офицеров подолгу находиться вне дома.

Духовенство составляло 4 % (12 человек) [3] жителей Немецкой слободы на середину XVIII в. В переписи представлены два пастора (старой и новой лютеранских церквей), церковнослужители (пономари, певчие, органисты, кистеры, сторожа и вдовы и дети бывших церковнослужителей) [3]. Преемственности данной профессии у последующих поколений не отмечено, в отличие от православного духовенства в указанный период. Дети лютеранских пасторов избирали достаточно разный род деятельности. Будучи грамотными, некоторые из них избрали преподавательскую карьеру.

Преподаватели были представлены 6 % (21 человек) [3] от взрослого населения Немецкой слободы на 1747 г. Меньшую часть составляли приходские учителя (трое), большая же часть состояла гувернерами. Частными учителями в дома богатых иностранцев либо к русским дворянам поступили 18 человек. Из них преподавателей немецкого языка было девять, французского – также девять [3]. Частные учителя вообще не имели семей, что объяснялось их родом деятельности. Исследователь частного образования О.В. Солодянкина, проанализировав нелестные отзывы секретаря французского посольства дела Мессальера, характеризующего этих учителей как шарлатанов, банкрутов, дезертиров и т. д., констатирует низкий уровень гувернеров как в профессиональном, так и в моральном плане до середины XVIII в. [5, с. 47].

К числу торговых иноземцев в середине XVII в. можно отнести 26 человек [3]. В 1747 г. – немногим больше 34 (6 % взрослого мужского населения человека)[1]. Также упомянуто трое заводовладельцев [3] (Миллер П.В., Стелтцели Б.Х., фон Амстер А.Т.).

В указанный период происходят значительные изменения в численности иноземных ремесленников. Если на 1665 г. упомянуто всего 30 представителей ремесленных профессий [4], из которых больше всего было портных – девять человек, то к 1747 г. численность ремесленников возрастает до 153 [3] (71 % взрослого мужского населения слободы) и больше всего (46 % от числа ремесленников) среди них упомянуто ювелиров.

Мастера, занятые в изготовлении одежды и украшений, занимали вторую крупную группу иноземных ремесленников – 57 человек [3] (38 % ремесленного населения). Остальные группы ремесленников (шорники, оконичные мастера, пекари, парикмахеры, брадобреи и т.д.) представлены незначительно (в совокупности 16 %).

По характеру организации они являлись свободными ремесленниками, работавшими для частного потребителя. В цехах состояла незначительная часть – всего 16 человек [3].

В 1665 г. медицинские профессии были представлены четырьмя лекарями и двумя аптекарями [4]. К 1747 г. в Немецкой слободе проживало девять медиков (лекари Московского госпиталя и два аптекаря) [3].

Профессии, связанные с искусством, представлены танцмейстером и рисовальным мастером.

Чиновников, проживавших в Немецкой слободе на 1747 г., упомянуто трое: асессор (Гохмот), берг-пробирер (Леман Х.Г), советник Коммерц-коллегии (Раушерт Иоахим). Очевидно, что представители этой профессии по роду своей деятельности чаще проживали среди русского населения [3].

Важной проблемой является степень оседлости населения Немецкой слободы, что влияло и на их адаптацию к русской среде, а это, в свою очередь, могло проявляться либо в сегрегации (т. е. отдельном от русского окружения проживания), либо в ассимиляции, как в форме обрусения, так и в форме интеграции, т.е. взаимовлияния. Наличие таких факторов,

[1] *Подсчитано по:* Материалы по истории Московского купечества. Т. 1. Ч. 2.: Переписная книга Немецкой слободы 1747 года. – М., 1883.

как сохранение исконного вероисповедания, ономастических признаков, скорее говорят об устойчивости жителей перед ассимиляционными процессами. На уровень осёдлости могла оказывать влияние длительность проживания в Москве, наличие собственного двора, наличие семьи.

Даты приезда в Москву иноземцев представлены в Переписной книге 1747 г. выборочно (всего в 46 случаях) [3], поэтому динамику по ним составить невозможно. Средний возраст на момент эмиграции составлял 25–30 лет. Если сравнить возраст их детей на момент переписи 1747 г. и длительность их пребывания в России, то выяснится, что во всех 46 случаях дети были рождены уже после переезда в Россию. Хотя в источнике указано только мужское население, в этот расчёт мы можем брать только сыновей иноземцев, но ситуация с приездами вполне определённая: в Москву приезжали иноземцы холостые, в самом расцвете сил. Семьёй, очевидно, они обзаводились, уже проживая в слободе. А их детей можно назвать московскими уроженцами, т.е. 235 из 511 упомянутых в переписной книге жителей (45 %) [3]. Ещё 22 совершеннолетних жителя носило звание «московский житель» [3] , которое получали только уроженцы Москвы.

В ряде случаев обитатели Немецкой слободы проживали в Москве с малолетнего возраста. Речь идёт о детях шведских военнопленных. Проживание их в Немецкой слободе предотвращало их от процесса ассимиляции в русской среде.

На основе изученных материалов можно сделать вывод о том, что Немецкая слобода из сугубо сегрегированного района, состоящего только из иноземцев, постепенно становится открыта для русского населения. Однако русское население в основном находилось в подчинённом положении, проживая у иноземцев на правах подмастерьев, учеников либо прислуги. Проживание в Немецкой слободе было благоприятным исходом в плане сохранения этнической и конфессиональной идентичности иноземцев из военнопленных (шведы, финны, поляки).

Коренным образом меняется состав Немецкой слободы по профессиональной принадлежности. От преимущественно военной по сословному облику на вторую половину XVII в., слобода превращается в ремесленную к середине XVIII в., с преобладанием ювелиров и портных. Помимо этого, наблюдается разнообразие представленных профессий. Наконец, данные об осёдлости населения, о времени прибытия в Москву, наличие семьи и двора позволяют сказать, что сформировавшийся в первой четверти XVIII в. состав населения Немецкой слободы оставался в целом стабильным и к середине XVIII в.

Приложение. Таблица 1

Данные по этнической принадлежности жителей Немецкой слободы на 1747 г.[3]

Без указания национальной принадлежности	105
Немцы	102
Французы	23
Итальянцы	6
Голландцы	9
Англичане	3
Поляки	8
Шведы	5
Чухонцы	7

Таблица 2

Соотношение численности жителей Немецкой слободы по сословиям за 1665 [4] и 1747 гг. [3]

Сословие, род деятельности	**1665**	**1747**
Офицеры (вместе с офицерскими вдовами и сиротами)	170	20
Духовенство	1	12
Преподаватели	-	21
Медицинские профессии (лекари, аптекари)	6	9
Торговые иноземцы	26	34
Ремесленники	30	153

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. Богоявленский С.К. Московская Немецкая слобода. – М., 1947 // Изв. АН СССР. Сер. истории и философии. 1947. – Т. 4. – № 3. – С. 220–232.
2. Ковригина В.А. Немецкая слобода и её жители в конце XVII – начале XVIII века. – М., 1998. – 381 с.
3. Материалы по Истории Московского купечества. Т. 1. Ч.2.: Переписная книга Немецкой слободы 1747 года. – М., 1883.
4. Переписная книга Москвы 1665 г. – М., 1886.
5. Солодянкина О.В. Иностранные гувернантки в России. Вторая половина XVIII — первая половина XIX вв. – М. 2007. – 512 с.

УДК 93/94

Назаров А.А.
Московский государственный университет
тонких химических технологий им. М.В. Ломоносова

ЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ДЕЛАМИ ПРОТЕСТАНТСКИХ ЦЕРКВЕЙ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

A. Nazarov
Moscow State University of Fine Chemical Technology
named after M.V. Lomonosov

CENTRALIZATION STAGES OF THE ADMINISTRATION OF PROTESTANT CHURCHES IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE FIRST HALF OF THE XIXTH CENTURY

Аннотация. Как в российской, так и в мировой истории чаще происходит не объединение, а раскол религиозных организаций. Одним из редких примеров объединения является создание единой системы управления протестантскими церквями Российской империи. В данной статье рассматриваются основные этапы процесса централизации управления евангелическими церквями России. Объединение было подготовлено и проведено в первой трети XIX в. по инициативе и при участии Министерства духовных дел и народного просвещения и Главного управления духовных дел иностранных исповеданий. На первом этапе была создана единая система управления Евангелическо-лютеранской и Евангелическо-реформатской церквей. На втором этапе был установлен контроль евангелическо-лютеранских консисторий над деятельностью Евангелической братской общины гернгутеров.

Ключевые слова: лютеране, кальвинисты, гернгутеры, евангелическо-лютеранские консистории.

Abstract. Both in Russian and in world history the split of religious organizations is more common than the unification. One of the uncommon examples of unification is the creation of the uniform system of running Protestant churches in the Russian Empire. This article describes the main stages of the process of evangelical churches management centralization in Russia. The unification was organized and held in the first third of the XIX century with the participation and initiative of the Ministry of Religious Affairs and Public Education of Russia and the Chief Directorate of Foreign Confessions. At the first stage a single system of managing the Evangelical Lutheran and Evangelical Reformed Church was created. At the second stage the Evangelical Lutheran Consistory pu under control the activities of Evangelical community of Herrnhuters.

Key words: Lutherans, Calvinists, Herrnhuters, Evangelical Lutheran Consistories.

Вплоть до 10-х гг. XIX в. в Российской империи отсутствовали не только централизованная система управления протестантскими общинами, но и единое управление в самой крупной Евангелическо-лютеранской церкви. Если в Остзейских губерниях существовала система консисториального управления, то во внутренних губерниях лютеранские общины действовали на основе самоуправления. Деятельность остзейских консисторий регламентировалась различными уставами: Курляндским церковным уставом 1570 г., Лифляндским церковным уставом 1634 г., Шведским церковным уставом 1686 г., а также положениями Ништадского мирного договора 1721 г. «Этими привилегиями и мирными трактатами было торжественно обещано неприкосновенное сохранение Аугсбургского исповедания, поддержание его церквей, школ и богоугодных учреждений, содержание консисторий и, наконец, вспомоществование, и производство пенсий проповедникам и их семействам из доходов Государства»[1]. В

© Назаров А.А., 2013.

[1] Российский государственный исторический архив (далее: РГИА). Ф. 821. Оп. 5. Д. 615. Л. 102.

немецких колониях, созданных в Поволжье в середине XVIII в., было принято «в церковных делах Евангелического исповедания в России держаться Королевского Шведского церковного уложения, коли оно не противно государственным узаконениям»[1]. Деятельность Евангелическо-реформатской (кальвинистской) церкви на территории Западных губерний (в Белоруссии и Литве) регулировалась нормами польского «диссидентского права» – Варшавского трактата 1768 г. Петербургская евангелическо-реформатская община в своей деятельности руководствовалась манифестом Екатерины II от 11 мая 1778 г. «Об учреждениях, относящихся к восстановлению согласия между членами Реформатской церкви Французской и Немецкой наций». Правовое положение протестантской общины гернгутеров регламентировалось указом Екатерины II от 25 февраля 1764 г. «О дозволении выходить и селиться в России обществу братства Евангелического Августинского исповедания».

Отсутствие центральных органов управления и унифицированного законодательства затрудняло процесс управления протестантскими общинами. В период правления Петра I, Анны Иоанновны и Екатерины II правительство пыталось унифицировать управление протестантами: «Пётр намеревался привести в систему саму церковную жизнь лютеран и создать единую церковную организацию для евангелическо-лютеранских общин России, которые были разобщены территориально, возникали часто по национальному признаку или по тому, из какой церкви какой страны вышли прихожане» [1, с. 385]. Однако намеченные реформы не удалось осуществить вследствие региональной и конфессиональной специфики, стремления к сохранению автономии протестантских общин, а также недостаточной последовательности действий реформаторов. В XVIII в. удалось провести лишь реформу духовного судопроизводства: в 1734 г. Юстиц-коллегия Лифляндских и Эстляндских дел была наделена функциями апелляционного суда по духовным делам.

[1] РГИА. Ф. 821. Оп. 6. Д. 12. Л. 3. Об.

Централизация управления лютеранских и кальвинистских общин стала первой реформой учрежденного 24 октября 1817 г. Министерства духовных дел и народного просвещения. Первоначально 30 ноября 1817 г. с согласия императора был образован евангелический приход г. Архангельска, в котором были объединены лютеранская и реформатская общины. Через пять недель 7 января 1818 г. министр духовных дел и народного просвещения А.Н. Голицын обнародовал в Юстиц-коллегии Лифляндских и Эстляндских дел Высочайшее «соизволение на представление Президента барона Корфа, чтобы отныне именовались Протестантские исповедания Евангелическою церковью»[2]. Однако уже 18 марта 1818 г. А.Н. Голицын сделал специальное заявление о том, что данный указ императора «не запрещает употреблять различные наименования исповеданий, особенно в таком случае, когда общее наименование Евангелический показалось бы кому-нибудь предосудительным»[3]. Однако данное заявление А.Н. Голицына не отменяло планов министерства по объединению церквей. Это подтверждает текст указа от 20 июля 1819 г. об учреждении Государственной евангелической генеральной консистории. Было провозглашено создание центральной консистории, «которой подчинены и подведомственны будут все Обер-Консистории, Консистории, Литовский Евангелический Синод и прочия Евангелическая места управления, церкви и приходы, с принадлежащим к ним духовенством»[4]. Президентом Государственной евангелической генеральной консистории был назначен генерал-лейтенант граф К.А. Ливен. Была также учреждена должность епископа евангелических церквей, «под особенным надзором которого должны были состоять отныне все Евангелическия церкви и все духовенство оных в России»[5]. Первым епископом император назначил па-

[2] Полное собрание законов Российской империи. – Т. 35. № 27217. – СПб., 1830. – С. 54.

[3] РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 4. Л. 41.

[4] Полное собрание законов Российской империи. – Т. 36. № 27896. – СПб., 1830. – С. 315.

[5] Там же. – С. 315.

стора З. Сигнеуса. Для подготовки проекта общего устава для Евангелических в России церквей в 1821 г. при Консисториальном заседании Юстиц-коллегии Лифляндских и Эстляндских дел был сформирован комитет во главе с К.А. Ливеном. В первый состав комитета были включены епископ З. Сигнеус, сенатор К.И. Габлиц, директор Департамента духовных дел А.И. Тургенев. Материалы, подготовленные комитетом, были использованы при разработке Устава Евангелическо-лютеранской церкви, положений об управлении Евангелическо-реформатскими обществами и Евангелическим Братским обществом Аугсбургского исповедания.

Против создания единой Евангелической церкви выступили наиболее крупные реформатские общины и Евангелическое братское общество. По свидетельству Д.Н. Блудова, «Литовский Реформатский Синод ходатайствовал в Министерство духовных дел об оставлении устройства дел Реформатских общин в Литве на прежнем основании и о неподчинении Синода Генеральной консистории»[1]. Позиция Евангелическо-реформатского Синода была учтена Министерством духовных дел и народного просвещения. Было принято решение о проведении объединения лишь в тех регионах, где число кальвинистов составляло небольшую часть от численности населения лютеранского исповедания.

В 1820 г. начались переговоры о включении реформатского прихода г. Митавы в консисториальную систему управления Евангелическо-лютеранской церкви. В процессе переговоров руководители реформатской общины согласились на это «при условии, чтобы проповедник и двое церковных старшин присутствовали в Курляндской консистории при рассмотрении в ней дел реформатских»[2]. В 1824 г. удалось заключить предварительное соглашение о включении представителей реформатского прихода в состав Рижской лютеранской консистории.

В первые годы правления Николая I переговоры по объединению лютеран и кальвинистов были продолжены. В 1828 г. была возобновлена деятельность Комитета для начертания проекта общего устава для Евангелических в России церквей. [2, с. 56]. Император выступал за то, чтобы «соединение церквей Евангелическо-лютеранской и Евангелическо-реформатской должно зависеть от собственного желания и обоюдного согласия сих исповеданий»[3]. Через два года процесс централизации был завершён. По представлению главноуправляющего духовными делами иностранных исповеданий Д.Н. Блудова 15 июля 1830 г. было принято положение Комитета министров «О порядке управления реформатскими обществами». Отдельная система управления Евангелическо-реформатской церкви была сохранена лишь на территории Западных губерний. В Белоруссии и Литве управление кальвинистскими приходами было возложено на Виленский евангелическо-реформатский Синод, составленный «из почетнейших духовных и светских особ Реформатского исповедания»[4] Западных губерний империи. Высшим органом административного управления стала Виленская евангелическо-реформатская коллегия, состоявшая из светского президента, духовного вице-президента и шести членов (трех светских и трех духовных) [3, с. 215]. В других губерниях Российской империи реформатские приходы были включены в систему консисториального управления Евангелическо-лютеранской церкви. Для рассмотрения дел, затрагивающих интересы Евангелическо-реформатской церкви, в региональных консисториях формировались специальные Реформатские заседания. При проведении Реформатских заседаний проводилось частичное изменение состава консистории: если светские члены консистории могли принимать участие в заседании, то лютеранские пасторы должны были быть заменены реформатскими пасторами и старшинами. Кандидаты на должности членов консисторий из числа пасторов и старшин выдвигались при-

[1] РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 4. Л. 4.

[2] РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 4. Л. 27. Об.

[3] РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 4. Л. 43.

[4] Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 5. – Ч. 1. – № 3796. – СПб., 1831. – С. 729.

ходами и утверждались Главным управлением духовных дел иностранных исповеданий.

Включение в единую систему управления протестантскими исповеданиями Евангелического братского общества гернгуттеров проходило с большими сложностями. Общество «Богемских братьев» находилось вне сферы ведения Министерства духовных дел и народного просвещения. Братскому обществу было дозволено «иметь собственное избранное между собою начальство из старшин, которое будет состоять под ведомством Министерства внутренних дел»[1]. Для координации действий с органами государственной власти по Высочайшему соизволению было позволено «Братскому обществу содержать в Санкт-Петербурге одного из Братьев в звании Агента для исправления дел»[2]. В обществе «Богемских братьев», по всей видимости, знали о разработанном А.Н. Голицыным плане по объединению протестантских общин. Это объясняет тот факт, что уже 27 октября 1817 г., через три дня после учреждения Министерства духовных дел и народного просвещения, гернгутерам удалось добиться принятия указа, который не только подтвердил сохранение автономии и привилегий Братского общества, расположенного в поволжской колонии Сарепта, но и распространил данные привилегии на последователей гернгутеров в Остзейских губерниях. Остзейское братское общество получило «освобождение от подушного оклада и всех других общественных постоянных и чрезвычайных податей»[3]. Предоставленные льготы способствовали быстрому росту числа последователей гернгутеров в Остзейских губерниях, вследствие перехода значительной части лютеран в Братское общество Аугсбургского исповедания. С 1817 г. по 1823 г. в Лифляндской губернии «число молитвенных домов со 166 возросло до 215, число приверженцев с 20 952 умножилось до 34 571»[4]. Обеспокоенные подобным развитием событий, руководители Лифляндской Евангелическо-лютеранской консистории обратились к генерал-губернатору Ф.О. Паулуччи с просьбой воспрепятствовать дальнейшему росту влияния Братского общества. По распоряжению Лифляндского и Курляндского генерал-губернатора молитвенные собрания Братского общества были запрещены. Однако действия генерал-губернатора были обжалованы в ряде инстанций Агентом Остзейского Братского общества в Санкт-Петербурге пастором Мортимером. Генерал-губернатор был приглашён к императору. 24 марта 1823 г. Ф.О. Паулуччи представил Александру I разработанные лифляндским лютеранским духовенством предложения по установлению консисториального контроля над деятельностью «Братского общества». Предполагалось установить надзор пасторов над молитвенными собраниями общества, ограничить строительство новых молитвенных домов, а также запретить проповеди «по вдохновению»[5]. Император направил материалы дела на рассмотрение Сената, который предположил, что «весьма неосторожно было поощрять сих людей изъятием от платежа податей и прочими преимуществами, тем более, что члены Братского общества и к военной службе не склонны»[6]. Однако окончательное решение об отмене льгот в период правления Александра I принято не было.

Новый император Николай I 10 октября 1826 г. подписал грамоту Сарептскому и Остзейскому Братским обществам в подтверждение дарованных им прав и преимуществ. Поддержка императора и министра просвещения К.А. Ливена способствовала дальнейшему расширению влияния Евангелического общества в Остзейских губерниях. К концу 1828 г. численность гернгуттеров в Лифляндии достигла 40 152 человек. В связи с этим генерал-губернатор маркиз Ф.О. Паулуччи вновь поднял вопрос о деятельности общины «Богемских братьев».

[1] РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 941. Л. 28. Об.

[2] РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 941. Л. 25. Об.

[3] Полное собрание законов Российской империи. – Т. 34. – № 27113. – СПб., 1830. – С. 844.

[4] РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 941. Л. 72. Об.

[5] РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 941. Л. 75. Об.

[6] РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 941. Л. 74.

На этот раз внимание правительства было обращено на то, что управление Братским обществом осуществляется из-за рубежа: «Какой же пользы следует ожидать от того, что влияние на прихожан, вверенное ответственным, от правительства определённым учителям веры, перейдёт к нескольким от иностранных начальников, зависящих чужеземцам, и к необразованным от крестьян избранным старшинам»[1]. Ф.О. Паулуччи поднял вопрос о продолжающемся росте земельных владений Братства, в результате чего «пребывающее в Германии полудуховное начальство, подчинённое высшей власти в Англии, будет владеть в Остзейских губерниях важными недвижимыми имуществами»[2].

Генерал-губернатор также просил учесть позицию лютеранского духовенства: «Должно ли, наконец оставить без всякого уважения голос Духовенства, которое просит Правительство о пресечении распространения Гернгуттизма между крестьянами»[3]. Вопрос о деятельности «Братского общества» был передан в Главное управление духовных дел иностранных исповеданий, которое направило материалы на рассмотрение Комитета для начертания проекта общего устава для Евангелических в России церквей. Комитет, по словам его председателя П.И. Тизенгаузена, видел свою задачу в том, чтобы «положить преграду учинению раскола, могущему произойти из дальнейшего отчуждения Гернгутеров от общего управления делами протестантских исповеданий»[4]. Комитет разработал программу по изменению системы управления обществом: «1. Чтобы члены Евангелического Братства в церковном отношении состояли не в Министерстве внутренних дел, как до сих пор было, но в Главном управлении духовных дел иностранных исповеданий и Евангелических Провинциальных консисторий. 2. Чтобы все члены Братства, прибывающие из Германии в Россию … в качестве духовных преподавателей, были обязаны явиться в местную консисторию … и подвергнуты словесному испытанию (colloqvium) в учении или книгах Аугсбургского исповедания. 3. Чтобы было предоставлено право избирать наставников только из лиц, получивших одобрение на испытании. 4. Чтобы наставники читали письменные, полученные от членов братства проповеди. 5. Чтобы приходские священники имели право всегда посещать богослужебные собрания. 6. Чтобы проповедники Братства ежегодно доставляли местным консисториям через пробстов ведомости лиц к их обществу принадлежащих. 7. Чтобы все печатные духовного содержания книги гернгутеров общей цензуре духовных сочинений подлежали. 8. Чтобы при случающихся спорах между евангелическими проповедниками и членами братств, поступали на основании общих законов. 9. Чтобы строить молитвенные дома, было дозволено лишь с разрешения местных консисторий и высшего правительства»[5]. Основные положения этой программы были закреплены в указе от 3 мая 1834 г. « О вновь учреждаемых молитвенных домах и собраниях Братского общества». На основании указа на лютеранских пасторов была возложена обязанность осуществления контроля над проведением богослужений в молитвенных домах общества. Указ предоставил Евангелическо-лютеранским консисториям полномочия по осуществлению надзора над учреждением новых молитвенных домов, по проведению испытаний и выдаче свидетельств проповедникам «Братского общества».

ЛИТЕРАТУРА:

1. История религий в России: учебник / Л.А. Баширов и др.; отв. ред. О.Ю. Васильева, Н.А. Трофимчук. – 2-е изд., перераб и доп. – М.: Изд-во РАГС, 2004. – 696 с.
2. Курило О.В. Лютеране в России (XVI-XX вв.). – М.: Фонд «Лютеранское наследие», 2002. – 400 с.
3. Суворов Н.С. Учебник церковного права. – М.: Издательство «Зерцало», 2004. – 504 с.

[1] РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 941. Л. 100. Об.
[2] РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 941. Л. 100. Об.
[3] РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 941. Л. 102. Об.
[4] РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 941. Л. 186.
[5] РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 941. Л. 187–187. Об.

УДК 94(47)

Лучникова Е.А.
Московский государственный областной университет

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ОБОЗРЕНИЯ ТОЛСТОВЦЕВ КАК ОДИН ИЗ ПУТЕЙ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИДЕЙ МИРНОГО ХРИСТИАНСКОГО АНАРХИЗМА НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВВ.

E. Luchnikova
Moscow State Regional University

TOLSTOYANS' PERIODIC REVIEWS AS ONE OF THE WAYS OF SPREADING THE IDEAS OF PEACEFUL CHRISTIAN ANARCHISM IN THE XIX-XX CENTURIES

Аннотация. В России на рубеже XIX–XX вв. распространились идеи мирного христианского анархизма, принявшие форму общественно-политического течения, названного «толстовством». Одним из направлений деятельности толстовцев стало издание журналов «Свободное слово» и «Свободная мысль», ориентированных на представителей русской интеллигенции и сектантства. На основе анализа общей структуры изданий толстовцев и содержания конкретных разделов рассматривается проблема распространения идей мирного христианского анархизма через периодическую печать.

Ключевые слова: мирный христианский анархизм, толстовство, «Свободное слово», «Свободная мысль», сектантство, духоборчество.

Abstract. At the turn of the XIX–XX centuries the ideas of peaceful Christian anarchism that took the form of social-political movement, called "Tolstoyans" spread in Russia. One of the Tolstoyans's activities was the publication of magazines "Free Speech" and "Free Thought", which were oriented to the representatives of Russian intelligentsia and sectarianism. Basing on analysis of the general structure and the content of specific sections of Tolstoyans's publications the author investigates the problem of dissemination of ideas of peaceful Christian anarchism through periodicals.

Key words: Peaceful Christian anarchism, Tolstoyans, "Free Speech", "Free Thought", sectarianism, Dukhoborism.

Одним из направлений общественно-политической деятельности на рубеже XIX–XX вв. толстовцы избрали периодическую печать. За границей было образовано издательство «Свободного слова», деятельность которого была сосредоточена в двух местах – Англии и Швейцарии. С 1899 г. оно начало издавать толстовские периодические обозрения «Свободная мысль» и «Свободное слово».

Интересной представляется проблема путей и способов распространения идей мирного христианского анархизма, избранных толстовцами. Первым и наиболее очевидным способом является, без сомнения, распространение идей толстовства через содержание статей.

С этой целью в журналах создается несколько рубрик, присутствующих на страницах каждого номера. Тематику данных рубрик необходимо рассмотреть подробнее.

Первые страницы обозрений посвящены актуальным общественным и политическим событиям, произошедшим с момента выхода предыдущего номера как в Российской империи, так и в других государствах. Среди этих событий, нашедших отклик на страницах толстовских журналов, – дело Дрейфуса, Гаагская конференция 1899 г., массовые протесты в Финляндии 1899 г., Англо-бурская война, Манифест 26 февраля 1903 г. и пр. Кроме раскрытия содержания, журнал уделял большое внимание оценке событий с точки зрения толстовских идей. К примеру, рассматривая финские волнения, «Свободная мысль» делает следующие выводы:

© Лучникова Е.А., 2013.

«Мы отнюдь не считаем себя вправе принимать какое-либо участие в национальной борьбе; кумир национальности давно уже разрушен для нас стремлением к всемирному христианскому братству. Что же делать финляндцам? То же, что и всем. Не подчиняться законам, противным их совести, не позволять своим представителям выражать чувства верноподданности и лояльности перед русским правительством» [3, с. 8]. Обозревая созданное в Петербурге общество, бойкотировавшее английские товары (как протест против Англо-бурской войны), В.Г. Чертков добавляет следующий комментарий: «спасение от существующего социального зла лежит не в насильственных, искусственных переворотах, а в мирном отказе все большего и большего числа людей исполнять то, что противно их разумному сознанию» [5, с. 8].

Подбор материала для данной рубрики велся с определенных идеологических позиций, четко обозначенных в декабрьском номере 1901 г.: «Мы будем в этих отделах преимущественно касаться явлений, имеющих какое-либо отношение к тому уже достаточно известному пониманию жизни, которое мы разделяем, и которое обуславливает смысл и характерное направление нашего органа» [5, с. 1].

Внимание также уделяется рабочему и студенческому движениям. На страницах обозрения печатается обзор студенческих волнений и рабочих стачек по годам, но сведения носят скорее справочный характер и не дополнены объемными комментариями редакции. С марта 1902 г. все сведения о волнениях начинают издаваться отдельной брошюрой. А с 1903 г. на страницах журнала перестают печататься события, не касающиеся напрямую главной тематики журнала – идей христианского анархизма. Как объясняет В.Г. Чертков, это связано с тем, что за границей появился журнал «Освобождение», полностью посвященный революционным событиям в России [7, с. 1].

Кроме обзора последних событий в России и мире, на страницах толстовских журналов публикуются статьи о мелких происшествиях, попавших в поле зрения редакции. В них содержатся сведения о нескольких случаях смертной казни (например, казнь в Челмсфорде 19 июля 1898 г; казнь тринадцатилетнего мальчика, виновного в убийстве начальника станции на филадельфийской железной дороге и т.д.), о случаях голодной смерти в Лондоне. Эти заметки также сопровождаются осуждающими комментариями от редакции.

С целью дальнейшего распространения идей, в каждом номере «Свободной мысли» и «Свободного слова» публикуются сведения о Л.Н. Толстом. Материалы в этом разделе имеют различный характер (письма Л.Н. Толстого, выдержки из дневников и брошюр и т. д.) Первоначально рубрика носит название «Из дневника», затем с мая-июня 1903 г. оно меняется на «Мысли». Рукописи Л.Н. Толстого, его письма и статьи не только печатались на страницах журналов, но и бережно сохранялись в архиве В.Г. Черткова. «В этом архиве оказалось много интересных материалов, писем, статей, документов, рукописей и корреспонденций из России, которые в свое время со всех сторон посылались В.Г. Черткову для опубликования их в русской нелегальной печати, в журнале, листках и в сборниках «Свободное слово», – писал позднее В. Бонч-Бруевич, разбиравший архив [2, с. 6].

В следующем разделе толстовские обозрения уделяют большое внимание фактам церковных гонений на сектантов в России. В каждом номере редакция публикует статьи, посвященные жизни русских духоборов в Канаде. Даны подробные сведения по участкам с перечислением числа овец, лошадей, коров, быков, плугов, кузниц в первый и второй годы поселения [5, с. 29]. Публикуются благодарные письма духоборов, присланные в редакцию «Свободного слова». Статьи сопровождаются призывами толстовцев откликнуться на беду и оказать посильную помощь сектантам, проявив истинное христианское понимание. «На русское сектантское движение мы смотрим как на одно из главных проявлений неуклонно усиливающегося и ничем не преодолимого роста ду-

ховного сознания русского народа» – пишет В.Г. Чертков [7, с. 20]. Пример мужества сектантов, по мнению редакции, должен показать глубину настоящей христианской веры и приблизить все большее число читателей к толстовскому мировоззрению.

Одной из важных рубрик, продвигающих толстовские идеи ненасилия, являлась рубрика «Отказы от военной службы». На страницах журналов, толстовцы дополняют свои призывы к отказу от военной службы, неприемлемой для истинного христианина, конкретными примерами людей, отказавшихся вступить в ряды армий по своим идейным соображениям. Причем публикуются материалы как о случаях отказов в Российской империи, так и в европейских странах, таких, как Голландия, Румыния, Швейцария, Венгрия, Франция и т. д. Таким образом, толстовские обозрения показывают читателям, что люди со сходными идеями живут не только в России, и они смело заявляют о своей позиции, показывая пример другим.

Центральное место занимают материалы о теоретических основах мирного христианского анархизма. В них детально обосновываются все принципы учения, раскрывается сущность идей толстовцев. Публикуются следующие статьи: «Об анархизме» (реферат, читанный П.И. Бирюковым на митинге в г. Борнмауте 25 сентября 1901 г.) [5, с. 5]; «Мысли о революции В.Г. Черткова» [6, с. 9]; «Социализм и религия» (читано П. Бирюковым на социалистическом митинге в июле 1902 г. в г. Бронмауте в Англии) [7, с. 15]; «Насильственная революция или христианское освобождение?» (обращение Владимира Черткова) [8, с. 25] и пр. Именно эти материалы являются наиболее важными для пропаганды идей христианского анархизма на страницах толстовских обозрений. Они доступным языком описывают и разъясняют основные идеи учения, его отличия от социалистических и других анархических течений.

В одном из последних номеров журнала «Свободная мысль» появляется рубрика «Обмен мыслей». Цель рубрики – печатать письма и размышления людей, разделяющих толстовское мировоззрение. Предполагалось, что она должна была стать дискуссионной. В ней все громче звучат призывы толстовцев: «Борьба с самодержавием и православием должна заключаться в спокойном, твердом и решительном отказе от православия и самодержавия и всех их дел, особенно от исполнения православных обрядов и воинской повинности… Нужно одно: всем спокойно, но твердо, решительно и одновременно отказаться от повинностей им (православию и самодержавию), и с этого дня не принимать в их делах никакого участия, о чем и заявить им устно или письменно» [9, с. 25]. Однако рубрика не вызвала предполагаемого авторами ажиотажа. Такой вывод можно сделать вследствие того, что далее в ней вместо писем большей частью публикуются заметки от редакции журнала и ожидаемой дискуссии не происходит.

Все перечисленные рубрики имеют целью популяризацию и распространение идей толстовцев в среде сектантов и интеллигенции. Деятельность эта возымела успех. Как пишет А.И. Клибанов, толстовцам удалось завязать с русским сектантством обширные связи, что явилось препятствием для распространения в этой среде идей социал-демократов [1, с. 33].

Однако детально изучив материалы толстовских обозрений, можно прийти к выводу, что у издаваемых журналов был и иной путь популяризации толстовского движения. А именно общественная деятельность по материальной поддержке людей, гонимых за веру и христианские убеждения.

Через издание обозрений толстовцы попытались наладить сбор средств в помощь нуждающимся. В первом номере от 1899 г. публикуется следующее объявление: «В редакции «Свободной мысли» принимаются пожертвования: 1)на устройство духоборов в Канаде; 2)на помощь гонимым за веру в России; 3) на расширение издательской деятельности свободного слова и свободной мысли» [3, с. 14]. Далее на последних страницах номеров печатаются отчеты о полученных средствах.

Первоначально это предприятие приносит небольшие успехи. В ноябре 1899 г. собрано 2650 франков в помощь духоборам; в декабре 1899 г. – 16,7 франков в помощь штундистам; в январе 1900 г. – 100 франков в помощь духоборам и 26,65 франков в помощь гонимым за веру в России. Всего с помощью журнала «Свободная мысль» было собрано 2793,35 франка.

Однако в 1900 и 1901 гг. «Свободная мысль» испытывает трудности с изданием, связанные, прежде всего, с нехваткой средств. «"Свободная мысль" стала выходить не аккуратно, и ей угрожает опасность совсем прекратиться, если те, кому она нужна, не придут на помощь. До сих пор существование «Свободной мысли» поддерживалось моими личными вложениями…теперь же запас средств истощился», – пишет В.Г. Чертков [4, с. 1]. Обозрение в этот период выходит нерегулярно и сбор средств на страницах журнала прекратился.

Следующая попытка призыва к сбору средств в помощь нуждающимся появится лишь в 1904 г. в № 10 «Свободного слова» и будет носить уже иной характер, средства будут направляться не в редакцию, а на адрес нуждающегося в помощи П.В. Ольховника, отправленного в ссылку за отказ от воинской повинности.

Необходимым направлением деятельности толстовцев является распространение среди сектантства и заинтересованной интеллигенции толстовской литературы. Для реализации этой цели привлекаются и журналы. На страницах обозрений регулярно печатается список изданий «Свободного слова», которые вышли в свет за прошедшее время и которые можно приобрести. В обширный список входят статьи Л.Н. Толстого, В.Г. Черткова, И.М. Трегубова и множество иных произведений.

В 1904 г. А. Черткова создает сборник песен и гимнов свободных христиан, распространить который среди сектантов планируется также с помощью толстовских журналов. На последней странице номера публикуется объявление о стоимости: «В обложке на толстой бумаге 50 коп., без обложки на тонкой бумаге с пересылкой в Россию 50 коп., каждая песнь отдельно с пересылкой в Россию 10 коп.» [10, с. 32]. Тем самым толстовцы старались не только словом, но и делом поддержать развивающееся в больших трудностях сектантское движение, а вместе с тем и привлечь необходимые для дальнейшей деятельности издательства средства. Можно предположить, что редакция журналов должна была стать центром бурной общественной деятельности.

Итак, детально изучив журналы «Свободная мысль» и «Свободное слово», можно прийти к выводу, что издания решают проблему распространения толстовских идей двумя основными путями. Во-первых, это распространение мировоззрения мирного христианского анархизма через освещение происходящих событий, публикацию материалов о Л.Н. Толстом, теоретические статьи и комментарии. Во-вторых, привлечение внимания к толстовству и распространение идей среди сектантства и интеллигенции путем общественной деятельности, развернувшейся вокруг этих журналов – сбор средств, издание песенных сборников и т.д.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Клибанов А.И. Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. – М.: Наука, 1973. – 256 с.
2. Свободная мысль. – 1899. – № 1.
3. Свободная мысль. – 1900. – № 12.
4. Свободное слово. – 1901. – № 1.
5. Свободное слово. – 1902. – № 2.
6. Свободное слово. – 1903. – № 4.
7. Свободное слово. – 1903. – № 5.
8. Свободное слово. – 1903. – № 7.
9. Свободное слово. – 1904. – № 12.
10. Толстой Л.Н.: К 120-летию со дня рождения (1828–1948) / Коммент. И ред. Н.Н. Гусева. – М.: Гос. лит. муз., 1948. – Т. II. – 628 с.

УДК 94(47)

Короткова А.В.
Московский государственный областной университет

МОСКОВСКИЙ СОВЕТ ПРИСЯЖНЫХ ПОВЕРЕННЫХ И ПРОБЛЕМА СОЗДАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КАССЫ ВЗАИМОПОМОЩИ В НАЧАЛЕ XX В.

A. Korotkova
Moscow State Regional University

THE MOSCOW COUNCIL OF JURYMEN AND THE PROBLEM OF CREATION OF PROFESSIONAL LOAN-SOCIETY AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Аннотация. В России начале XX в. появляются профессиональные кассы взаимопомощи. Московские присяжные поверенные, представляя собой особую корпорацию, так же стремились оказывать материальную помощь своим коллегам. На основе архивных материалов и периодических изданий в статье рассмотрены проекты и деятельность адвокатуры по созданию касс в Московском судебном округе. Были выявлены причины появления проектов профессиональных касс для присяжных поверенных, а также и проблемы, существовавшие при их организации на тот момент.

Ключевые слова: сословие присяжных поверенных, корпорация, совет, касса взаимопомощи, Московский судебный округ.

Abstract. At the beginning of the XX century professional loan-societies appeared in Russia. The Moscow jurymen were a sort of special corporation and were eager to support their colleagues financially. On the basis of the archival materials and periodicals the article considers their projects and activity in creation of loan-societies in Moscow judicial district. The author identified the reasons for such professional loan-societies for jurymen coming into being, as well as the problems connected with their formation at that time.

Key words: sworn attorneys, corporations, council, loan-society, Moscow judicial district.

В результате проведения судебной реформы 1864 г. и вступления в силу судебных уставов 17 апреля 1866 г. судопроизводство в Российской империи претерпело множество изменений. Была создана новая судебная система, которая предусматривала в том числе установление должного (состязательного) процесса. А необходимым условием состязательного процесса являлось введение нового института – сословия присяжных поверенных.

Благодаря судебным уставам произошло признание адвокатуры как самостоятельной организации, было сформировано особое сословие с присущими ему признаками: сословной честью, привилегиями, сословными учреждениями. Чтобы подчеркнуть особый статус новой корпорации, Государственный Совет 22 января 1866 г. учредил для них серебряный знак с изображением герба судебного ведомства в дубовом венке, который носился в петлице на левой стороне фрака [6, с. 116].

Сословие присяжных поверенных, по мнению многих практикующих адвокатов и ученых-юристов того времени, представляло собой особую корпорацию (союз, объединение лиц, организаций, фирм на основе общности профессиональных или сословных интересов) [1, 459]. Однако «оно [сословие] не связывает никого на всю жизнь, как каста, оно не захватывает всего человека, как средневековый цех, оно открывает доступ всякому, кто соответствует установленным, заранее определенным условиям» [4, с. 36].

© Короткова А.В., 2013.

В Московском судебном округе существовала своя корпорация присяжной адвокатуры с сословным учреждением в лице Московского совета присяжных поверенных, которому вменялось следить за деятельностью ее членов, принимать в сословие новых представителей и решать многие вопросы. Например, одной немаловажной проблемой являлось материальное положение присяжных поверенных и их помощников. Решить эту задачу участники Московского совета предполагали путем создания касс взаимопомощи.

Касса взаимопомощи – товарищеское объединение, имеющее целью оказывать помощь своим членам из средств, образуемых преимущественно членскими взносами [9, с. 1330]. Их появление относится к середине XIX в., массовый характер в России они приобрели в начале XX в. Они создавались как по сословному принципу, (например, существовали дворянские кассы взаимопомощи – 16 марта 1899 г. Московское Дворянское собрание постановило учредить «кассу вспомоществования недостаточного дворянства» [8, с. 117]), так и по профессиональному (например, касса взаимопомощи литераторов и ученых, образованная в 1890 г.). В адвокатской среде первая известная касса была создана в Риге в 1859 г., к сожалению, устав ее не сохранился и о деятельности ее ничего не известно. Но уже в пореформенное время идея касс взаимопомощи стала актуальной для всей присяжной адвокатуры Российской империи, в т.ч. и московской.

Причинами создания касс взаимопомощи явилось стремление поднять общий материальный уровень членов корпорации, обеспечить им помощь в случаях болезни, инвалидности, старости, каких-либо несчастий в личной или семейной жизни, требующих исключительных материальных затрат. Адресатами такой помощи могли стать как сами адвокаты, помощники, так и их семьи. Например, некоторые присяжные поверенные после своей смерти не могли оставить семье денежные средства, и даже приходилось прибегать к неоднократным подпискам среди адвокатов на похороны товарищей. Причиной такого положения стала конкуренция, возросшая среди присяжной адвокатуры после 60-х гг. XIX в. [7, с. 318] в связи с увеличением численности сословия. Например, в 1913 г. только за два месяца было принято Московским советом в сословие 38 присяжных поверенных и 120 помощников [3, с. 14].

Первые кассы носили добровольный характер, где инициаторами их создания становились сами адвокаты. Например, вспомогательная касса присяжных поверенных округа Московской судебной палаты и их помощников (1877 г.), известная в московской адвокатуре под названием кассы Лютера-Граве (имена двух ее деятельных сотрудников – казначеев кассы) и другая, временно-вспомогательная, известная как касса Маркова [7, с. 327].

Касса Лютера-Граве своей целью ставила заботу о престарелых и больных членах кассы, вдовах, детях и родителях умерших членов, оказывая также помощь семействам или ближайшим лицам умерших членов, выдавая им пособия на похороны участников товарищеской кассы [10, с. 1]. Членами кассы являлись присяжные поверенные округа Московской судебной палаты и их помощники. Каждый участник вносил в кассу единовременно при вступлении в число членов 35 руб. (10 руб. – в похоронный капитал и 25 руб. – в капитал для покрытия расходов на содержание кассы) и постоянно по 50 руб. в год [10, с. 5]. Годовые взносы производились в январе. Сам наличный капитал помещался в банк. Средняя ежегодная пенсионная выдача, считая 38-летний период существования кассы, составляла 2513 руб. 53 коп., а средний размер выдачи на одну семью (вдова и двое детей) – 180 руб. [7, с. 334]. Стоит отметить, что в уставе кассы присяжных поверенных округа Московской судебной палаты и их помощников было зафиксировано правило: член кассы, преходящий в другой округ или оставляющий добровольно звание присяжного поверенного или помощника, не лишается права, при исправном платеже, на пособие от кассы, как для самого себя, так и для своего семейств [10, с. 4]. Таким образом, организа-

ция старалась поддерживать материальное положение представителей корпорации даже если они ушли в отставку или переехали.

Однако это учреждение не зависело и не подчинялось Московскому совету. И к 1899 г. наблюдалась тенденция к уменьшению состава кассы.

Другая временно-вспомогательная касса начала свою работу в 1894 г. Цель кассы – оказывать денежную помощь всем как участвующим, так и не участвующим в кассе, нуждающимся и больным присяжным поверенным и их помощникам, а в случае смерти – семьям их и лицам, находящимся на иждивении умерших, последним в исключительных случаях [7, с. 336]. Капитал кассы состоял из добровольных взносов, которые не всегда вносились вовремя. А так как организация пыталась оказывать помощь всем нуждающимся, которые и не являлись ее членами, то Московский совет выступал за установление максимального размера выплаты. На такое совет кассы отказался пойти. Эта организация существовала всего 15 лет.

Таким образом, первые кассы действовали только по инициативе отдельных присяжных поверенных и носили добровольный характер, не было и строгого контроля над механизмом внесения взносов. Не находя поддержки не только у Московского совета присяжных поверенных, но и у самих адвокатов, которые не посещали заседания по данному вопросу [5, с. 106], они не сумели просуществовать достаточно долгое время.

На следующем этапе проект создания кассы взаимопомощи основывался на принципе обязательного участия. Была создана комиссия, которая предложила устав сословной кассы взаимопомощи, одобренный 18 декабря 1908 г. советом московских присяжных поверенных. Средства кассы должны были составить капитал имени В.А. Капеллера (член Московского совета присяжных поверенных), капитал временной вспомогательной кассы, ежегодные обязательные взносы членов сословия и другие поступления.

Следует отметить, что организаторы ответственно подошли к этому делу. В черновых записях о реорганизации обязательной сословной кассы взаимопомощи[1] находится проект о сумме взносов в кассу. Сумма была поделена на восемь разрядов: 3 руб., 6 руб., 9-12 руб., 15–18 руб., 36 руб., 50 руб., 75 руб., 100 руб. Московским присяжным поверенным и их помощникам оставалось лишь причислить себя к какому-либо из этих разрядов. Так большинство присяжных поверенных (54,6%) выказало желание платить 6 руб., а помощники присяжных поверенных (75,7%) – 3 руб.[2] В опросе приняло участие 489 адвокатов и 341 помощника, притом, что на 1909 г. присяжных поверенных Московского округа насчитывалось 1080 чел., а помощников – 930 чел. [7, с. 348].

В свою очередь не все члены сословия присяжных поверенных выступили за создание кассы, это просматривается по количеству полученных анкет. В Московскую судебную палату было поданы на определение совета от 11 мая 1909 г. (Учреждение правил обязательной сословной кассы взаимопомощи) жалобы от 11 присяжных поверенных. Недовольные «указывали на незаконность постановления вообще, а также неправильность отдельных правил, принципа обязательности их, управления кассой и др.»[3]. Среди прочих причин было недовольство, что делами кассы фактически будут распоряжаться члены младшего сословия, в особенности в части разрешения выдачи пособий и установления их размера [7, с. 347].

Московская судебная палата своим определением от 29 января 1910 г. отменила постановление совета об утверждении правил сословной кассы взаимопомощи. Это решение палата обосновала тем, что касса взаимопомощи представляла собой благотворительное общество и должна быть образована на точном основании «Временных правил об общественных и Союзах от 4 марта 1906 г.». Постановление совета 11 мая 1909 г., как

[1] Центральный Исторический Архив г. Москвы (далее – ЦИАМ). Фонд 1697. Совет присяжных поверенных округа Московской судебной палаты, г. Москва. Оп. 1. Д. 52 а.

[2] ЦИАМ. Ф. 1697. Оп. 1. Д. 52 а. Л. 1.

[3] ЦИАМ. Ф. 1697. Оп. 1. Д. 52 а. Л. 2.

нарушающее эти правила, было отменено[1].

Ввиду сложившихся обстоятельств и не отказываясь от задуманного плана, Московский совет присяжных поверенных предложил создать добровольный «фонд товарищеской взаимопомощи». Источником пополнений фонда должен был стать капитал имени присяжных поверенных Ц.А. Капелляра, С.А. Муромцева и Д.У. Невядомского, остаток капитала временной вспомогательной кассы.

Попытка создания пенсионной кассы относится к октябрю 1912 г. Московский совет присяжных поверенных для этой цели избрал особую комиссию для составления устава пенсионной кассы. Работа была поставлена на должную высоту: техническая часть проекта разработана всесторонне и детально на научных основаниях приглашенным специалистом, бытовая и юридическая стороны проекта подверглись тщательной обработке со стороны членов адвокатуры, добровольных участников комиссии. Разработка проекта стоила сословию больших денег [2, с. 817].

Однако 10 апреля 1913 г. председателем совета было получено отношение старшего председателя Судебной Палаты: «Вследствие отношения от 8 февраля сего года за №1096 имею честь уведомить вас, милостивый государь, что ходатайству Совета присяжных поверенных Округа Московской Судебной Палаты о внесении проекта устава пенсионной кассы присяжных названного Округа на утверждение в законодательном порядке г. министр юстиции не признал возможным дать дальнейшего направления» [2, с. 817].

В свою очередь, Московский совет не мог полностью отказать в помощи своим коллегам. Сами присяжные поверенные указывали на Петроградский совет, где помощь товарищам доходила до 28 тыс. руб. [3, с. 277]. И в связи с этим прозвучало предложение на предварительном совещании совета (22 февраля 1914 г.) об увеличении сословного сбора на 5 руб., что составило бы 25 руб. Но и это решение раскололо корпорацию. Жалобщики указывали, что постановление это «по существу своему является замаскированным учреждением вспомогательной кассы сословия и есть не что иное, как обход уже состоявшегося в отрицательном смысле решения Судебной Палаты вопроса относительно принудительного сбора на учреждение и поддержание ссудо-вспомогательной кассы сословия» [7, с. 141]. В свою очередь Московская судебная палата, как и Петроградская, признала факт того, что любая организация не может существовать без наличия материальных средств.

Но в отличие от московских коллег, петроградским присяжным поверенным без внутренней борьбы удалось сплотить сословие в решении общих проблем.

Таким образом, попытки создания кассы взаимопомощи свидетельствовали о том, что московские присяжные поверенные причисляли себя к особому сословию, узкому профессиональному кругу, где точно определялось членство, обязанности и права. Новое учреждение должно было еще теснее сплотить членов сословия. Однако уровень сплоченности присяжных поверенных Москвы оказался ниже этого уровня у их коллег в столице. Хотя проблема нехватки денежных средств была актуальной не только для помощников, но и для присяжных поверенных, далеко не все откликнулись на предложение активно участвовать в создании кассы. Многих не устраивало обязательное участие всех членов сословия, неопределенность механизма распределения помощи, инициаторами же, особенно на начальном этапе, часто были личности, не находившие поддержки у Московского совета присяжных поверенных. Последний оказался не на высоте задачи, не смог выступить координатором деятельности сословия. Поэтому первые кассы взаимопомощи обязаны своим появлением энтузиазму отдельных присяжных поверенных, которые, с одной стороны, официально не подчинялись совету и действовали на добровольной основе, а с другой – постоянно ощущали надзор со стороны сословного органа.

[1] ЦИАМ. Ф. 1697. Оп. 1. Д. 52 а. Л. 3.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Большой толковый словарь русского языка. – СПб., 2000. – 1536 с.
2. Вестник права и нотариата. – 1913. – № 27. – 33 с.
3. Вестник права. – 1914. – № 1. – 33 с.
4. Винавер М. Очерки об адвокатуре. – СПб., 1902. – 95 с.
5. Двадцатипятилетие московских присяжных поверенных. Сборник материалов относящихся до сословия присяжных поверенных округа Московской судебной палаты. – М., 1891. – 205 с.
6. История русской адвокатуры. Адвокатура, общество и государство (1864 – 1914). – Т. 1. – М., 1914. – 628 с.
7. История русской адвокатуры. Сословная организация адвокатуры, 1864 – 1914 гг. – Т. 3. – М., 1916. – 456 с.
8. Маркова М.Т. Дворянские кассы взаимопомощи // Псков. – 2011. – № 35. – С. 117–122.
9. Толковый словарь русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова. – Т. 1. – М., 2000. – 848 с.
10. Устав вспомогательной кассы присяжных поверенных округа Московской судебной палаты и их помощников. – М., 1904. – 16 с.

УДК 94(470)”19/...”

Нестеров И.А.
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

РАЗВИТИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ В МОСКВЕ И ОТСТАВКА ГОРОДСКОГО ГОЛОВЫ КНЯЗЯ В.М. ГОЛИЦЫНА (ЯНВАРЬ – НОЯБРЬ 1905 г.)

I. Nesterov
Lomonosov Moscow State University

DEVELOPMENT OF REVOLUTIONARY EVENTS IN MOSCOW AND RESIGNATION OF THE MAYOR OF THE PRINCE V.M. GOLITSYN (JANUARY – NOVEMBER, 1905)

Аннотация. Настоящая статья посвящена развитию революционных событий в Москве с января по ноябрь 1905 г. и обстоятельствам отставки Городского головы князя В.М. Голицына. Автор рассматривает обострение отношений между Московской городской думой и государственной властью, начало Всероссийской Октябрьской политической стачки, забастовку городских служащих, подрыв здоровья и разочарование в происходящем В.М. Голицына как основные причины, побудившие последнего сложить с себя полномочия. Для написания статьи автором были привлечены как опубликованные, так и архивные материалы.

Ключевые слова: В.М. Голицын, Московская городская дума, Московская городская управа, Городской голова, городское общественное управление, революция.

Abstract. This article is dedicated to the development of the revolutionary events in Moscow from January to November of 1905, and the circumstances of the resignation of Prince V.M. Golitsyn, the Mayor of Moscow. The author considers the intensification of tension between the Moscow City Duma and the government, the beginning of the October All-Russian political strike, as well as the strike of municipal employees and V.M. Golitsyn's health worsening as the main reasons for his resignation. The author has studied both published and archival materials as sources for this article.

Key words: V.M. Golitsyn, Moscow City Duma, the Moscow city government, mayor, city public administration, revolution.

Революционные события 1905 г., в частности участие в них органов московского городского самоуправления, нашли достойное отражение в отечественной историографии. Однако до сих пор не достаточно освещенной остается роль Московского городского головы Владимира Михайловича Голицына в этих центральных событиях начала XX в. Представитель древнего дворянского рода, он трижды избирался главой московского самоуправления. Этот период был продуктивен не только для городского хозяйства древней столицы, но и для становления либерального движения, одним из центров которого была Московская дума.

Открытое вступление на политический путь Московской думы произошло на заседании 30 ноября 1904 г. Группа прогрессивных гласных внесла на голосование заявление, содержащие демократические требования. В подготовке его князь В.М. Голицын участия не принимал, но в силу широких полномочий городского головы, такое решение не могло было быть принято без его одобрения. Гласные Думы обратились к городскому секретарю Н.И. Астрову с просьбой сходить к Владимиру Михайловичу для предварительного обсуждения. Князь Голицын выслушал его и дал свое согласие, произнеся: «Можно». Как вспоминал городской секретарь: «Это была обычная его манера. Он не любил длинных разговоров» [1, с. 77]. Демо-

© Нестеров И.А., 2013.

кратических деклараций подобного рода Московское городское самоуправление до того дня не знало. Гласные предложили направить правительству мнение Думы по вопросам, которые она считает неотложными. Среди них числись такие, как ограждение личности от внесудебного разбирательства, отмена исключительных законов, обеспечение свободы совести, вероисповедания, слова, печати, свободы собраний и союзов. А также содержалось требование: «провести вышеуказанные начала в жизнь на обеспечивающих их неизменность незыблемых основах, выработанных при участии свободно избранных представителей населения; установить правильное взаимодействие правительственной деятельности с постоянным, на законе основанным, контролем общественных сил над законностью действий администрации»[1]. Однако вскоре городской голова получил извещение губернатора о том, что постановление Думы решено вынести на рассмотрение Губернского по земским и городским делам присутствия [2]. В своем дневнике по этому поводу князь записал: «Ну и прихлопнули нас, постановление Думы опротестовано, от меня требуют объяснений…»[3]. Тем не менее Московская дума стала одним из центров новой политической жизни, которая ассоциировалась с именем Владимира Михайловича Голицына.

Постановление Московской думы 30 ноября 1904 г. взбудоражило общественные силы Российской империи. С этого момента вплоть до отставки Голицына в Московскую городскую думу «стали являться депутации от разных организаций и вновь возникавших союзов» [1, с. 87], которые приносили городскому голове В.М. Голицыну различные петиции и политические заявления. Адреса и приветствия, направляемые князю, были неоднородными. Свою солидарность с Москвой выражали как крупные, так и небольшие провинциальные города. Признание своей поддержки присылали различные объединения российской интеллигенции, высказывая «совершенную солидарность с принятыми… резолюциями». А также благодарили городского голову за то, что он «нашел именно те мысли, чувства и слова, коими выражаются напряженные ожидания и чаяния, волнующие в настоящее время все русское интеллигентное общество»[4]. Однако не все эти материалы ограничивались лишь сообщениями о поддержке начатому делу. Так, например, в заявлении, присланном студентами князю В.М. Голицыну, содержится информация уже другого порядка: «бюрократическое правительство решило даже не выслушать Вашего спокойного обдуманного голоса, поспешив наложить на него цензурное veto….Долой иллюзии! Родина ждет от нас – современников исполнения долга гражданина. Настал момент от просьб перейти к требованиям. Мы, учащиеся высших учебных заведений гор. Москвы, горячо приветствуем Ваше постановление от 30-го ноября, видя в нем первый шаг этого пути»[5].

События в Москве развивались стремительно, а отношения городского общественного управления и государственной власти все более накалялись. После убийства генерал-губернатора Москвы – Великого князя Сергея Александровича некоторые управленческие обязанности перешли в ведение бывшего губернатора А.Г. Булыгина. Александр Григорьевич и князь Голицын были женаты на родных сестрах, но их отношения нельзя было назвать близкими. Когда представители Думы, во главе с Владимиром Михайловичем, пришли прощаться с А.Г. Булыгиным, назначенным министром внутренних дел, прощание обратилось выговором. Булыгин стал указывать на то, что Московская дума встала на путь уклонения от своих прямых обязанностей и занялась деятельностью, которая не определяется законодательством [1, с. 82]. Вступив в должность министра А.Г. Булыгин, писал московскому градоначальнику:

[1] Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). Ф. 179. Оп. 21. Д. 2244. Л. 6 - 6 об.

[2] ЦИАМ. Ф. 179. Оп. 21. Д. 2244. Л. 41.

[3] Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 75. Д. 25. С. 387. Запись 6 декабря 1904 г.

[4] ЦИАМ Ф. 179. Оп. 21. Д. 2243. Л. 37-37 об.

[5] ЦИАМ Ф. 179. Оп. 21. Д. 2243. Л. 38.

«Хотя московский городской голова князь Голицын и не понес наказания за допущение к обсуждению в городской думе вопроса общегосударственного значения, …но это не означает еще, что его прошлая деятельность, как председателя думы, одобряется»[1]. Новый министр предписал московскому градоначальнику вызвать Владимира Михайловича и предупредить о возможности привлечения к ответственности по ст. 1085 Устава уголовного судопроизводства[2], посвященной приданию суду по преступлениям должности.

Тем временем в Москве активно развивалось рабочее забастовочное и стачечное движение. В начале апреля 1905 г. в своем донесении временно исполняющий обязанности старшего фабричного инспектора Московской губернии А.М. Шульгин писал в Министерство финансов о положении рабочих и причинах их стачек следующее: «Волнение фабрично-заводских рабочих началось 10 января 1905 г., выразилось в прекращении работ на 134 промышленных заведениях с общим числом рабочих свыше 45 000 чел.» [4, с. 320]. С началом забастовок фабричных рабочих к их движению примкнули рабочие городских конно-железных дорог и ассенизационного обоза [3, с. 10]. К октябрю 1905 г. революционные события в России достигли своей кульминации. Начавшаяся на московском железнодорожном узле стачка вскоре приобрела всероссийский размах и носила политическое значение. На заседании Московской думы 13 октября городскими рабочими и служащими было принято решение присоединиться к общей забастовке, которую к тому моменту уже поддержали больницы и водопроводное хозяйство [5, с. 409]. По этому поводу В.М. Голицын писал: «все стали мы очень нервными и непригодными для серьезного и спокойного дела…замечаю я, что за это последнее время история в тесном смысле этого слова потеряла всякий интерес для меня…оно и понятно: читая историческое повествование, невольно сопоставляешь его с современным, с окружающим, а это последнее за последующие два года до того противно, что сопоставление это заставляет отвернуться и от исторического прошлого»[3].

Не столь частые до этого, заседания Думы стали проводиться чуть ли не ежедневно. Однако не уходили «дальше пустых фраз»[4]. Высокое политическое напряжение и моральное давление обстоятельств сказались на здоровье Владимира Михайловича. Плохое самочувствие и растерянность заставили Голову задуматься о сложении полномочий. 15 октября на заседании Думы обсуждался вопрос о забастовке городских служащих. Князь, закончив свою сумбурную речь фразой «я говорить больше не могу» [7, с. 647], получил совет от гласного, врача Н.М. Кишкина, «передать председательство другому лицу» [7, с. 647], поскольку врач как специалист счел городского голову очень больным. На это замечание князь отреагировал следующим образом: «Если вы, мои друзья, а я всех вас считаю друзьями, считаете меня неспособным нести эти обязанности, я с охотой сложу их, потому что обстоятельства сильнее меня, и обстоятельств этих я…больше не понимаю» [7, с. 647]. Предложение было временным, и уговаривать князя сложить полномочия гласные не собирались, что находит подтверждение в словах гласного Н.Н. Щепкина: «Речь идет о припадке болезни. Князь, отдохните и приходите опять» [7, с. 647]. На следующий день князь все-таки решил оставить свой пост, объясняя это несколькими обстоятельствами. Во-первых, это «полное разложение Думы», которая, как считал Владимир Михайлович, дала себя заменить «каким-то иным органом, неизвестно как создавшимся». Во-вторых, «невозможное положение управы», исполнительного органа Московской думы, при начавшихся забастовках. В-третьих, «бездействие и несостоятельность административной власти, которая не только не поддержит в нужную минуту, но которая сама требует такой поддержки, чтобы совсем не развалиться».

[1] ЦИАМ. Ф. 179. Оп. 21. Д. 2244. Л. 101.

[2] ЦИАМ. Ф. 179. Оп. 21. Д. 2244. Л. 101.

[3] НИОР РГБ. Ф. 75. Д. 26. С. 98–99. Запись 8 октября 1905 г.

[4] НИОР РГБ. Ф. 75. Д. 26. С. 83. Запись 28 сентября 1905 г.

По мнению князя, контроль над ситуацией «находится в руках революционной партии», что, по его мнению, является благоприятным только для «диктатуры». А ему как либералу, сторонику конституционного строя, не находится выбора, кроме как «удаления в жизнь замкнутую, без касательства к происходящему, без отношений к нему»[1].

17 октября в Московскую думу поступили заявления от Головы и его товарища об их болезни. Но уже следующее заседание Думы, состоявшееся через день, открыл князь В.М. Голицын. На то была особая причина. На чрезвычайном собрании 18 октября гласные стоя выслушали Высочайший манифест, прочтенный Городским головой. Больной и разочарованный, Владимир Михайлович счел необходимым лично открыть собрание Думы, на котором обнародовался столь важный для России документ. Это было проявление истинного мужества, достойного такой ответственной должности, как глава городского общественного управления. После прочтения Манифеста князь Голицын обратился к гласным с речью, в которой среди прочего сказал: «Дадим друг другу слово не жалеть себя, дабы русское общество было на высоте отныне ему дарованного, дабы твердо, разумело и свободно выполнило оно свое светлое и высокое призвание. Москва первая должна подать свой голос, сказать свое радостное слово, полное веры в будущее, веры в себя» [2, с. 160].

Конфликты с губернской администрацией и революционные события в Москве, выходившие из-под контроля правительства, сказались на здоровье В.М. Голицына. Но, тем не менее, он нашел в себе силы и мужество на принятие своего последнего ответственного решения в должности городского головы. 19 октября 1905 г. к московскому генерал-губернатору П.П. Дурново явилась делегация гласных Московской городской думы, во главе с князем В.М. Голицыным, по поводу похорон известного деятеля большевистского крыла РСДРП Н.Э. Баумана, убитого черносотенцами за день до этого. Захоронение революционера было назначено на 20 октября, и, дабы предотвратить возможные провокации и столкновения, делегация ходатайствовала «о том, что бы во время похорон по всему пути следования погребальной процессии полиция и войска не были выставляемы» и заявила, «что нарушений уличного порядка при похоронах произведено не будет» [6, с. 469]. Однако, несмотря на все старания Думы и Городского головы князя Голицына, похороны большевика вызвали двухдневные беспорядки в Москве, сопровождавшиеся столкновениями рабочих и студентов.

На собрании Московской думы 25 октября гласные заслушали письмо от своего Головы следующего содержания: «…при настоящих обстоятельствах я не считаю возможным сохранить за собою вверенного ею мне полномочия и слагаю с себя обязанности Московского Городского Головы» [7, с. 742]. В связи с этим гласными было единогласно принято решение выразить кн. В.М. Голицыну глубокую признательность Московской городской думы и поместить в зале заседаний Думы его портрет.

18 ноября высочайшим приказом по гражданскому ведомству князь В.М. Голицын был уволен с должности городского головы. А за три дня до этого, 15 ноября, в Московскую думу поступило заявление 110 гласных, в котором содержалось предложение присвоить князю В.М. Голицыну звание Почетного гражданина Москвы[2].

После сложения полномочий Голицын не раз размышлял о последнем годе своего служения. Вину за кровавые события 1905 г. В.М. Голицын возлагал не только на революционеров и на карательный аппарат государства, но и на «либералов-конституционалистов», к которым причислял и себя. Последние, по его мнению, проявили недостаточную смелость в слове и деле и «главное – слишком поздно и потому торопливо начали свой поход»[3]. Однако позже В.М. Голицын, «не без некоторого чувства удовлетворения», осознавал свой вклад в общественно-политические процессы 1904–1905 гг. [8, с. 70].

[1] НИОР РГБ. Ф. 75. Оп. 1. Д. 26. С. 111–114. Запись 16 октября 1905 г.

[2] ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 205. Д. 50. Л. 2.

[3] НИОР РГБ. Ф. 75. Д. 26. С. 158. Запись 15 ноября 1905 г.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Астров Н.И. Воспоминания. – М., 2000. – 173 с.
2. Журналы Московской городской думы за 1905 г. – М., 1906.
3. Каржанский Н. Как избиралась и как работала Московская городская дума. М., 1940. – 46 с.
4. Начало первой русской революции. Январь-март 1905 г. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. – 960 с.
5. Писарькова Л.Ф. Городские реформы в России и Московская дума. – М.: Новый хронограф, 2010. – 752 с.
6. Революция 1905–1907 гг. в России. Документы и материалы. 50 лет 1905–1955. Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 г. Ч. 1. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. – 780 с.
7. Стенографические отчеты о собраниях Московской городской думы за 1905 г. – М., 1907.
8. Трубецкой А.В. Мой дед Владимир Михайлович Голицын (1847–1932) – Московский Городской голова: штрихи к портрету // Хозяева и гости усадьбы Вязьмы. К 850-летию Москвы и 225-летию со дня рождения Московского генерал-губернатора, Светлейшего князя Дмитрия Владимировича Голицына. Материалы IV Голицынских чтений 18–19 января 1997. Ч I. – М., 1997. – С. 65–71.

РАЗДЕЛ IV. НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 93/94

Суханова Н.И.
Московский государственный областной университет

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАСТРОЕНИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В УСЛОВИЯХ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПЕРЕМЕН 1917–1918 гг.

N. Sukhanova
Moscov State Regional University

PUBLIC SENTIMENTS IN THE NORTHERN CAUCASUS DURING THE REVOLUTIONARY CHANGES OF 1917–1918

Аннотация. В статье анализируются особенности неоднозначного состояния общественных настроений на Северном Кавказе в 1917–1918 гг., раскрываются причины их эволюции под влиянием процессов модернизации, разрастания политической борьбы, революционных перемен. Автор показывает состояние и причины раскола во всех социально-этнических группах региона в условиях революции, а также использование его в политике враждующих сторон.

Ключевые слова: Северный Кавказ, революция, общественные настроения, крестьянство, казачество, горцы.

Abstract. This article analyzes the features of the ambiguous state of public sentiments in the Northern Caucasus in 1917-1918, the reasons they have evolved under the influence of modernization processes, escalation of the political struggle and revolutionary changes. The author indicates the status and causes of the split in all social and ethnic groups of the region in revolutionary conditions, as well as the use of such split in the political struggle of the warring parties.

Key words: North Caucasus, revolution, public sentiments, peasants, Cossacks, mountain dweller.

Российская политика на Северном Кавказе всегда формировалась и реализовывалась в сложных условиях. Причин тому множество. Одной из них является то, что северокавказское сообщество всегда являлось совокупностью значительного количества различных цивилизационных и социокультурных систем. Эти системы практически постоянно находились в состоянии взаимодействия, как созидательного, так и разрушительного. В различные периоды исторического процесса их основы претерпевали определенную динамику. Она происходила под воздействием самих перемен в обществе, и меняющейся, в их результате, в неоднородном северокавказском общественном сознании картины мира. В такие времена наиболее ярко проявляли себя общественные настроения, определенным образом влияя на социальные процессы. Источник общественных настроений имеет социокультурные основания, обстоятельства, тип сознания. Общественные настроения – это социальный факт [4, с. 352].

Общественное настроение автор определяет как преобладающее состояние умов и чувств определенных социальных групп в конкретные периоды времени. Определенный уровень

© Суханова Н.И., 2013.

общественных настроений может стать толчком к активной коллективной деятельности. Он также способен объединить массы в одно социальное или политическое движение. Общественные настроения формируют массовое сознание, дают основания для качественного анализа социума. Осведомленность об общественных настроениях, в свою очередь, позволяет формировать общественное сознание или манипулировать им. Для решения важнейших стратегических задач знание о состоянии умов и настроений в обществе играло огромную роль. Не случайно практически везде большевики ставили перед местной властью и силовыми органами задачу выяснения и «ежедневного информирования об отношении населения к Советской власти и описание событий по группам населения (иногородние, казаки, рабочие …..)[1].

Сложно изучать этот объект из-за его неоднозначности, динамичности, трансформации его базовых механизмов, отсутствия одинаковых характеристик разных его носителей, недостаточного количества источников. Еще более сложен процесс изучения общественных настроений населения такой полиэтничной и многосословной окраины России, как Северный Кавказ, в годы социальных катаклизмов.

В 1917–1918 гг. произошел радикальный скачок в жизни российского общества, в том числе и северокавказского. Он был связан не только с изменением системы власти, её экономических, политических и социальных основ, но и с одним из источников этих перемен – изменяющимся под воздействием сложных модернизационных процессов общественным настроением. События этого времени содействовали ускоренному и насильственному процессу социализации личности, происходящему в экстремальных условиях и имеющему далеко не линейный характер.

Осмысление того, что представляли собой общественные настроения в указанное время, даёт возможность ответить на вопрос о тех альтернативах, которые могли быть реализованы в России. Известно, что бездействие власти или политических элит приводит в движение многочисленные массы населения. В условиях, когда были исчерпаны возможности дореволюционного строя, доминирующим общественным настроением, особенно малоимущих слоёв, стало ожидание перемен, но наполненное желанием стать действующими субъектами этого процесса. На место преобладавших ранее типов общественного настроения в России – социальной инертности, политического инфантилизма, выжидательных позиций, начала приходить социальная активность, подталкивающая власть к созидательным действиям.

В статье предпринята попытка проанализировать состояние общественных настроений основных групп населения Северного Кавказа – крестьян, казаков и горцев, а также особенности его эволюции в условиях динамично протекающих политических перемен. Проблема состояния общественных настроений и их взаимообусловленности с социальными процессами достаточно востребована исследователями-обществоведами, но в такой постановке она еще не изучалась. Источниковой базой исследования являются документы, отражающие чаяния, настроения и действия крестьян в условиях лавинообразных перемен 1917–1918 гг. на Северном Кавказе.

Особенностью Северокавказского региона всегда являлось многообразие социальных и этнических групп населения. Преобладающей их частью всегда было крестьянство. Оно было неоднородно. Носителями товарного производства были коренные крестьяне. Наемный труд был, в основном, уделом иногородних. Крестьянский труд был основой жизни казачества и горцев.

В условиях военно-революционного периода стали усиливаться факторы политизации и милитаризации общественных настроений населения региона. Все это налагалось на модернизационные перемены, элементы которых были привнесены в крестьянскую жизнь в конце XIX – начале XX вв. Южная деревня приобретала новую производственную и бы-

[1] Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф.р. 102. Оп. 1. Д. 2. Л. 2, 3, 18, 30.

товую технику. Благодаря развитию товарного производства росло понимание значимости денег. Образование и чтение становились востребованными. В этих условиях бурно расцветал индивидуализм, стремление освободиться от власти общины. Утилитаризм среди крестьянства привел к двум противоположным, исключающим друг друга результатам, к расколу. С одной стороны, к попытке стать на путь самостоятельной жизни, к интенсификации производства, с другой – к возврату к архаике, к закреплению экстенсивных архаичных форм жизни, к разрушению всего государственного и общественного порядка [2, с. 189].

В этом отношении очевидна разница общественных настроений в деревне Центральной России и сельской местности на Северном Кавказе. В первом случае деревенское сообщество оставалось главной формой общественной жизни деревни, крестьянство же Северного Кавказа больше тяготело к утилитаризму. В Центральной России крестьянин традиционно не принимал права частной собственности на землю, на Северном Кавказе это право преобладало в желаниях крестьян.

Преобладающие крестьянские настроения на Северном Кавказе, в основе своей, отражали не пролетарский, а демократический уровень их мышления. Он проявлялся в подходе к решению различных вопросов: о власти, о земле, о системе местного управления и т.д. Здесь даже во время Гражданской войны для крестьянства главным оставался вопрос черного передела, но не задачи радикального переустройства власти и общества. Более того, крестьяне даже отстранялись от решения этого вопроса. Их социальная борьба развивалась в неполитическом измерении [3, с. 100]. На Северном Кавказе отношение значительной части крестьянства к частной собственности на землю было весьма уважительным и заинтересованным. Регион отличался высоким уровнем товарности и кооперированности крестьянского хозяйства. На Ставрополье и в Черноморской губернии, где коренных крестьян было больше, чем казаков, тяга к собственной земле была велика. Здесь существовала дешёвая аренда земли, что содействовало росту предпринимательства.

Эти элементы массового сознания северокавказских крестьян содействовали тому, что стремление к самовольному переделу земель на Северном Кавказе было не слишком ярко выражено – сказывалось уважение к собственности.

Поначалу коренные крестьяне региона приняли декрет «О земле» настороженно. Но декрет и здесь сыграл свою раскалывающую роль. Постепенно крестьянство стало принимать его как санкцию на непосредственный передел земли ими самими. Упрощённый взгляд на мир еще более значительно проявил себя после того, как летом 1918 г., после завершения раздела помещичьей земли, стала очевидной её нехватка. Содействовал этому ещё и правовой нигилизм. К примеру, в резолюции, вынесенной «совдепом села Феодосийского и его здоровыми гражданами», говорилось, что завоеванных прав на землю и волю они никогда не отдадут. Поэтому будут поддерживать советскую власть. В селе преобладало коренное крестьянство, имеющее определенные наделы земли. Но, по-видимому, земли действительно много не бывает[1]. Слишком быстротечными были события, и интенсивно действовала пропаганда советской власти.

Декрет «О земле», основанный на классовом подходе, разжигал социальную борьбу в деревне, станице, ауле. Сдерживалась она в начале Гражданской войны тем, что большевики Северного Кавказа из-за малочисленности своей социальной базы блокировались с эсерами, меньшевиками и анархистами. А подавляющая часть населения региона была на стороне эсеров[2]. С развитием революционных событий, локализацией партийных интересов крестьянство оказалось крайне дезориентированным. Политические партии

[1] Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 194. Оп. 2. Д. 4. Л. 7.

[2] Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. 1919. Оп. 1. Д. 27. Л. 7.

перетягивали крестьян. Поэтому в условиях междувластия главной силой в деревне стали крестьянские сходы. Самоорганизация крестьян создавала возможность самосохранения. И там, где к сходам крестьянство относилось серьезно, местная власть зачастую принимала сторону крестьян.

Несмотря на то, что характер сословного землевладения казачества закрывал пути развития предпринимательству, его отношение к собственности тоже было уважительным в силу исторических условий борьбы за сохранение незыблемости казачьих земель. Но земельный вопрос здесь тесно переплетался с социальным. Казачество не принимало, в основной своей массе, политики большевиков, их «незаконный захват власти». В протоколе заседания Большого Круга Войска Донского от 4.12.1917 г. большинством (но не всеми !), при четырех воздержавшихся, было принято предложение атамана о непризнании власти большевиков. Но при достаточно высокой степени монолитности Донского казачества, большевизм проник и сюда. В станице Малодольской Усть-Медведицкого округа не стали формировать войско против большевиков. 14-й Донской казачий полк приветствовал «товарищей солдат, рабочих, крестьян, борющихся с буржуазией»[1].

Подобная картина расколотых казачьих настроений имела место и на Кубани. Документы подтверждают антиреволюционное «настроение большинства станиц. Среди них самые активные станицы – Анапская и Раевская[2]. Приговором станичного сбора станицы Шкуринской Ейского отдела Кубанской области (59 чел. с правом голоса) принято решение о восстановлении законного порядка – ликвидации большевизма и подсчет человеческих жертв и имущества «за 4,5 месяца господства над нами Ленина и К.»[3]. Образ мышления казачества – конкретный, прямолинейный, традиционалистский, основанный на уваровской триаде, не содействовал активному врастанию его в систему большевистской власти. При этом среди казаков имели место явно пробольшевистские настроения. Так, Следственная комиссия Войскового круга рассматривала материалы по обвинению депутата Войскового круга ст. урядника В. Головачева в агитации за переход в ряды Красной гвардии. За укрывательство большевика Т. Ляшенко депутатом Войскового круга, атаманом (!) станицы Морозовской Я.И. Ивановым последовало требование жесточайшего наказания[4]. И все-таки в сложное переходное время 1917–1918 гг. положение на казачьих территориях оставались относительно стабильным. Это подтверждалось фактом базирования здесь Добровольческой армии, практически нелегальным положением большевиков и их сторонников, а также большим количеством прошений о переходе в казачье сословие именно в эти годы. Их писали крестьяне, священники, врачи, мещане, интеллигенция. Люди искали стабильности, хотя бы относительной, которая, по мнению многих, сохранялась лишь на территории казачьих войск. Войсковой Круг Донского и Кубанского войск требовали для принятия в казачье сословие, в числе прочего, документы, подтверждающие фактическое участие в боях с большевиками. Для казаков, воюющих с большевиками, на 50% увеличивалось денежное пособие[5].

При явном предпочтении Белому движению казачество и в этом случае не шло на безоговорочный союз с Добровольческой армией. Донцы обязывались подчиняться единому командованию в лице Деникина только в оперативном отношении. С Дона, по их требованию, не должны были уходить части, если им будет угрожать опасность. Кубанцы строили свои отношения с Добровольческой армией с целью защиты от большевиков. Далее планировалось сформировать собственную суверенную государственность. Наиболее последовательными в антибольшевистской борьбе были терские казаки, но

[1] Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 864. Оп. 1. Д. 23. Л. 2.

[2] Центр хранения документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦХДНИКК). Ф. 7. Оп. 1. Д. 3. Л. 4.

[3] ГАКК. Ф. Р 5. Оп. 1. Д. 172. Л. 1.

[4] ГАРО. Ф. Р 861. Оп. 1. Д. 83. Л. 84.

[5] ГАРО. Ф. 857. Оп. 1. Д. 43. Л. 28. Л. 43.

и этому было свое объяснение утилитарных интересов терцев, находящихся в горском окружении и утверждающих российскую государственность на этой территории. Казаки станиц Ессентукская и Подгорная вынесли приговоры отклонять все ходатайства об отпусках и освобождениях казаков до полной победы над красными[1].

Первая мировая война, хаос и непонимание ситуации поколебали в общественном российском сознании патриотические начала. Налицо была этическая стадия кризиса. Человеческое сознание подвергалось сложным испытаниям. Была ослаблена и духовная составляющая общественной жизни. Нравственные принципы уходили, отодвигались на 2-й и 3-й план, это и стало самой страшной потерей [1, с. 4]. Источники отмечают явное ослабление роли православной церкви в жизни верующих. Более молодое поколение солдат, офицеров и даже казаков относились к религии равнодушно. При том, что многие представители церкви проявляли массу примеров верного служения Отечеству, но «в целом она не сумела обеспечить высокую религиозность, создать прочную связь с войсками» [5, с. 119].

С церковью происходило то же, что и со всеми общественными институтами: она претерпевала кризис и оказалась расколотой. Немало документов говорят о пробольшевистской деятельности священников местных приходов. Один из них «раздавал народу ленинские декреты, ночью организовывал сходки для подготовки борьбы с контрреволюцией»[2]. Имеется много следственных дел и обвинений в укрывательстве церковнослужителями белых, красных, дезертиров и пр.[3].

В эти переломные годы резко выросло количество религиозных сект на Северном Кавказе. Губернский Ставропольский Совет отмечал рост контрреволюционной агитации, «брожение со стороны религиозных сект, баптистов и субботников»[4]. Кубанские власти отмечали: «в Темрюкском отделе имеется секта Евангелистов-Баптистов – 270 чел. Советской власти сочувствуют, в армию идти отказываются. В кооперации работают вместе с другими гражданами, создали свою артель «Вефиль». То же в станице Запорожской – 42 человека. Они за Советскую власть. Есть секты Израильских христиан, Новоизраильские евангелисты, старообрядцы, хлысты (единоличное предпринимательство), молокане (тяготеют к торговле). Подобная ситуация в станицах Таманской, Варениковской и других». И это в казачьих районах, где православие всегда было основой казачьей жизни. Толкали людей в секты неопределенность, разрушение вековых основ, отсутствие стабильной и крепкой власти. При этом происходили перемены в настроениях казачества и крестьянства. Они вынужденно переходили к конформизму. Эти перемены в настроениях учитывали большевики, зачастую принимая решение «действовать в их отношении, не вызывая эксцессов». Более того, органы Советской власти подошли к их анализу и учету еще и с точки зрения хозяйственной пользы[5].

Революционные события внесли перемены в настроения горских народов Северного Кавказа. Они восприняли революцию и Гражданскую войну из России. Несмотря на постоянное сопротивление установлению здесь российской государственности, за время нахождения в её орбите у горцев сформировалось колониально-имперское мышление. Оно означало не только сопротивление, но и невозможность существовать вне империи.

Основная масса горцев не очень разбиралась в целях и задачах революции и Гражданской войны. Поэтому они не являлись активными союзниками большевиков. Современники событий отмечали: «История революционного движения среди горских народов не сложна. Верные своим адатам и религиозным воззрениям, горцы заражались очень медленно и исключительно практическим большевизмом» [6, с. 121].

Решения, принятые на II съезде Советов в отношении земли, противоречили миро-

[1] ГАСК. Ф. 1919. Оп. 1. Д. 3. Л. 18.
[2] ГАСК. Ф. Р 870. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.
[3] ГАСК. Ф. Р 22–77. Оп. 1. Д. 6. Л. 1-4.
[4] ГАСК. Ф. 1919. Оп. 1. Д. 9. Л. 23, 24, 25, 29.
[5] ГАКК. Ф. Р 102. Оп. 1. Д. 133. Л. 11.

воззрению горцев, считавших землю неприкосновенной собственностью каждого горца, как по шариату, так и по обычному праву [3, с. 106]. Практически подходили горцы и к Белому движению. Шейхи Узун-Ходжа и Али-Ходжа заявили: «Покуда Добрармия не покушается на Дагестан, ни один дагестанец не должен выступать против нее». Но вскоре в ответ на жесткие действия белых они объявили Добрармии «священную войну» и стали во главе повстанческого движения[1].

Антиденикинские настроения среди горцев преобладали, т.к. Добровольческая армия продолжала традиционную самодержавную политику на Кавказе. Прецедентов добровольного вхождения горцев в Добровольческую армию было немного. Наиболее лояльно настроенными белые считали население Кабарды. Это объяснялось давними связями народов и значительным количеством кабардинской аристократии на российской службе. Осетию считали неопределившейся. На съезде ингушского народа его представители высказались против участия в Добровольческой армии. Причины и в этом случае ясны: белые были в союзе с терскими казаками[2]. В целом настроения горского населения были узко утилитарными.

Революционный процесс 1917–1918 гг. серьезно изменил повседневную жизнь и структуру общества, внеся большие перемены в представления, убеждения и настроения людей. После весьма значительного срока незыблемости государственности в их сознании произошел резкий переход к негативизму в отношении к государству. Произошла десакрализация высшей власти. В этих условиях сознание общества переживало серьезную ломку, возвращались его архаичные элементы. Состояние и уровень общественных настроений за два-три года претерпели эволюцию от наблюдательности к усилению социальной активности. Деятельность основных общественных групп была направлена не на содействие формированию более совершенной государственности, а на задачу самосохранения, принимая при этом самые различные формы. Казачество было устремлено к сепаратизму. Горцы начали создавать собственные формы государственного устройства. Крестьянство стремилось изолироваться от политической борьбы и переждать смуту, а в ряде случаев формировало «зеленые» отряды. Шел процесс мощного раскола северокавказского общества по всем возможным признакам. Ликвидированные в сознании людей ценности государства поначалу были поддержаны большевиками, предлагающими государство-коммуну. Но по мере развития дезинтеграционных процессов именно большевики смогли сыграть на настроениях масс, желавших выйти из хаоса. Победила их власть, которая «жестокостью своего насилия могла превзойти крестьянское самоуправство»[3, с. 114].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Архив русской революции. В 22 т. Т. 1 / Предисловие Г. Иоффе. – Берлин, 1927–1937 гг. – 273 с.
2. Ахиезер А.С., Давыдов А.П., Шуровский М.А., Яковенко И.Г., Яркова Е.Н. Социокультурные основания и смысл большевизма. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. – 610 с.
3. Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. – М.: РОССПЭН, 1997. – 376 с.
4. Дюркгейм Э. Социология. – М., 1995. – 362 с.
5. Козлов А.И. Антон Иванович Деникин (человек, полководец, политик, учёный). – М.: Собрание, 2004. – 440 с.
6. Шнайдер В. Советское нациестроительство на Северном Кавказе (1917-конец 1950-х гг.): закономерности и противоречия. – Армавир: РИЦ АГПУ, 2007. – 416 с.

[1] Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 65. Д. 37. С. 6.

[2] [Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 446. Оп. 2. Д. 31. Л. 80, 81.]

УДК 94 «1919» (4)

Мараев В.Р.
Киевский национальный университет им. Т. Шевченко (Украина)

ДЕЛЕГАЦИЯ ЛЬВА ЧИКАЛЕНКО И АЛЕКСАНДРА САЛИКОВСКОГО ВО ВСЕВЕЛИКОЕ ВОЙСКО ДОНСКОЕ (НОЯБРЬ 1919 Г.)

V. Marayev
Taras Shevchenko National University of Kyiv, Ukraine

DELEGATION OF LEV CHYKALENKO AND ALEXANDER SALIKOVSKIY TO THE GREAT TROOPS OF THE DON COSSACK STATE (NOVEMBER 1919)

Аннотация. В статье анализируется деятельность украинской делегации Льва Чикаленко и Александра Саликовского во Всевеликом Войске Донском в ноябре 1919 г. – последней делегации в истории дипломатических отношений Украины и Дона. Исследуются причины, побудившие руководство Украинской Народной Республики отправить эту делегацию. Раскрываются поставленные перед Л. Чикаленко и А. Саликовским задачи и переговорный процесс украинских представителей с донскими и кубанскими политиками в Новочеркасске и Ростове-на-Дону.

Ключевые слова: Украинская Народная Республика, Всевеликое Войско Донское, Белое движение, Лев Чикаленко, Александр Саликовский.

Abstract. The article analyzes the activity of the Ukrainian delegation of Lev Chykalenko and Alexander Salikovskiy in the Great troops of the Don Cossack State in November of 1919. It was the last delegation in the history of diplomatic relations between Ukraine and the Don. The reasons that forced the leadership of the Ukrainian People's Republic to send this delegation are studied. The author discloses the problems L. Chykalenko and A. Salikovskiy were to solve and describes the talks between the Ukrainian representatives and the Don and Kuban politicians in Novocherkassk and Rostov-on-the Don.

Key words: the Ukrainian People's Republic, the Great troops of the Don Cossack State, the White movement, Lev Chykalenko, Alexander Salikovskiy.

В период Украинской революции 1917–1921 гг. большую роль играли взаимоотношения Украины с государствами, возникшими на территории бывшей Российской империи, в том числе с казачьим Доном (Всевеликим Войском Донским). Исследование этой темы позволяет проанализировать процесс формирования дипломатических делегаций и представительств, ведения межгосударственных переговоров, налаживания добрососедских отношений. Одним из эпизодов украинско-донских отношений стала деятельность делегации Л. Чикаленко и А. Саликовского на Дону в ноябре 1919 г. За исключением нескольких упоминаний в научной литературе [7; 14], она остается практически неизученной.

Отношения Украины с казачьим Доном начали складываться в 1917 г. при Центральной Раде. Наиболее продуктивно они развивались во времена Украинской Державы Гетмана П. Скоропадского, когда Киев и Новочеркасск подписали ряд межгосударственных договоров, обменивались дипломатическими представительствами. Однако после антигетманского восстания, прихода к власти Директории и восстановления Украинской Народной Республики (УНР) украинско-донские отношения прервались. Под натиском Красной армии Директория быстро утратила контроль над большей частью территории Украины, что превратило налаживание отношений с Доном во второстепенную задачу. В то же время произошли изменения и на Дону. В начале 1919 г. Донская армия вошла в состав Вооруженных Сил на Юге России (ВСЮР) генерала А. Деникина. Большой Войсковой Круг избрал Войсковым Атаманом А. Богаевского, сторонника деникинцев. Таким образом, завершился процесс инте-

© Мараев В.Р., 2013.

грации Всевеликого Войска Донского (ВВД) в военные и политические структуры Белого движения.

Летом 1919 г. объединенные украинские армии развернули наступление на Киев–Одессу. Деникинские ВСЮР начали решающий «поход на Москву». Они вытесняли большевиков из Левобережной и Южной Украины, подойдя к Киеву практически одновременно с украинскими войсками. После того, как белые захватили Киев (31 августа 1919 г.), военные действия между ними и УНР стали неизбежными. Украинское руководство приступило к поиску соглашения с донцами как составной частью Белого движения. 18 сентября и.о. министра иностранных дел УНР А. Ливицкий в циркуляре дипломатическим миссиям УНР отметил необходимость установления тесных связей с представительствами государств, возникших после распада Российской империи [10, с. 94]. Однако 24 сентября Директория объявила войну ВСЮР [5, с. 255–256; 4, с. 588–590; 2, с. 59–60]. Таким образом, украинское государство фактически оказалось в состоянии войны и с ВВД, поскольку Донская армия входила в состав ВСЮР.

Тем временем в занятом деникинцами Киеве интересы украинской общественности представлял Комитет общественных организаций. Он играл роль нелегального украинского правительства в городе [12, с. 118]. Стремясь поддерживать контакты с правительственными учреждениями УНР в Каменце-Подольском, в сентябре 1919 г. президиум Комитета отправил туда своего члена Льва Чикаленко[1]. В Каменце Л. Чикаленко имел частную беседу с главой Директории и Главным атаманом войск УНР С. Петлюрой. Она состоялась после 17 сентября [8, с. 50; 6, с. 221–222; 9, с. 110–111, 164]. Обращаясь к Л. Чикаленко как к представителю украинской общественности Киева, С. Петлюра «попросил срочно побывать в Новочеркасске и в Екатеринодаре, с кем можно об этом поговорить и выяснить, понимают ли казаки, что помогая добрармии уничтожать государственность Украины, они тем самым уничтожают и свою. Понимают ли они, что после нас придет их черед, а потом беззащитные и разбитые изнутри станем жертвами красной Москвы» [13, с. 351]. Таким образом, руководство УНР стремилось разделить и ослабить белогвардейский лагерь. С этой целью оно рассчитывало наладить связь с оппозиционными кругами казачьих государственных образований. Отношения непосредственно с донским и кубанским Войсковыми Атаманами, А. Богаевским и А. Филимоновым, были невозможны из-за их поддержки политического курса А. Деникина.

После возвращения из Каменца-Подольского в Киев Л. Чикаленко сообщил украинской общественности об указании С. Петлюры. Комитет общественных организаций ответственно подошел к формированию делегации на Дон и Кубань. Первым ее участником стал Л. Чикаленко, который уже имел опыт переговоров с белогвардейским и галицким командованием в Киеве 31 августа 1919 г. [12, с. 95–97, 118] Другим участником Комитет избрал Александра Саликовского – общественно-политического деятеля, который в 1913–1915 гг. жил в Ростове-на-Дону, редактируя ежедневную политическую, экономическую и литературную газету «Приазовский Край», одно из лучших провинциальных периодических изданий Российской империи. Публично было объявлено, что украинцы едут по поручениям газет «Рада» и «Промінь» [7, с. 179].

Посланники получили рекомендации к некоторым донским политикам. В частности, лидер Украинской партии социалистов-федералистов С. Ефремов был близко знаком с председателем Большого Войскового Круга В. Харламовым и дал рекомендацию к нему.

Л. Чикаленко и А. Саликовский выехали из Киева в конце октября – начале ноября 1919 г. Делегаты отправились Московско-Киевско-Воронежской железной дорогой через

[1] Гласный Киевской городской думы по списку Украинской социал-демократической рабочей партии, ученый-археолог и сотрудник Украинской академии наук, старший сын украинского общественного деятеля Евгения Чикаленко.

Круты, Бахмач, Харьков в Ростов. Л. Чикаленко, ссылаясь на штамп в паспорте, указывает, что места назначения они достигли 31 октября [13, с. 369]. Учитывая, что во Всевеликом Войске Донском официально использовался старый стиль, с высокой долей вероятности можно предполагать, что это произошло 13 ноября 1919 г. по новому стилю.

Украинские делегаты разместились в Ростове в доме контрагента Днепровского союза потребительских обществ. На следующий день они отправились в Новочеркасск, где провели встречу с В. Харламовым, результатами которой остались недовольны: «Толку никакого добиться не могли: все в его голове было занято неудачей на фронте. Когда мы сказали ему о цели нашего приезда, о необходимости взаимопонимания с политически значимыми, демократически настроенными лидерами казацкими, то он вовсе не проявил никакой заинтересованности и посоветовал нам найти его заместителя, влиятельного казацкого политика Агеева…» [13, с. 371].

Переговоры с П. Агеевым, возглавлявшим близкую к меньшевикам Донскую социал-демократическую партию [11, с. 436], оказались несколько более продуктивными. Он не лелеял особых иллюзий насчет будущего украинско-донского союза, но, по крайней мере, считал нужным обмениваться информацией с представителями УНР. П. Агеев пригласил украинцев на заседание Большого Войскового Круга, где они познакомились с членом президиума Круга Гнилорыбовым – тоже представителем левых политических сил. Однако Гнилорыбов, как и В. Харламов, не был склонен к переговорам с Л. Чикаленко и А. Саликовским. У украинских делегатов даже сложилось впечатление, что на Дону дальнейшее развитие событий в войне с большевиками оценивали более пессимистично, чем в УНР [13, с. 371].

В течение нескольких следующих дней Л. Чикаленко и А. Саликовский дважды встречались с П. Агеевым и кубанскими представителями на ужине в «Войсковом собрании» Новочеркасска. Во время второй встречи украинцы узнали от кубанцев тревожную новость. 19 ноября начальник тыла Кавказской армии ВСЮР генерал В. Покровский по приказу А. Деникина и П. Врангеля арестовал в Екатеринодаре 12 депутатов-самостийников Кубанской Краевой Рады. Причиной такого шага стало то, что делегация Кубанской Народной Республики в Париже подписала договор о дружбе с Союзом горских народов Кавказа, по которому стороны признавали государственный суверенитет и политическую независимость друг друга. Этот документ противоречил деникинскому лозунгу единой и неделимой России. 20 ноября член кубанской делегации и депутат Краевой Рады А. Кулабухов был казнен деникинцами по приговору военно-полевого суда [3, с. 221; 1, с. 360–361]. Опасность угрожала и украинским представителям, которые были вынуждены срочно возвращаться из Новочеркасска в Ростов. От поездки на Кубань пришлось вовсе отказаться [13, с. 372].

Через несколько дней Л. Чикаленко вернулся в столицу ВВД для встречи с П. Агеевым. Беседа была долгой и имела частный характер, ее содержание осталось неизвестным. В мемуарах украинский делегат лишь дает в целом положительный отзыв об этом донском политике [13, с. 373].

После возвращения в Ростов Л. Чикаленко и А. Саликовский посетили двух еврейских предпринимателей, с которыми А. Саликовский был хорошо знаком со времен работы в «Приазовском Крае». По их приглашению украинцы побывали на одной из крупнейших на постимперском пространстве табачной фабрике торгового дома «В.И. Асмолов и К°». Один из предпринимателей, Горфман, советовал им немедленно ехать с Дона, поскольку «катастрофа приближалась очень быстро» и поражение деникинцев ожидалось в ближайшие дни [13, с. 373].

В конце ноября 1919 г. Л. Чикаленко и А. Саликовский выехали в товарном вагоне из Ростова в Харьков, откуда буквально перед самым приходом большевиков, через Кременчуг и Ромодан, вернулись в Киев. Л. Чикаленко не скрывал: «Я считал нашу поездку совершенно неудачной. Ничего мы не сдела-

ли, ничего никому не сказали и ни на что не повлияли. Попали в такое время, когда уже людям было не до нас, и когда люди с нами хоть и говорили, но у каждого из наших собеседников сновали в голове свои мысли и на лицах отражались свои заботы» [13, с. 374].

Действительно, Л. Чикаленко и А. Саликовскому пришлось работать в очень сложное время. Армия УНР терпела тяжелые поражения от белогвардейских войск и откатывалась на запад, где стояли польские части, в то время как сами белогвардейцы терпели поражения от красных и откатывались в южном направлении.

Отметим, что большевики не оставили без внимания поездку Л. Чикаленко и А. Саликовского на Дон. Харьковский журнал «Комуніст» в № 4 за 1920 г. охарактеризовал ее как попытку установления связи «украинской контрреволюции» с Белым движением Юга России [7, с. 179].

7 января 1920 г. Красная армия после жестоких боев окончательно овладела Новочеркасском, 23 февраля – Ростовом, а в марте под ее контролем оказалась вся территория ВВД. Политическое руководство Дона и остатки Донармии эвакуировались во врангелевский Крым. В дальнейшем УНР старалась наладить контакт уже не отдельно с донцами, а в целом с Белым движением в Крыму. Л. Чикаленко включили в состав миссии УНР в Крыму в августе–сентябре 1920 г. [14, лл. 155–156].

Таким образом, делегация Л. Чикаленко и А. Саликовского была отправлена Комитетом общественных организаций Киева во Всевеликое Войско Донское в ноябре 1919 г. Ее сформировали по просьбе председателя Директории УНР С. Петлюры. Посланники должны были ознакомиться с политическим положением на Дону и прозондировать возможность разрыва союза ВВД с А. Деникиным. Однако в сложившихся на то время условиях на Дону фактически не оказалось заинтересованных в этом сил. Приезд украинской делегации не вызвал особого интереса и из-за стремительного ухудшения положения казаков на большевистском фронте. Она стала последней украинской делегацией во Всевеликое Войско Донское, поскольку в начале 1920 г. Красная армия захватила территорию казачьего государственного образования.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Врангель П.Н. Записки. Ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.: В 2 т. – Т. 1. – Минск: Харвест, 2002. – 480 с.
2. Данилов А.А. Добровольцы и петлюровцы // Белая армия. Белое дело. – Екатеринбург: НИЦ «Белая Россия», 2004. – № 14. – С. 52–68.
3. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Вооруженные силы юга России. Заключительный период борьбы. Январь 1919 – март 1920. – Минск: Харвест, 2002. – 464 с.
4. Директорія, Рада Народних Міністрів Української Народної Республіки. Листопад 1918 – листопад 1920 рр.: Док. і матеріали. У 2-х т., 3-х ч. – Т. 2 / Упоряд.: В. Верстюк (керівник) та ін. – К.: Видавництво ім. Олени Теліги, 2006. – 744 с.
5. Доценко О. Літопис Української Революції. Матер. й док. до історії Української Революції. 1917–1923. – Т. II, кн. 4. – К.–Львів: Накладом автора, 1923. – 364 с.
6. Завальнюк К.В. Провісники волі. Повстанський рух на Поділлі у персоналіях (20-і роки XX ст.). – Літин: «Літинська райдрукарня», 2005. – 352 с.
7. Іваницька С.Г. О.Х. Саліковський як представник національної ліберальної еліти в добу українських визвольних змагань 1917–1921 років // Наукові записки Вінницького державного педагогічного університету ім. М. Коцюбинського. – Вип. XIV. Серія: Історія. – Вінниця, 2008. – С. 177–182.
8. Кам'янець – остання столиця УНР. Путівник. – Кам'янець-Подільський: ПП «Медобори–2006», 2011. – 64 с.
9. Коваль Р. Отаман Зелений. – К.: Історичний клуб «Холодний Яр»; Кам'янець-Подільський: ПП «Медобори–2006», 2011. – 464 с.
10. Ковальчук М. Невідома війна 1919 року: українсько-білогвардійське збройне протистояння. – К.: Темпора, 2006. – 576 с.
11. Краснов П.Н. Всевеликое Войско Донское // Краснов П.Н. На внутреннем фронте; В донской станице при большевиках; Всевеликое Войско Донское. – М.: Айрис–пресс, 2003. – С. 227–442.
12. Машкевич С. Два дня из истории Киева: 30–31 августа 1919 г. – К.: Сидоренко В.Б., 2010. – 160 с.
13. Чикаленко Л.Є. Уривки зі спогадів. З років 1919–1920 // Чикаленко Є.Х. Щоденник (1918–1919). – К.: Темпора, 2011. – С. 335–414.
14. Штанько Я.В. Білий рух півдня Росії і Українська Держава та УНР (1918–1920 рр.): Дис. … канд. іст. наук. – Івано-Франківськ, 2006. – 214 арк.

УДК 930

Децюк А.Р.
Московский государственный областной университет

БОЕВОЕ КРАСНОЕ ЗНАМЯ: АСПЕКТЫ БЫТОВАНИЯ

A. Detsyuk
Moscow State Regional University

THE RED COMBAT BANNER: ASPECTS OF BEING

Аннотация. В статье раскрываются специфические и крайне важные аспекты бытования Боевого Красного Знамени во время Великой Отечественной войны. Автор изучает роль знамени в войсках, специфику перемещения и награждения знаменами. В основе исследования лежит анализ и систематизация данных Центрального архива Министерства обороны РФ, а также специальные исторические и историографические труды. Проведя анализ архивных источников и историографии, автор пришел к заключению, что роль знамени в качестве мощнейшего воспитательного инструмента была крайне велика. Но системности в использовании Знамени не было, оно носило фрагментарный характер. Перемещение и награждение знаменами сопровождалось большим количеством специальных мероприятий.

Ключевые слова: Боевое Красное Знамя, воинская часть, фронтовая газета, знаменная система СССР, Рабоче-крестьянская Красная армия.

Abstract. The article reveals the specific and very important aspects of the existence of the red banner during the great Patriotic war. The author studies the role of banners in the armed forces, the specificity of the movement and the ceremony of awarding by the banners. The research is based on the analysis and systematization of the data of the Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation, as well as the specific historical and historiographical works. Having carried out the analysis of archival sources and historiography, the author came to the conclusion that the role of banners as a powerful educational tool was extremely high. But there was no system in the use of the banner; the process had a fragmentary character. Moving and awarding by the banner was accompanied by a large number of special events.

Key words: the Red Combat Banner, military unit, frontline newspaper, banners system of the USSR, the Workers ' and peasants ' red army.

Вопрос о различных аспектах и гранях бытования Боевого Красного знамени актуален и крайне важен в исторической науке, поскольку ответ на него позволит лучше понять комплекс тех воспитательных мероприятий и ритуалов, которые имели место в частях РККА во время Великой Отечественной войны, а также расширит представление о знаменной системе СССР в отдельно взятом временном отрезке, и, возможно, внесет коррективы в, казалось бы, стройные теоретические рассуждения.

Итак, какова была роль Знамени в войсках во время войны? Прежде всего отметим статусное положение Боевого Знамени в частях РККА. Помимо того, что знамя было символом воинской чести, доблести и славы (о чем свидетельствуют документы), это еще и мощнейший воспитательный и идеологический инструмент. На этой святыне воины воспитывались, через нее они прикасались и чувствовали сопричастность к прошлому нашей Родины, к истории и настоящему своей части, осознавали ответственность за судьбу страны. Перед Красным Знаменем воины давали присягу и клятву драться с врагом не щадя своей жизни и крови. Существуют документы, свидетельствующие о том, что наличие знамён в частях отслеживалось. А если знамёна отсутствовали, то проблему старались решить в максимально короткие сроки. Награждение знаменем сопровождалось особыми мероприятиями, оркестрами, совещаниями, инспекциями. Важно установить, каков был процесс перемещения знамени при расформировании части или передислокации и провести анализ этого процесса. Особенно

© Децюк А.Р., 2013.

показательны случаи утери знамени и меры наказания за столь тяжкое преступление.

Знамённая система войск Красной Армии формировалась под влиянием нескольких факторов. После Февральской революции 1917 г. советское руководство столкнулось с необходимостью создания знамён для формируемых частей, которые отправлялись на фронты Гражданской войны. Зачастую их делали по своему произволу и образцу [1, с. 6]. Изначальное авторство многих знамён – это стихийное творчество масс [2, с. 24–25]. В некоторых случаях использовались царские знамёна, на которые нашивали новые лозунги и эмблемы. На первых знамёнах нашел свое отражение фактор многонационального состава частей Красной Армии. В рядах 11-й армии в период Гражданской войны сражались представители 60 национальностей [3, с. 2]. Эти факторы необходимо учитывать при изучении становления и развития советской знамённой системы, поскольку не все знамёна обозначенного периода найдены и классифицированы. События первых лет советского государства наложили отпечаток на развитие знамённой системы в будущем. После событий Февраля 1917 г. знамёна превращаются в одно из главных орудий политической борьбы. Новые лозунги появляются первоначально на знамёнах. А потом – на монетах, марках и т. д [2, с. 18].

В ряде постановлений советского правительства вопрос о положении Красного Знамени будет уточняться и корректироваться. Отметим наиболее важные из этих постановлений. Постановление ЦИК и СНК СССР от 11 июля 1926 г. "Об утверждении Положения о революционных Красных Знамёнах частей рабоче-крестьянской Красной Армии"[4, с. 337]. В нем впервые зафиксированы различные аспекты бытования Знамени: положение, место нахождения, каким частям оно полагается, перемещение, передача знамён. Постановление Президиума ЦИК Союза ССР от 23 ноября 1926 г. "Об учреждении почетного революционного Красного Знамени и почетного революционного Военно-морского Флага" [4, с. 342–345] включает крайне важный пункт: подробное описание знамени. Положение от 27 ноября 1932 г. "О Почетном Революционном Красном Знамени и Почетном Революционном Военно-морском флаге" [4, с. 360–365] практически копирует постановление от 1926 г. Однако есть в нем и новое – отдельные параметры (размер элементов, число лучей) претерпели изменения, которые в дальнейшем станут предметом изучения. Постановление Президиума ЦИК СССР от 17 февраля 1934 г. "О дополнении Положения о Почетном Революционном Красном Знамени и Почетном Революционном Военно-морском флаге" [4, с. 368–369] фиксирует передачу знамён отраслевым музеям. Следует отметить, что эти директивные документы были последние до начала Великой Отечественной войны. Таким образом, знамённая система 1920-х гг., претерпевая незначительные изменения, дожила до 1941 г.

Особый статус и положение знамени в частях РККА отражены в официальных документах периода войны. Так, Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 декабря 1942 г. «Положение о Красном Знамени воинских частей Красной Армии», гласит: «1. Красное Знамя есть символ воинской чести, доблести и славы, оно является напоминанием каждому из бойцов и командиров воинской части об их священном долге преданно служить Советской Родине, защищать её мужественно и умело, отстаивать от врага каждую пядь родной земли, не щадя своей крови и самой жизни» [4, с. 395–396]. Этот пункт включался в приказы по воинским соединениям армии при вручении Боевого Красного Знамени[1]. Помимо того, что знамя – это святыня, оно напоминает бойцам о долге защищать Отечество, отстаивать родную землю, выступает в роли мощного воспитательного средства, имеющего сильное влияние на солдат и офицеров. Давая клятву при знамени, воин давал клятву и погибшим товарищам, что особо подчеркивалось: «Получив Красное Знамя полка, весь офицерский, сержантский и рядовой состав дал клятву, что Красное Знамя,

[1] Центральный архив Министерства обороны (далее ЦАМО). Ф. 33А. Оп. 8771. Д. 17. Л. 103, 129, 154.

омытое кровью лучших сынов нашего народа, мы будем беречь как зеницу ока»[1]. В некоторых приказах имена героев перечислялись[2]. День получения знамени был крайне важным событием в жизни части: «Получение Красного Знамени – акт величайшей политической важности нашего полка»[3].

Понимание особого статуса знамени формировалось и определенным комплексом воспитательных мероприятий. Так, были распространены снимки бойцов рядом со знаменем[4]. Фронтовые газеты готовили целые полосы с использованием тематики знамени. В докладе о работе редакции газеты 40-й Армии «За советскую Родину» (17 апреля 1943 г.), подчёркивалось: «Кто к знамени присягал единожды, так у оного и до смерти стоять должен»[5]. В одном из подразделений лучшие бойцы и командиры произносили речь, выходя к знамени[6].

В докладе о роли газеты («В бой за Родину». 30 гв. сд. 27.6.1943 г.) в военном, политическом и культурном воспитании личного состава есть целый раздел под названием «Воспитание любви к боевому знамени», где освещаются подвиги, связанные со знаменем, а также обобщается опыт воспитательной работы с использованием знамени. Данный опыт использования знамени в качестве воспитательного инструмента был оценен руководством положительно. Было предложено другим воинским частям перенять его. Фрагментарность и исключительность материала не позволяет нам говорить о том, что имела место система воспитательных мероприятий с использованием знамени. Скорее это были эпизоды, сопровождаемые комплексом мероприятий.

Боевое Красное Знамя имело особое значение в частях РККА. В переписке, приказах и приказаниях фиксируется контроль за наличием знамен: «… доношу, что 2-я гвардейская Краснознаменная танковая бригада имеет положенные знамена: Боевое Красное Знамя и гвардейское Красное Знамя»[7]. По отчёту от 26.10.44 г., из 5 частей, фигурирующих в отчете, две не имеют ни орденов, ни знамён[8]. Проблему отсутствия знамён в частях старались решать оперативно, хотя не всегда это получалось. «Во многих полевых и отдельных частях нет установленных Красных Знамен, что является нарушением Указа Президиума Верховного Совета СССР и приказов НКО»[9]. Речь идет об указе, датируемом 21 декабря 1942 г. – Положение о Красном Знамени воинских частей Красной Армии и от 11 июня 1943 г. – Положение о Красных Знаменах Гвардейской армии и гвардейского корпуса. Таким образом, указы, полученные воинскими частями в декабре 1942 г. и июне 1943 г., к 28 декабрю 1943 г. выполнены не были. Поскольку, как сообщает документ, во многих частях Знамён нового образца не было.

Вручение Знамени сопровождалось определенными торжественными мероприятиями и проведением инструктажей для частей, которым будут вручаться Знамена. В Плане вручения Красных Знамен частям 33 Армии от 14 января 1944 г. все вышеперечисленные компоненты отражены. 1-м пунктом стоит инструктивное совещание о порядке вручения и, что особенно важно, хранения Красных Знамен. Далее по пунктам расписаны процедура вручения, беседы, которые необходимо провести с командирами и бойцами, назначение знамённых групп[10].

Вручение Знамени происходило в присутствии высшего командного состава части, при этом запрашивалось время и место вручения Знамени: «…Прошу сообщить нарочным или по телеграфу, когда и где предполагаете производить вручение Знамени частям 173 и 274 стрелковым дивизиям…»[11]. Также запрашивалась необходимость присутствия военного оркестра при вручении Знамени: «…и нужен ли будет вам оркестр для игры во время вручения»[12].

[1] ЦАМО. Ф. 33А. О. 8771. Д. 17. Л. 103.
[2] ЦАМО. Ф. 33А. Оп. 8771. Д. 17. Л. 104.
[3] ЦАМО. Ф. 33А. Оп. 8771. Д. 17. Л. 154.
[4] ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2526. Д. 28. Л. 43.
[5] ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2526. Д. 28. Л. 82.
[6] ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2526. Д. 28. Л. 92.
[7] ЦАМО. Ф. 33А. Оп. 08771. Д. 17. Л. 7.
[8] ЦАМО. Ф. 33А. Оп. 08771. Д. 17. Л. 301.
[9] ЦАМО. Ф. 33А. Оп. 08771. Д. 17. Л. 5.
[10] ЦАМО. Ф. 33А. Оп. 08771. Д. 17. Л. 27.
[11] ЦАМО. Ф. 33А. Оп. 08771. Д. 17. Л. 59. Так в тексте.
[12] ЦАМО. Ф. 33А. Оп. 08771. Д. 17. Л. 59.

При передислокации воинской части боевое Красное Знамя отправлялось по новому месту пребывания, что отслеживалось юридически. В случае расформирования воинской части Знамя передавалось в специализированный музей. Из донесения начальнику штаба артиллерии 33 Армии: «На основании распоряжения штаба Западного фронта за №078 от 5 января с/г для сведения сообщаю, что при выполнении пунктов 4.26 и 28 приказа Зам. НКО №296 от 9.10.1943 г., – разрешается старые боевые знамена, артиллерийский частей, учреждений, преобразованных в гвардейские, погибших в боях в период Великой Отечественной войны и расформированных – отправлять в артиллерийский исторический музей Красной Армии порядком, указанным в приказе НКО №743 от 27.3.43 г.»[1].

Бытует мнение о том, что потеря знамени, особенно в период Великой Отечественной войны, каралась жёстко. Часть расформировывалась, а командиры наказывались судом военного трибунала. В пользу такого мнения говорят и юридические документы. Из Указа Президиума Верховного Совета СССР от 21 декабря 1942 г., пункт 5: «При утрате Красного Знамени вследствие малодушия войсковой части ее командир и весь командный состав, виновные в таком позоре, подлежат суду военного трибунала, а войсковая часть – расформированию» [4, с. 395]. В одной из красноармейских газет по этому поводу сказано следующее: «Испокон веков воинское знамя считается святыней. Святыней является и Красное Знамя, вручённое твоей части. Перед ним ты поклялся как свою честь охранять знамя своей части, ибо это – знамя нашей славы, знамя нашей победы. Помни: нет более тяжкого преступления, чем утеря Красного Знамени. Родина, семья, мать, жена, дети навеки заклеймят виновных в этом позоре»[2].

Казалось бы, все понятно. Оба документа свидетельствуют о том, что наказание за потерю знамени было суровое и неотвратимое. Однако, поставив под сомнение устоявшуюся точку зрения, обратимся за подтверждением этих данных к архивным документам. И постараемся разобраться, а как дело обстояло на практике.

Проработанный архивный материал дает исследователю два примера утери Знамени. Стоит заметить, что многие архивные дела, касающиеся данной темы исследования, стоят под грифом ВК (Военная Прокуратура) и на руки они не выдаются. Несколько проработанных дел рассекречены в 2009 г., и нам впервые удалось с ними ознакомиться.

В одном из этих случаев из-за халатности некоего лейтенанта Павлова знамя 573 батальона связи было украдено. Наказан был капитан Рутковский, который выдал знамя лейтенанту. При том, что Павлов не имел доверенности и положенной специальной охраны, были применены следующие меры наказания: понижение в должности, 15 суток ареста, с удержанием 50% из зарплаты. В другом случае пропало знамя 390 стрелкового полка при следующих обстоятельствах: полк в ночь на 10.2.1943 г. попал в окружение и втянулся в сражение. После окончания завязавшегося боя, в результате которого полк понес значительные потери в живой силе и технике, командир полка был убит, военком полка и штабные офицеры пропали без вести, был обнаружен сейф, но в нём Боевого Красного Знамени полка не оказалось, осталась только грамота. О пропаже Боевого Знамени своевременно было донесено через Отдел Оргучетный и Укомплектования штаба 58 армии. Проверка прокуратуры по этому делу результатов не дала. По архивным данным ясно видно, что дело логического завершения не имело[3]. Конечно, обязательно нужно учесть, что в данных случаях перед исследователем встает очень трудная задача. Исходя из указа Президиума Верховного Совета СССР от 21 декабря 1942 г., за проявление малодушия и, как следствие, утерю знамени следовало наказание. Но как понять, что в данном конкретном случае проявлено малодушие или нет? Если считать халатность

[1] ЦАМО. Ф. 33А. Оп. 08771. Д. 17. Л. 66. Л. 230.

[2] ЦАМО. Ф. 215 СД. Оп. 1. Д. 86. Л. 25.

[3] ЦАМО. Ф. 33А. Оп. 08771. Д. 17. Л. 390, 388, 384, 358, 222.

малодушием, то наказание должно быть по всей строгости военного времени, что не подтверждается архивным документом. Тогда перед нами интересный прецедент. Преступление и наказание за него прописано в указе, отражено в газетах, но на практике его не применили, а использовали более простые виды ответственности. Второй случай ставит еще больше вопросов. Знамя было утеряно во время боя. Местонахождение знамени неизвестно, виновные в этом не найдены военной прокуратурой. Даже был послан запрос по вопросу изготовления нового знамени. Расследованием Военной прокуратуры 33 Армии установить ничего не удалось. В архивных источниках сохранилась переписка по вопросу утери боевого Красного Знамени и запрос о возможности заказать новое боевое Красное Знамя для 390 стрелкового полка. Представляется необходимым еще не один поход за истиной для того, чтобы ответить на поставленные документами вопросы. Пока скупые архивные данные ставят под сомнение жестокость и неотвратимость наказания за утерю Боевого Красного Знамени.

Резюмируя все вышесказанное, следует отметить, что Боевое Красное Знамя имело разные аспекты бытования. Знамя использовалось как мощнейший воспитательный инструмент. Но использование знамени в данном качестве не имело системности, а носило лишь фрагментарный характер. Это говорит о том, что представление о его значимости было уже частично сформировано у рядового и офицерского состава еще до войны. Боевые действия лишь активизировали эту значимость в новых условиях. Являя собой олицетворение Советской Родины, знамя часто использовалось в воспитательной работе в частях РККА. Советское руководство постоянно искало формы и виды применения знамени в подобного рода работе среди рядового и офицерского состава. Удачный опыт отдельных частей по возможности тиражировался и ставился в пример другим частям. Поставив под сомнение неотвратимость сурового наказания за потерю Боевого Красного Знамени, мы, как представляется, смогли на основе документов доказать, что стройность и логичность теоретических рассуждений не всегда согласуется с практикой. Открылась новая грань вопроса с неясностями, нуждающимися в специальном исследовании.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Зайцева Л.П. Историческое наследие вексиллологии // Гербовед. – М.: РГК 2007. – С. 4–7.
2. Каталог коллекции. Боевое знамя. Ч. I. 1917–1940. Музей ВС СССР. – М., 1987. – 87 с.
3. Корнаков П.К. Знамена Февральской революции // Государственный ордена Ленина Эрмитаж. Геральдика. Материалы и исследования. – Л., 1983. – С. 12–27.
4. Соколов В.А. Вексиллологический справочник по флагам Российской империи и СССР: в 2 ч. – Ч. 1. – М.: МГИУ, 2002. – 643 с.

УДК 94(470.332):329.78

Королев С.В.
Смоленский государственный университет

ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОЛОДЕЖНЫХ ДВИЖЕНИЙ В СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ (90-е гг. XX в.)

S. Korolyov
Smolensk State University

ON THE HISTORY OF CREATION AND ACTIVITIES OF YOUTH MOVEMENTS IN SMOLENSK REGION (THE NINETEEN NINETIES)

Аннотация. В настоящей статье на архивном, впервые вводимом в научный оборот материале рассматривается история создания и деятельности молодежных движений в Смоленской области, одном из западных и одновременно центральных, близких к Москве регионов России в 90-е гг. XX в. Исследуемый период характеризуется сложными неоднозначными процессами, реформирующими жизнь государства в переломный момент его истории. Показывается, как после распада ВЛКСМ образовывались молодежные движения различной общественно-политической направленности, анализируется их роль в проведении демократических преобразований в России конца XX в.

Ключевые слова: общественно-политические молодежные движения, демократические преобразования в России конца XX в., роль молодежи в реформировании общества, Смоленская область.

Abstract. Basing on the archival materials introduced into the scientific circulation for the first time, the present article considers the history of creation and activities of youth movements in Smolensk Region, one of the western and at the same time central, closest to Moscow regions. The period under research is characterized by complicated and ambiguous processes which reformed the life of the state at the critical moment of its history. The article shows that after the collapse of the All-Union Leninist Young Communist League, there appeared a number of youth movements of different social orientations. The author analyses their role in the democratic reforms in Russia at the end of the 20th century.

Key words: socio-political youth movements, democratic reforms in Russia at the end of the 20th century, the role of the youth in reforming the society, Smolensk Region.

Одним из основополагающих факторов общественного прогресса является преемственность поколений. В последнее десятилетие XX в. историческая ситуация в России характеризовалась сложными и неоднозначными процессами, меняющими ее экономику, политику, административное и правовое управление. Демократические преобразования возможны только при активном участии в них молодежи, которая составляет, по подсчетам специалистов, четверть всего населения Российской Федерации [1; 2]. Последняя статистика подтверждает, что общая численность российской молодежи составляет на 1 ноября 2012 г. 31558000 человек. Это 22,06 процента от общей численности населения России[1].

Обратимся к истории общественно-политических молодежных движений, которые активно действовали в Смоленской области в 90-е гг. XX в. Источниковой базой исследования послужили архивные документы Государственного архива новейшей истории Смоленской области, впервые вводимые в научный оборот. Изучение деятельности молодежных движений начала преобразований в России позволит выявить некоторые недочёты современной молодежной политики как в деятельности отдельных ведущих политических партий, так и на уровне государства.

© Королев С.В., 2013.

[1] Данные приведены по таблице «Распределение численности населения Российской Федерации по полу и возрастным группам на 1 января 2012», которая опубликована на официальном сайте Федеральной службы государственной статистики www.gks.ru/free_doc/2012/demo/nasvoz12.xls (дата обращения 14 марта 2013 г.).

Общественно-политическая обстановка в России в 90-е гг. XX в. была крайне нестабильной, что связано непосредственно с импульсивными и не всегда последовательными действиями первого Президента РФ Б.Н. Ельцина и крайне радикальными реформами, проводимыми правительством Е.Т. Гайдара. С общественно-политической точки зрения, это был период образования многочисленных партий и разнообразных молодежных движений.

На первой конференции Ленинского Коммунистического Союза Молодежи (ЛКСМ) РСФСР в октябре 1991 г. было зачитано обращение Б.Н. Ельцина, где он выражал надежду на демократические преобразования, которые будут осуществляться с помощью новой комсомольской организации[1]. Однако уже тогда были даны рекомендации к ее реорганизации и переименованию в Российский Союз Молодежи (РСМ).

Реорганизация ЛКСМ на Смоленщине произошла уже 25 января 1992 г. В этот день состоялась внеочередная XXVII областная конференция, в отчете которой констатировалось, что за последние три года численность организации резко упала (приблизительно в два раза)[2], пошел процесс коммерциализации ее деятельности, передел комсомольской собственности[3], что во многом дискредитировало организацию в глазах её членов. Было принято решение трансформировать ЛКСМ в РСМ и перевести её из статуса общественно-политической в общественную[4]. Был определен еще более четкий статус РСМ как негосударственной некоммерческой общественной организации. При этом отмечалось, что: «РСМ – правопреемник ЛКСМ РФ»[5].

Далее РСМ, естественно, стал позиционировать себя как общероссийская неполитическая, реализующая разнообразные программы и проекты молодежная организация. Однако на Смоленщине РСМ долго имел коммунистическую направленность, что в области, которая была причислена в публицистике к «красному поясу России», было неудивительно[6].

Одной из первых партий на Смоленщине, которая создала собственное молодежное крыло, была Либерально-демократическая партия России (ЛДПР). 8 апреля 1993 г. на учредительной конференции жителей города Смоленска было принято решение о создании Смоленской областной организации ЛДПР. За основу был взят Устав ЛДПР. 19 ноября 1993 г. эта организация прошла регистрацию и получила свидетельство Управления юстиции Администрации Смоленской области. В Уставе ЛДПР сказано, что создается молодежная и женская организации. Подчеркнуто, что первичные организации – основное звено партии[7].

Вся работа Регионального отделения ЛДПР была направлена на политическую борьбу с противниками; главная задача середины 1990-х гг. – выйти из полуподполья[8]. Молодежная политика партии в первые годы не была эффективной: так, на конец 2000 г. вся молодежная организация составляла 68 человек[9].

И тем не менее были сделаны попытки активизировать в районах работу с молодежью. В протоколе оргсобрания молодежи города Починка от 3 апреля 1998 г. находим сведения о создании Починковской молодежной организации ЛДПР[10]. На собрании присутствовало 57 человек, из них 45 членов ЛДПР.

[1] Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО). Ф. 2785. Оп. 1. Д. 95. История развития молодежного движения в России, подготовленная к 85-летию РСМ в 2003 году. Л. 2.

[2] ГАНИСО. Ф. 2785. Оп. 1. Д. 2. Протокол XXVII внеочередной областной конференции и материалы от 25 января 1992 г. Л. 2.

[3] Там же. Л. 5.

[4] Там же. Л. 6.

[5] Там же. Л. 12.

[6] ГАНИСО. Ф. 2785. Оп. 1. Д. 91. Программа и Устав РСМ за 2003 год. Л. 1-2.

[7] ГАНИСО. Ф. 2792. Оп. 1. Д. 15. Устав и сведения о регистрации ЛДПР за 1992 г. Л. 7-8.

[8] ГАНИСО. Ф. 2792. Оп. 1. Д. 29. Документы (методические указания, инструкции, пожелания) для организации работы по всем направлениям деятельности регионального отделения ЛДПР за 1994–1999 гг. Л. 5.

[9] ГАНИСО. Ф. 2792. Оп. 1. Л. 30.

[10] ГАНИСО. Ф. 2792. Оп. 1. Д. 103. Протокол организационного собрания молодежи г. Починка от 3 апреля 1998 г. Об учреждении Починковской молодежной организации ЛДПР. Л. 1.

Наименование своё организация получила по названию печатного органа ЛДПР – «Сокол Жириновского». Конечный список членов молодежной организации – 43 человека, 1981–84 гг. рождения в основном[1]. Работа молодежной организации состояла в следующем: создание бригад для выездных мероприятий, поддержка на выборах кандидатов ЛДПР, пикеты, митинги протеста, уличные акции, агитационно-просветительская работа с жителями региона, вербовка в члены ЛДПР и пр. Однако, судя по документам (например, отчеты о работе региональной организации ЛДПР за 1996–1997 гг.[2]), активной работы с молодежью так и не проводилось. Например, в методических указаниях Жириновского о ведении идеологической работы в регионах страны (1996) ничего не говорится о работе с молодежью[3]. Есть общие инструкции о проведении уличных акций, пикетов и пр., есть даже инструкции о пользовании Интернетом для связи с Москвой[4], но о деятельности молодежной организации партии указания из центра отсутствуют.

Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ), единственная из нескольких коммунистических партий России, образовавшихся после распада КПСС, получившая статус парламентской, долгое время не уделяла должного внимания организации своего молодежного «крыла». Только в конце 90-х гг. XX в. партия занялась организацией собственного молодежного движения. Учредительный съезд в феврале 1999 г. создал общероссийскую общественную организацию «Союз Коммунистической Молодежи Российской Федерации» (СКМ РФ), которая теперь является одним из главных официальных молодежных объединений коммунистической направленности [3, с. 155–161].

Уже 6 февраля 1999 г. было созвано Смоленское областное собрание молодежи КПРФ, где был заслушан отчет о работе молодежной секции обкома КПРФ. Эта молодежная секция была создана в июне 1997 г.[5]. Было принято решение о создании Смоленского регионального отделения Общероссийской общественной организации СКМ РФ[6], определены направления работы молодежного движения, которые в принципе уже реализовывались Молодежной секцией обкома КПРФ: политическая учеба молодежи, агитационно-пропагандистская работа, дискуссионные клубы, работа со студентами, организация протестных акций[7]. В списках новой организации числилось много членов ЛКСМ[8].

В 90-е гг. XX в. в Смоленской области действовало отделение Российской объединённой демократической партии «Яблоко». Так, в списке районных организаций Смоленского регионального отделения «Яблоко» за 1997 г. есть указание на существование молодежной организации. Учредительная конференция прошла 6 августа 1995 г., утверждена организация Региональным советом 10 августа 1995 г., протокол № 6[9]. Юридический статус организации – «Отделение Смоленского объединения «Яблоко». На 15 июля 1997 г. в молодежной организации состояло 26 человек, в основном студенты смоленских вузов[10]. В 1990-х гг. смоленское молодежное «Яблоко» не являлось еще региональным представительством Межрегионального молодежного союза «Яблоко»[11]. Деятельность его носила декларативный характер. Реализовывались общие принципы: либерализм, соблюдение Конституции, принцип демократии, борьба за рыночную экономику, продолжение либе-

[1] ГАНИСО. Ф. 2792. Оп. 1. Д. 103. Л. 3-5.

[2] ГАНИСО. Ф. 2792. Оп. 1. Д. 41. Отчеты о работе региональной организации ЛДПР за 1996–1997 гг. 35 л.

[3] ГАНИСО. Ф. 2792. Оп.1. Д. 29. Документы (методические указания, инструкции, пожелания) для организации работы по всем направлениям деятельности регионального отделения ЛДПР за 1994–1999 гг. Л. 16–24.

[4] Там же. Л. 20 и др.

[5] ГАНИСО. Ф. 2822. Оп. 1. Д. 7. Протокол областного собрания молодежи КПРФ от 6 февраля 1999 г. Л. 5.

[6] Там же. Л. 1.

[7] Там же. Л. 14.

[8] Там же. Л. 24–30.

[9] ГАНИСО. Ф. 2826. Оп. 1. Д. 47. Список районных организаций Смоленского регионального отделения «Яблоко» за 1997 г. Л. 2.

[10] ГАНИСО. Ф. 2826. Оп. 1. Д. 139. Справка о Смоленской региональной организации «Яблоко» от 15 июля 1997 г. Л. 1.

[11] Там же.

ральных реформ, защита прав и свобод граждан, борьба за экологию[1].

По неподтвержденным данным, в 1990-е гг. в Смоленской области действовала Национал-большевистская партия (нацболы), которая в основном состояла из молодежи, но об этом лишь косвенно указывается в документах других партий (например, того же «Яблока»)[2].

Партии «Наш дом – Россия»[3] и «Выбор России»[4] молодежных движений не имели, хотя в 1990-е гг. пользовались определенным влиянием на Смоленщине.

«Молодежное Единство» – организация партии «Единство», которая позднее была преобразована в «Молодую Гвардию Единой России» появилась в Смоленской области только в 2000 г., на рубеже тысячелетий[5].

Итак, как показало проведенное исследование, участие молодежи в реформировании общества и государства на переломном этапе их развития – объективный и закономерный процесс. Однако использование потенциала молодежи в проведении реформ государственного и общественно-политического характера не всегда отвечало возможностям молодежи. На примере создания и деятельности различных молодежных движений, возникших при вновь создаваемых различных российских партиях, как в зеркале, можно увидеть трудности создания новых молодежных движений и не всегда верную политику этих партий по отношении к молодежи.

Следует сделать общий вывод, что возникшие после распада КПСС партии не особенно торопились с созданием собственных молодежных организаций, сосредоточивая свои усилия в основном на выборных кампаниях в различные государственные органы. Молодежь обычно привлекалась в качестве организаторов различных уличных акций и пикетов. Наибольшее внимание молодежи уделяли партии коммунистической направленности (в частности – КПРФ), так как именно комсомол явился базой для создания молодежных движений коммунистической ориентации. И тем не менее СКМ РФ была образована только в 1999 г. Первоначально РСМ явился своеобразным преемником ЛКСМ, позднее был преобразован в негосударственную некоммерческую общественную организацию. Одной из первых свое молодежное крыло образовала партия ЛДПР, но, как мы показали на примере Смоленского региона, молодежное движение ЛДПР существовало во многом лишь формально. Молодежная организация партии «Яблоко», хотя и была образована уже в середине 90-х гг., но изначально была элитарной (студенческой) и малочисленной, поэтому не могла влиять на действенность демократических преобразований. «Молодежное Единство» возникло только в 2000 г., в начале нового тысячелетия. Тем не менее именно это молодежное движение дало начало самому многочисленному в настоящее время молодежному движению – «Молодой Гвардии Единой России».

Мы считаем, что участие молодежи в виде общественно-политических движений и организаций различной политической направленности в демократических преобразованиях нашего государства – весьма прогрессивный и действенный путь реализации молодежной политики. Молодежь – социальная сила, готовая к любым начинаниям. И это, несомненно, тот выигрышный фактор, который позволяет активно использовать высокий действенный потенциал молодежи, как правило, идущей за лидером. И если правильно расставлены акценты и определены приоритеты в молодежной политике той или иной партии и в целом в государственной молодежной политике, то ее реализация принесет пользу продвижению демократических преобразований в России.

[1] ГАНИСО. Ф. 2826. Оп. 1. Д. 75. Документы (тезисы, соглашения, обращения) об объединении регионального отделения СПС и «Яблоко» Л. 8.

[2] ГАНИСО. Ф. 2826. Оп. 1. Д. 77. Реферат члена молодежной организации «Яблоко» Р. Костромина на тему: «Смоленская область: политические процессы». Л. 1-3.

[3] ГАНИСО. Ф. 2800. Смоленское региональное отделение Всероссийского общественно-политического движения «Наш дом - Россия».

[4] ГАНИСО. Ф. 2801. Смоленское региональное отделение общественно-политического движения «Выбор России».

[5] ГАНИСО. Ф. 2840. Оп. 1. Д. 7. Сведения о количественном и качественном составе членов Смоленского регионального отделения «Молодежное Единство». Л. 1.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Козлова О.Н. Молодежь России в 90-е годы // Социально-политический журнал. – 1997. – № 3. – С. 246–256.
2. Пашкевич Л.Ф. Роль молодежи и молодежных организаций в формировании гражданского общества в Беларуси // Проблемы человека в современном социально-гуманитарном знании: материалы Международного научно-практического семинара. Витебск, 14 мая 2010 г. Ч. I / Под общ. ред. О.И. Чесноковой. – Витебск: ВГТУ, 2010. – С. 94–96.
3. Савельев В.А. Горячая молодежь России. Лидеры. Организации и Движения. Тактика уличных битв. Контакты. – М.: ООО «Кванта», 2006. – 288 с.

УДК 9:94

Тополев А.Ю.
Московский государственный университет им. М.В. Ломоновосва

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РОССИИ С ГОСУДАРСТВАМИ ЮЖНОГО КАВКАЗА И СРЕДНЕЙ АЗИИ В 1992–1999 гг.: ЗАПАДНЫЕ ОЦЕНКИ

A. Topolev
Lomonosov Moscow State University

THE RELATIONS BETWEEN RUSSIA AND THE STATES OF THE SOUTH CAUCASUS AND CENTRAL ASIA (1992–1999): WESTERN ASSESSMENTS

Аннотация. В статье анализируются взгляды американских и британских исследователей на ключевые аспекты отношений России с государствами Южного Кавказа, Казахстаном и странами Средней Азии в 1992–1999 гг. (проблемные вопросы двусторонней повестки, характер отношений, важнейшие события, внешнеполитические устремления руководства государств Южного Кавказа, Казахстана и стран Средней Азии, интересы Москвы применительно к отдельным странам). Рассматриваются также оценки иностранных исследователей относительно роли России в ряде конфликтов, разразившихся в регионе (Абхазия, Южная Осетия, Нагорный Карабах, Таджикистан).

Ключевые слова: внешняя политика России, политика России на постсоветском пространстве, государства Южного Кавказа, Казахстан государства Средней Азии, иностранные исследователи.

Abstract. In the article the author analyses the U.S. and British researchers' views on the key moments in the relations between Russia and the states of the South Caucasus, Kazakhstan and the states of Central Asia (problems in the bilateral agenda, the character of the relations, the most important events, foreign-policy aspirations of the South Caucasus, Kazakhstan and Central Asia states' leaders, the interests of Moscow to the region's states). The author also considers foreign researchers' valuations of Russia's role in regional conflicts (Abkhazia, South Ossetia, Nagorno-Karabakh, Tajikistan).

Key words: Russian foreign policy, Russian policy in the former Soviet Union area, the sates of the South Caucasus, Kazakhstan, the states of Central Asia, foreign researchers.

На протяжении более чем двадцати лет после распада Советского Союза события, разворачивающиеся на Южном Кавказе, в странах Средней Азии и Казахстане, продолжают оставаться в фокусе внимания представителей отечественной политической и деловой элиты, научных кругов. Объясняется это во многом той значимостью, которую эти регионы представляют для интересов Российской Федерации и которая проявляется в различных сферах: геополитической, экономической, военной и идеологической. Вместе с тем значительный интерес к закавказским и центральноазиатским государствам[1] после распада СССР проявляли и другие центры геополитического влияния, такие, как США, страны Западной Европы, Китай, Турция.

Учитывая важность Южного Кавказа, Казахстана и Средней Азии, не вызывает удивления, что различные аспекты региональной тематики оказывались под пристальным вниманием как отечественных, так и зарубежных исследователей. Не является в данном случае исключением и вопрос развития отношений между Российской Федерацией и государствами этих регионов.

© Тополев А.Ю., 2013.

[1] Понятия Южный Кавказ и Закавказье, а также Средняя Азия и Казахстан и Центральная Азия употребляются в данной статье в качестве взаимозаменяемых синонимов.

В данной статье ставится задача проанализировать взгляды британских и американских исследователей на взаимоотношения России с государствами Закавказья и Центральной Азии после распада СССР, в 1992–1999 гг.[1]. Актуальность данной темы объясняется не только важностью самих регионов и целесообразностью учета мнений иностранных учёных при оценках различных событий, но и тем фактом, что взгляды западных исследователей, многие из которых привлекаются к работе в государственных структурах в качестве консультантов, представляют интерес для осмысления политики Запада на постсоветском пространстве на протяжении последних двадцати лет.

Россия и государства Южного Кавказа

Анализируя события в Закавказье в 1990-е гг., многие иностранные специалисты обращали своё внимание на тему российско-грузинских отношений, которые оценивались ими как достаточно проблемные. Отмечалось, что первый президент Грузии Звиад Гамсахурдия выступал против ориентации страны на Россию и отказывался присоединяться к СНГ. Напротив, он стремился сформировать «имидж Грузии как особой европейской страны, которая должна немедленно разорвать все связи с Россией и своим советским прошлым» [2, с. 366]. Пришедший ему на смену Эдуард Шеварнадзе, хотя и был более реалистичным и склонным к учёту мнения Москвы политиком, также, по оценкам учёных, «намеренно концентрировал свою внешнюю политику на отрыве Грузии от России» [2, с. 366; 14, p. 113].

Наибольшее внимание исследователей в контексте российско-грузинских отношений концентрировалось на событиях вокруг Абхазии и Южной Осетии. Несмотря на то, что ряд специалистов указывал на внутренние корни абхазского и южноосетинского конфликтов [14, p. 137; 10, p. 104], доминирующей точкой зрения являлось мнение о том, что Россия способствовала их разжиганию (или, как выразился Ричард Пайпс, «провоцированию» [16, p. 73]) и сыграла тем самым отрицательную роль. Отмечалась поддержка, оказываемая Россией двум непризнанным государствам, выражавшаяся в «тренировке и снабжении сецессионистов» [12, p. 36, 563; 17, p. 94].

Причину, побудившую Москву занять сторону абхазов и осетин, некоторые исследователи усматривали в стремлении «наказать» Грузию за нежелание присоединяться к СНГ, участвовать в интеграционных инициативах России на постсоветском пространстве и оставить российские войска на своей территории [17, p. 94–95; 16, p. 73]. При этом звучали и более радикальные утверждения о том, что целью Москвы в случае с Абхазией, является ее последующая аннексия [10, p. 109]. Кроме того, Райан Менон видел причины поддержки двух непризнанных государств не только в свете грузинского фактора, но и в связи с их собственной стратегической важностью [14, p. 136].

Как отмечалось исследователями, российская помощь сецессионистам сыграла свою роль, и Э. Шеварднадзе был вынужден обратиться к России за помощью в обмен на ряд «уступок» (принятые грузинским руководством решения о присоединение Грузии к СНГ, появлении в стране четырёх российских военных баз и охране грузинской границы с Турцией российскими пограничными войсками) [14, p. 140; 16, p. 73; 12, p. 563]. Москва приняла участие в прекращении кровопролития, а её военнослужащие были размещены в миротворческих контингентах в регионе. Однако эти действия оценивались некоторыми учёными как свидетельства намерений России укрепить свою роль в обеспечении безопасности региона и сохранении контроля за ситуацией [13, p. 845].

Аналогии с российско-грузинскими отношениями исследователи видели в ситуации, складывающейся в 1990-е гг. между Россией

[1] Следует отметить, что характер источников, предполагающий концентрацию внимания исследователей на каких-либо конкретных вопросах и событиях, не даёт возможность проследить в некоторых случаях динамику развития процессов.

и Азербайджаном. Отмечалось, что ставший президентом Азербайджана в июне 1992 г. Абульфаз Эльчибей, так же как и З. Гамсахурдия, выступал против присоединения его страны к СНГ. Его внешнеполитические устремления были направлены в сторону Турции «и из чувства культурного родства и как средство вывести его страну из российской орбиты» [14, p. 111]. При этом, как и в случае со сменой власти в Грузии, «Москва приветствовала…замену Эльчибея Алиевым» [14, p. 111].

Специалисты указывали, что следующий президент Азербайджана Гейдар Алиев понимал необходимость учитывать интересы России [14, p. 111; 12, p. 563]. В качестве примеров такого рода политики приводились принятые в 1993 г. решения о вступлении Азербайджана в СНГ, а также подписании договора о коллективной безопасности [12, p. 563; 14, p. 130]. В июле 1997 г. между странами был подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной безопасности [14, p.130]. Кроме того, Г. Алиев также выступал за участие российских компаний в нефтедобыче в азербайджанском секторе Каспийского моря [14, p. 118].

В то же время Баку отверг «требования России» о предоставлении ей права размещать свои войска на территории Азербайджана, а также охранять границу с Ираном. Кроме того, Азербайджан выступал против российского подхода к определению статуса Каспийского моря и заключал соглашения не только с российскими, но и с западными компаниями о совместной разработке нефтяных запасов [14, p. 118; 8, p. 53]. При этом, как отмечали Фредерик Старр и Сванте Корнелл, стремление к самостоятельности от России подпитывалось все более возрастающим интересом, проявляемым к Баку со стороны внешних «акторов», особенно США и Турции [8, p. 54].

Тема российско-азербайджанских отношений рассматривались многими исследователями в связке с проблематикой Нагорного Карабаха. Как и в случае с Абхазией и Южной Осетией, иностранные исследователи обращали внимание на то, что российский фактор присутствовал в конфликте. Отмечалось, что это проявлялось, главным образом, в форме участия подразделений российских вооружённых сил в конфликте на стороне Армении [14, p. 129; 10, p. 98–104; 17, p. 94]. При этом однозначных утверждений о том, что российские войска действовали исключительно по приказу Москвы, а не в силу «упадка дисциплины» или «инициатив местных командиров», исследователи не выносили [14, p. 129; 10, p. 104]. Вместо этого они сходились во мнении, что у Москвы не было причин поддерживать в нагорно-карабахском конфликте Азербайджан и сдерживать Армению, пока у власти в Баку находился А. Эльчибей. При этом признавалось, что Россия сыграла важную роль в прекращении кровопролития: «Благодаря российскому посредничеству договоренность о прекращении огня был достигнута лидерами Армении, Нагорного Карабаха и Азербайджана в мае 1994 года» [14, p. 132].

Анализируя же собственно российско-армянские отношения в 1990-е гг., большинство учёных приходило к выводу, что Армения являлась главным союзником России на Южном Кавказе. Ориентация на Москву была присуща политики Еревана с «момента обретения независимости» [9, p. 58] и объяснялась историческими, географическими и геополитическими причинами. Так, Ричард Пайпс указывал, что «Армения традиционно полагается на Россию в вопросе защиты от Турции и других мусульманских соседей» [16, p. 72]. Солидаризируясь с этим утверждением и объясняя разницу во внешнеполитических устремлениях Армении и Грузии, Томас Гольц отмечал: «Существуют исторические причины для разницы подходов в отношении к России. Замкнутая, небольшая и со своими национальными трагедиями, Армения видит в России гаранта своего существования» [10, p. 96].

На протяжении рассматриваемого периода исследователями подчёркивалось поступательное развитие российско-армянских отношений в различных сферах. Важнейшим

направлением являлось взаимодействие в области безопасности, в качестве примера которого приводилось пребывание российских военных на территории страны и участие российских войск в охране армянской границы с Турцией и Ираном [2, с. 371; 14, p. 130]. В 1997 г. между двумя странами был подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, углублявший отношения российско-армянские отношения в сфере безопасности [2, с. 371; 14, p. 130]. Кроме того, как отмечали некоторые исследователи, на протяжении 1990-х гг. Ереван являлся одним из наиболее ориентированных на Москву участников СНГ [12, p. 563; 14, p. 130], а Россия оставалась «ведущей силой в армянской экономике» [8, p. 190].

Россия, государства Средней Азии и Казахстан

Проблема выстраивания контактов с Россией являлась ключевой для лидеров государств Средней Азии и Казахстана, хотя наиболее остро данный вопрос, по мнению иностранных специалистов, стоял перед Астаной.

Отношения республики с Российской Федерацией на протяжении 1990-х гг. были отмечены асимметричной взаимозависимостью. Экономика Казахстана, особенно его северных областей, была тесно связана с российской экономикой [5, с. 25]. Кроме того, два государства имели общую протяжённую границу, что, как указывала Марта Брил Олкотт, с учётом значительного количества этнически русского населения в северных областях Казахстана могло быть использовано Москвой в случае гипотетического конфликта с Россией [6, с. 42].

Осознавая степень своей зависимости от России, президент Казахстана Нурсултан Назарбаев, по мнению иностранных исследователей, избрал путь развития тесных и конструктивных отношений с Российской Федерацией и участия в интеграционных инициативах Москвы. Полагая, что в рамках коллективных структур интересы Казахстана будут максимально учтены, он выступал как «последовательный и настойчивый сторонник институциональных связей на постсоветском пространстве» [4, с. 34]. Так, республика являлась членом Содружества Независимых Государств, Договора о коллективной безопасности, а в 1995 г. вошла в Таможенный Союз.

Кроме того, не осталось незамеченной специалистами и развитие двусторонних отношений между Москвой и Астаной. Отмечалось, что в 1992 г. стороны подписали Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи, ставший «фундаментом российско-казахстанского военного сотрудничества», а в целом взаимодействие в этой сфере на протяжении рассматриваемого периода носило интенсивный характер [6, с. 63; 14, p. 152]. Несмотря на выход Казахстана из рублёвой зоны в 1993 г., экономические связи между двумя странами были очень тесными, российские компании активно проникали на местный рынок, и к 2000 г. Россия оставалась главным торговым партнёром республики [6, с. 159].

Вместе с тем исследователи обращали внимание на наличие спорных моментов в российско-казахских отношениях в 1990-е гг. В частности, статус космодрома Байконур «регулярно создавал трудности в отношениях двух стран», а исходившая из Москвы идея о двойном гражданстве для этнических русских была отвергнута руководством республики [6, с. 63, 265]. Роберт Легволд также подчёркивал, что Астана в рассматриваемый период прикладывала усилия к развитию отношений не только с Россией, но и с другими геополитическими центрами влияния, находя у них соответствующий отклик [4, с. 104]. Однако, несмотря на имевшиеся противоречия, в целом отношения России и Казахстана на протяжении 1990-х гг., по оценкам иностранных специалистов, носили тесный характер, а «импульс к интеграции» [6, с. 34] в них был выше, чем тяга к антагонизму.

В этом же русле интерпретировались исследователями и российско-киргизские отношения. Отмечалось, что хотя президент страны Аскар Акаев стремился проводить на

международной арене политику, призванную способствовать расширению внешнеполитических горизонтов страны и налаживанию контактов со странами Запада и Востока [18, p. 218; 9, p. 37], он в то же время «был склонен следовать курсу Назарбаева» [9, p. 37] в вопросе выстраивания отношений с Россией.

Киргизия не только являлась членом СНГ, но и выступала участником интеграционных проектов России на постсоветском пространстве, в частности Таможенного Союза [5, с. 73]. Как «достаточно высокий» [5, с. 17] рассматривался и уровень двустороннего сотрудничества в ряде ключевых сфер, в частности в области безопасности, свидетельством чему служило участие российских пограничных войск в охране государственной границы страны с Китаем [14, p. 136].

В качестве государства региона, в дела которого Россия в рассматриваемый период была наиболее глубоко вовлечена, специалисты определяли Таджикистан. Отмечалось, что российская военная поддержка и экономическая помощь являлись ключевыми условиями сохранения власти президентом Эмомали Рахмоновым в условиях разразившейся в стране в 1992–1997 гг. гражданской войны. «Если бы не было 201-й мотострелковой дивизии и пограничной стражи (всего около 15 тысяч человек), правительство Рахмонова рухнуло бы…» [14, p. 145]. При этом сами российские вооружённые силы рассматривалось некоторыми специалистами как инструмент обеспечения влияния Москвы в стране: «гражданская война в Таджикистане позволила обеспечить постоянное присутствие войск бывшей Советской Армии на его территории» [16, p. 72; 1, с. 172].

Применительно к тематике российско-туркменских отношений на протяжении 1990-х гг., основным вопросом, интересовавшим исследователей, являлось сотрудничество Москвы и Ашхабада в газовой сфере. Отмечалось, что с самого начала российское правительство и компания «Газпром» были заинтересованы в контроле над газовой отраслью Туркменистана [5, с. 48; 15, p. 24]. Для достижения своей цели российские власти задействовали имевшиеся в их распоряжении рычаги влияния на Ашхабад, главным из которых был контроль над экспортными трубопроводами.

Вместе с тем условия сделок, предлагаемых Россией, вызывали неудовольствие в Ашхабаде, в связи с чем специалистами фиксировались перебои в российско-туркменском газовом сотрудничестве, как, например, в 1997 г., когда туркменские власти прекратили поставки газа России [9, p. 47; 15, p. 25]. Одновременно отмечался значительный интерес иностранных компаний к освоению газовых запасов Туркмении [15, p. 11–22].

В целом же, по мнению Брюса Пэротта и Карен Давиша, Туркменистан сразу осознал «полезность поддержания двусторонних отношений с Россией» [18, p. 220], в подтверждение чему приводилось подписание уже в июле 1992 г. договора о дружбе и сотрудничестве. Отмечалось сотрудничество двух стран в вопросах безопасности, в частности российские пограничники участвовали в охране туркменской границы с Ираном [14, p. 119]. В то же время Марта Брилл Олкотт указывала, что Ашхабад также выказывал стремление к развитию отношений с другими центрами геополитического притяжения [5, с. 72, 87, 90, 92].

Среднеазиатским государством, которое в рассматриваемый период наиболее последовательно проводило линию по укреплению своего суверенитета и «оппозицию усилиям России в сторону «интеграции» [1, с. 174], по мнению большинства иностранных специалистов, являлся Узбекистан. Именно эта страна, по мнению Збигнева Бжезинского, наряду с Азербайджаном и Украиной заслуживала наибольшей поддержки со стороны США, поскольку Узбекистан представляет собой «душу пробуждающихся разнообразных национальных чувств» в регионе, а также является «фактическим кандидатом на роль регионально лидера в Средней Азии» [1, с. 156–157].

Хотя исследователи не усматривали жесткой конфронтации в узбекско-российских отношениях на протяжении 1990-х гг., а Таш-

кент присоединился и к СНГ и к Договору о коллективной безопасности, его внешняя политика была направлена на диверсификацию международных отношений. Примерами такого рода поведения являлось стремление «установить прочные отношения с США в сфере безопасности», а также готовность присоединяться к «любой международной структуре, которая может служить как противовес СНГ» [9, p. 52]. «Чтобы уменьшить опору на Россию», президент Узбекистана Ислам Каримов поддерживал развитие транспортных систем и коммуникаций в регионе [19, p. 87]. Руководством Узбекистана также прикладывались значительные усилия по сокращению зависимости от Москвы в вопросах безопасности с помощью формирования собственных кадров для офицерского корпуса армии и создания сильных подконтрольных власти специальных служб [9, p. 52].

Выводы

Рассматривая отношения России с государствами Южного Кавказа в 1990-е гг., многие иностранные исследователи проводили аналогии между российско-грузинскими и российско-азербайджанскими отношениями. Отмечалось, что первые лидеры этих государств З. Гамсахурдия и А. Эльчибей выступали против ориентации Тбилиси и Баку на Россию, а пришедшие им на смену Э. Шеварнадзе и Г. Алиев, несмотря на стремление развивать отношения с Западом и проводить независимую политику, были склонны к поиску компромисса с Москвой по проблемам внешней политики. В качестве главного союзника России в Закавказье в рассматриваемый период учёные видели Армению.

При этом значительное внимание исследователи уделяли региональным конфликтам в Южной Осетии, Абхазии и Нагорном Карабахе. Иностранные наблюдатели обращали внимание на присутствие российского фактора в тех конфликтах, в которых Москва поддерживала одну из сторон, руководствуясь собственными геополитическими интересами. При этом отмечалось и участие России в прекращении кровопролития.

Отношения с Российской Федерацией имели ключевое значение для руководства государств Средней Азии и Казахстана. Наиболее остро этот вопрос стоял перед казахским руководством в силу асимметричной взаимозависимости двух стран. Несмотря на имевшиеся противоречия, в целом отношения между Москвой и Астаной на протяжении 1990-х гг., по оценкам иностранных специалистов, носили тесный характер, а президент Казахстана Н. Назарбаев проводил политику участия в интеграционных инициативах Москвы. Подобный подход исповедовал и лидер Киргизии А. Акаев, подтверждением чему служило участие его страны в ряде коллективных организаций под эгидой Москвы, а также двустороннее сотрудничество в ключевой сфере безопасности. Применительно к Таджикистану подчёркивалось, что российская экономическая и военная помощь имела решающее значение для сохранения власти президентом Э. Рахмоновым.

В российско-туркменских отношениях внимание иностранных учёных фокусировалось главным образом на энергетических вопросах, которые сохраняли свою актуальность для сторон на протяжении всего рассматриваемого периода. При этом Ашхабад сотрудничал с Москвой и в других сферах, одновременно прикладывая усилия к развитию отношений с иными державами. Наиболее же последовательным защитником суверенитета и противником интеграционных инициатив России в регионе в 1990-е гг., по мнению иностранных учёных, выступал Узбекистан, политика которого была направлена на диверсификацию международных контактов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. Господство Америки и его стратегические императивы. – М.: Междунар. отношения, 1998. – 254 с.
2. Ваал Т. де. Грузия и её дальние соседи //Государственность и безопасность: Грузия после “революции роз” [сб. ст. / Амер. акад. гуманитар. и точных наук] ; под ред. Б. Коппитерса и Р. Легволда. – Кембридж : Изд-во Массачусетского технологического института, 2005. – С. 365–401

3. Легволд Р. Интересы великих держав в Центральной Азии // Стратегические перспективы: ведущие державы, Казахстан и центральноазиатский узел [сб. ст. / Амер. акад. гуманитар. и точных наук]; под Р. Легволда. – Кембридж: Изд-во Массачусетского технологического института, 2003. – С. 1–47.
4. Легволд Р. Политика США в отношении Казахстана // Стратегические перспективы: ведущие державы, Казахстан и центральноазиатский узел [сб. ст. / Амер. акад. гуманитар. и точных наук] ; под Р. Легволда. - Кембридж : Изд-во Массачусетского технологического института, 2003. – С. 81–130.
5. Олкотт М. Б. Второй шанс Центральной Азии. – М.; Вашингтон: Моск. Центр Карнеги, Фонд Карнеги за межд. мир, 2005. – 487 с.
6. Олкотт М. Б. Казахстан: непройденный путь. – М.: Гендальф, 2003. – 354 с.
7. Aron L. The foreign policy doctrine of postcommunist Russia and its domestic context // The New Russian foreign policy / Michael Mandelbaum, ed. – New York : Council on foreign relations,1998. – P. 23–63.
8. Cornell E. Svante Starr Fr. The Caucasus. A Challenge for Europe. – CACI & SRSP Silk Road Paper. Uppsala & Washington, 2006. – 85 p.
9. Fairbanks Ch., Nelson C.R., Starr Fr., Weisbrode K. Strategic Assessment of Central Eurasia. – The Atlantic Council and Central Asia-Caucaus Institute, SAIS, 2001. – 131 p.
10. Goltz Th. Letter from Eurasia: The hidden Russia hand // Foreign policy. – 1993. – № 92. – P. 92–116.
11. Graham T. Resurgent Russia and U.S.Purposes. A Century Foundation Report. – Washington D.C., 2009. – 35 p.
12. Kubicek P. Russian foreign policy and the West // Political Science Quarterly. – Vol. 114. – № 4. Winter, 1999–2000. – P. 547–568.
13. Lynch D. Separatist States and Post-Soviet Conflicts // International Affairs. – 2002. – 78(4). – P. 831–848.
14. Menon R. After empire: Russia and the southern «Near Abroad» // The New Russian foreign policy / Michael Mandelbaum, ed. – New York: Council on foreign relations,1998. – P. 100–166.
15. Olcott M.B. International gas trade in Central Asia: Turkmenistan, Iran, Russia and Afghanistan. James A.Baker III Institute for public policy. Rice University. Stanford University. Working Paper. – № 8. – 2004. – 40 p.
16. Pipes R. Is Russia still an enemy?// Foreign affairs. – Vol. 76. – № 5. – 1997. – P. 65–78.
17. Rivera D.W. Engagement, containment and the international politics of Eurasia // Political Science Quarterly. – Spring, 2003. – Vol. 118. – № 1. – P. 81–106.
18. Russia and the new states of Eurasia : The politics of upheaval / Karen Dawisha a. Bruce Parrott. – Cambridge etc.: Cambridge univ. press, 1994. – 445 p.
19. Starr Fr. Making Eurasia stable // Foreign affairs. – 1996. – Vol. 75. – № 1. – P. 80–92.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Политаев П.П.
Московский государственный областной университет
Политаев В.И.
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (г. Москва)

О КОНЦЕПЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТОЛОГИИ[1]

P. Politaev
Moscow State Regional University
V. Politaev
Plekhanov Russian University of Economics, Moscow

POLITICAL SYSTEM CONCEPTS AT MODERN POLITICAL MARKET OF RUSSIA

В современной политической науке наблюдается плюрализм мнений. Актуальные политические проблемы анализируются с точки зрения различных подходов, сквозь призму различных парадигм. Вместе с тем хотелось бы отметить одно важное обстоятельство, характерное, прежде всего, для российской политической науки: неоправданное игнорирование диалектико-материалистического подхода к анализу политических явлений и процессов.

Современные исследователи, «сбросив с корабля истории» теорию диалектического и исторического материализма, забывают или не хотят учитывать то обстоятельство, что в современном обществе никуда не исчез социальный конфликт, порождаемый классовыми противоречиями.

Иллюстрацией подобного игнорирования классового подхода является рассмотрение в современной политологической литературе проблемы политической системы общества.

Понятие «система» по-разному трактуется в обществоведческой и политологической литературе. Позиция ряда исследователей близка к механицизму: под системой они понимают «целое, составленное из частей» (от лат.system – множество частей целого). Так, в словаре по политологии термин «система» определен как «сложная совокупность институциональных структур и форм взаимодействий между ними» [1, с. 261]. Сходным механистическим образом определяется это понятие и в учебном пособии «Политология» под редакцией А.С. Тургаева и А.Е. Хренова: система – это «совокупность структур, норм, ориентаций по интеграции общества» [2, с. 121].

Таким образом, если следовать механистическому толкованию «политики» и «системы», то «политическая система» будет выглядеть как «совокупность политических структур, норм, ориентаций, выполняющих функции интеграции общества, адаптации к окружающей среде и способствующих принятию наиболее важных политических решений» [2, с. 121].

[1] Материал опубликован в порядке научной дискуссии

В таком абстрактном определении «политической системы» ярко просматривается субъективизм и идеализм, сторонники которых пытаются привнести в сознание широких слоев населения ложное представление о том, что система – это совокупность неопределенных «политических структур», призванных «интегрировать общество». В действительности такого рода рассуждения служат лишь интересам господствующего класса.

С диалектико-материалистических позиций «система» определяется иначе: целостность элементов, находящихся в отношениях и связях между собой, образующих определенное их единство [3, с. 329]. Таким образом, «система» трактуется как целостность, а не целое, механически составленное из частей.

В свою очередь, целостность рассматривается как внутреннее единство объекта, его автономность, т. е. относительная независимость от окружающей среды [3, с. 406].

Следовательно, всякая система в природе (неживой, живой, животной и социальной) есть, прежде всего, объективная целостность внутренне взаимосвязанных и взаимодействующих элементов, существующих лишь относительно независимо от окружающей среды. Вот почему мы вправе, с диалектико- и историко-материалистических позиций, понимать под «системой» не абстрактную совокупность, т.е. сумму каких-то элементов, образующих застывшее целое, составленное из частей, а замкнутую, относительно самостоятельную целостность, имеющую внутренние источники и механизм функционирования, а также его результат, оказывающий обратное воздействие на источники и механизм данной целостности.

Как видим, механистическое понимание политической системы имеет серьезные недостатки.

Во-первых, сторонники механицизма искусственно конструируют модель политической системы, а не отображают систему такой, какой она выступает объективно, реально.

Во-вторых, трактовка некоторыми современными политологами политической системы учитывает лишь взаимосвязь, взаимообусловленность и взаимодействие элементов, но игнорирует их противодействие или могущие возникнуть внутренние противоречия.

Наконец, в-третьих, понимание политической системы как интегрированного целого призвано затушевать реальную классовую сущность политики, представив последнюю как некое абстрактно общественно-значимое явление, но при этом, напрочь игнорируется то обстоятельство, что политика является «концентрированным выражением экономики».

По нашему мнению, говоря о политической системе с диалектико-материалистических позиций, следует, прежде всего, обратить внимание на ее ключевые характеристики.

1. Политику следует понимать как специфическую сферу функционирования классового общества, где реально имеют место отношения между классами и их организованными отрядами (партиями) по поводу осуществления власти;

2. Систему нужно определять как объективную, закономерно внутренне взаимосвязанную, относительно замкнутую и функционирующую целостность, включающую в себя общественные классы, а также механизм их взаимодействия или противодействия и, наконец, результаты функционирования, обратно воздействующие на источник и механизм функционирования целостности.

Сказанное выше предполагает, что политическая система может быть представлена качественно иначе: это множество взаимосвязанных, взаимообусловленных, взаимодействующих и/или противодействующих элементов политики, образующих целостность, включающую в себя:

– источники – политические силы, т.е. общественные классы,

– социальные институты: прежде всего, партии и государство;

– механизм функционирования – политические отношения между политическими силами (процессы);

– политическая культура как совокуп-

ность материальных и духовных ценностей классового общества, связанная с организацией и осуществлением политической власти.

Такое представление о политической системе общества, на наш взгляд, более точно, чем имеющие место в современной политологии трактовки, соответствует реалиям современного общества. Оно представляет политическую систему не как некое застывшее «целое, составленное из частей», а как целостность взаимообусловленных и взаимодействующих или противодействующих политических сил по поводу устройства и осуществления политической власти в классовом обществе.

При таком понимании «политической системы» мы видим механизм взаимодействия или противодействия политических сил, а именно – реальные политические отношения и политические процессы, происходящие по поводу устройства и осуществления политической власти.

Наконец, такая трактовка «политической системы» позволяет видеть результаты происходящих политических отношений (процессов), а именно реальные политические институты и политические идеологии, возникающие в классовом обществе у политических сил и оказывающие обратное воздействие на все политические силы и на их отношения между собой по поводу власти.

В заключение следует подчеркнуть, что интерес политической науки к исследованию политических систем обусловлен их значительной ролью в жизни каждого человека. Любой философ, социолог, политолог и правовед, как и другие члены общества, объективно, т.е. независимо от своей воли и сознания, включен в политическую систему классового общества. И об этой социальной обусловленности при анализе и оценке политических событий российскому ученому (прежде всего, младшего поколения) не следует забывать.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Политология: Краткий словарь / Ред. В.Н. Коновалов . – Ростов-на-Дону: Феникс, 2001 . – 448 с.
2. Политология: Учебное пособие / Под ред. Тургаева А.С., Хренова А.Е. – СПб.: Питер, 2005. – 560 с.
3. Философский словарь / Под ред. Фролова И.Т. Изд. 4-е. – М.: Политиздат, 1980. – 444 с.

УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ МОСКОВСКОГО ОБЛАСТНОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ПОЛИТОЛОГОВ

31 мая 2013 г. в Московском государственном областном университете состоялось учредительное собрание Московского областного отделения Российского общества политологов (далее МОО РОП).

На собрании присутствовали представители вузов и академических институтов Московского региона: Московского государственного областного университета, Московского государственного областного гуманитарного института, Российского государственного университета туризма и сервиса, Российской таможенной академии, Московского городского психолого-педагогического университета, Московского финансово-промышленного университета «Синергия», Московского государственного машиностроительного университета «МАМИ» и др.

Собрание открыл заведующий кафедрой политологии и права МГОУ, доктор исторических наук В.Г. Егоров, избранный Председателем Общего собрания учредителей МОО РОП. Он выразил надежду на то, что созданное региональное отделение РОП внесет свой вклад в развитие политологической науки при условии консолидации усилий политологов Московской области.

Собравшиеся единогласно высказались за создание МОО РОП и избрали Правление отделения в составе: доктор исторических наук, профессор В.Г. Егоров (руководитель отделения), доктор исторических наук, профессор В.Э. Багдасарян, доктор политических наук, профессор А.И. Кирсанов, кандидат политических наук, доцент А.В. Абрамов и кандидат политических наук С.Н. Федорченко (секретарь отделения)

Собравшиеся заслушали приветственные письма от российского политолога, декана Высшей школы (факультета) телевидения МГУ им. М. В. Ломоносова В.Т. Третьякова, Президента редакции газеты «Известия» В.К. Мамонтова и директора Историко-филологического института МГОУ, доктора исторических наук, профессора А.Н. Фукса. Все письма содержали пожелания успешного развития и процветания обществу политологов.

Затем к собранию обратился доктор политических наук, профессор Московского государственного университета им М.В. Ломоносова А.В. Манойло. Он огласил обращение оргкомитета Российского общества политологов и выразил надежду на то, что созданное Московское областное отделение наладит контакты с другими региональными отделениями РОП и политологическими обществами стран СНГ, что, в частности, поможет расширить возможности трудоустройства выпускников-политологов.

На необходимость создания научной и организационной структуры политологов Московской области обратили свое внимание кандидат исторических наук, доцент РГУТИС А.Э. Ларионов и доктор политических наук, профессор МГОУ А.И. Панов.

Свою позицию относительно приоритетных направлений деятельности МОО РОП высказал кандидат политических наук, доцент МГОУ А.В. Абрамов. По его мнению, этими направлениями являются исследование постсоветской реальности и изучение политических процессов в Московской области.

О необходимости поиска российской политологией своего национального лица заявил доктор политических наук, профессор Высшей Школы экономики А.А. Гусев. С его точки зрения, в восприятии политологии как науки Россия должна достигнуть уровня таких стран как Германия и Франция, где 60% государственных чиновников прошли обучение в политологических школах.

Своим мнением об условиях, необходимых для эффективного функционирования подмосковного политологического сообщества,

поделился доцент МГОУ, кандидат политических наук С.Н. Федорченко. Он отметил, что наличие общих интересов, корпоративность и налаженная коммуникация между членами сообщества является основой плодотворного развития МОО РОП.

На необходимость коммуникации МОО РОП с другими организациями и властными институтами Московской области указал в своем выступлении декан факультета истории, политологии и права МГОУ, доктор исторических наук, профессор В.Н. Захаров. Его мысль поддержал проректор МГОГИ, кандидат исторических наук С.А. Моркунцов.

Обмен мнениями позволил собравшимся придти к ясному пониманию цели и задач МОО РОП.

Собранием также было решено направить информационные письма и.о. Губернатора Московской области и Председателю Московской областной Думы.

Учредительное собрание МОО РОП завершилось избранием двух делегатов на Всероссийский съезд общества политологов (В.Г. Егоров и А.В. Абрамов) и решением других организационных вопросов.

Студенты факультета истории, политологии и права МГОУ
В.О. Коленчук, Л.Г. Прибытко, А.О. Муругова, К.С. Ганин

НАШИ АВТОРЫ

Балуев Андрей Юрьевич – аспирант кафедры новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета; e-mail: balueff.andrew@yandex.ru

Воронина Татьяна Евгеньевна – кандидат философских наук, редактор журнала «Вестник Института истории, археологии и этнографии» Дагестанского научного центра Российской академии наук; e-mail: spasibo51@mail.ru

Гребенюк Валерий Станиславович – аспирант кафедры всемирной истории и международных отношений Луганского национального университета им. Тараса Шевченко (Украина); e-mail: valeraforever@bk.ru

Децюк Андрей Русланович – аспирант кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета; e-mail: andre_decuk@rambler.ru

Королев Сергей Владимирович – аспирант кафедры истории России Смоленского государственного университета; e-mail: skorolef@ya.ru

Короткова Анна Васильевна – аспирант кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета; e-mail: anina_pocta@mail.ru

Ларюшкин Олег Викторович – аспирант кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета; e-mail: laryuschkin@yandex.ru

Лучникова Евгения Александровна – аспирант кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета; e-mail: luchnikova23@mail.ru

Мараев Владлен Ростиславович – аспирант кафедры древней и новой истории Украины Киевского национального университета им. Тараса Шевченко (Украина); e-mail: VladlenMarayev@ukr.net

Мегем Максим Евгеньевич – младший научный сотрудник Центра социально-экономических исследований Балтийского федерального университета им. И. Канта (г. Калининград); e-mail: megem@yandex.ru

Назаров Андрей Александрович – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры истории, социологии и права Московского государственного университета тонких химических технологий им. М.В. Ломоносова; e-mail: anazarov@nm.ru

Нестеров Илья Александрович – аспирант кафедры политической истории Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; e-mail: vnorme2.0@mail.ru

Печищева Людмила Александровна – докторант кафедры истории России новейшего времени Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области медиатехнологии Московского государственного лингвистического университета; e-mail: lusya-85@inbox.ru

Политаев Виталий Игоревич – студент общеэкономического факультета Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова; e-mail: politaev_vitaly@mail.ru

Политаев Петр Петрович – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры политологии и права Московского государственного областного университета; e-mail: p.politaev@mail.ru

Разумов Сергей Александрович – аспирант кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета, учитель истории и обществознания СОШ г. Волоколамска (Московская область); e-mail: sergiy1989@gmail.com

Сафронов Александр Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры археологии, истории древнего мира и средних веков Московского государственного областного университета; e-mail: safronov1477@yandex.ru

Скрипченко Наталия Анатольевна – аспирант кафедры древней и новой истории Украины Киевского национального университета им. Т. Шевченко; e-mail: natali_skripchen@ukr.net

Суханова Наталья Ивановна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета; e-mail: Sukhanovani@rambler.ru

Сызранов Андрей Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Астраханского государственного университета; e-mail: A_Sizranov@mail.ru

Тополев Александр Юрьевич – аспирант кафедры отечественной истории XX-XXI века Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; e-mail: aytopolev@mail.ru

Шатилов Дмитрий Олегович – аспирант кафедры новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета; e-mail: lasorcier@mail.ru

ВЕСТНИК
Московского государственного областного университета

Научный журнал «Вестник МГОУ» основан в 1998 г. На сегодняшний день выходят десять серий «Вестника»: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Все серии включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по наукам, соответствующим названию серии. Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовая версия журнала доступна в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «История и политические науки»
2013. № 3

Над номером работали:

менеджер Отдела по изданию журнала «Вестник МГОУ» *И.А. Потапова*
литературный редактор *О.О. Волобуев*
переводчик *Е.В. Приказчикова*
корректор *Н.Л. Борисова*
компьютерная верстка *К.Ю. Клебанова*

Отдел по изданию научного журнала «Вестник МГОУ»
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98
тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
Сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 60x86/8. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».
Тираж 350 экз. Уч.-изд. л. 9,25, усл. п.л. 14,5.
Подписано в печать 20.06.2013. Заказ № 69.
Отпечатано в типографии МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, 10а